

100 ЛЕТ ВЕРХОВНОМУ СУДУ РОССИИ

Верховному Суду России исполняется 100 лет. Эта значимая дата в истории Российского государства знаменует собой укрепление законности и формирование единой судебной системы нашей страны. В этой связи представляет интерес вопрос о том, по какой причине история высшего судебного органа исчисляется именно с 1922 года.

22 февраля 1711 г. Петром I был издан Указ об учреждении Правительствующего Сената, который начинался словами: “определили быть для отлучек наших Правительствующий Сенат для управления”. Сенат совмещал функции в сфере законодательной, исполнительной власти, рассмотрения судебных дел и надзора за соблюдением законности, был наделен широким кругом полномочий, не свойственных судебному органу. Именно поэтому его нельзя расценивать как прообраз будущего Верховного Суда.

Правительствующий Сенат был упразднен на основании п. 1 Декрета о суде № 1 СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. В первые годы советской власти одновременно существовали две системы судов — народные суды и революционные трибуналы. Данные судебные органы в организации и деятельности основывались на противоположных принципах (трибуналы руководствовались прежде всего революционным правосознанием, а народные суды — положениями законодательства). При этом в системе революционных трибуналов действовал центральный орган — Революционный трибунал при ВЦИК, впоследствии переименованный в Верховный Трибунал при ВЦИК, а в системе народных судов высший судебный орган отсутствовал и кассационными полномочиями были наделены только губернские советы народных судей (губсовнарсуды). Несформированность единой судебной системы и единой высшей судебной инстанции порождала серьезную проблему — отсутствие единства судебной практики.

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 10 марта 1921 г. было утверждено Положение о высшем су-

дебном контроле. Осуществление этого контроля было возложено на Народный комиссариат юстиции РСФСР, который входил в систему исполнительной власти, был подотчетен Совету народных комиссаров РСФСР и поэтому не мог быть высшим судебным органом.

1 января 1922 г. вышел в свет первый выпуск официального издания Народного комиссариата юстиции — Еженедельник Советской юстиции. Первая полоса содержала объявление о проведении IV Всероссийского съезда деятелей Советской юстиции¹.

На Съезде Председатель Верховного Трибунала при ВЦИК Н.В. Крыленко впервые публично озвучил предложение об объединении революционных трибуналов и народных судов, а также о создании во главе единой судебной системы России Верховного Суда РСФСР в целях обеспечения единообразия судебной практики в масштабах всей страны.

Дискуссия по этому вопросу была весьма эмоциональной, далеко не все участники Съезда поддержали предложения Н.В. Крыленко. Главный аргумент противников идеи создания Верховного Суда заключался в том, что новый орган не справится с потоком жалоб, поступающих со всей территории России.

Однако большинством голосов была принята резолюция, предусматривающая создание единого высшего судебного органа. Подготовленное в НКЮ РСФСР Положение о судостроительстве РСФСР, предусматривающее создание Верховного Суда РСФСР, было принято ВЦИК 11 ноября 1922 г. и введено в действие с 1 января 1923 г.

К компетенции Верховного Суда РСФСР было отнесено осуществление судебного контроля над всеми без исключения судами Республики. Он рассматривал в кассационном порядке дела, разрешенные губернскими судами, и в порядке надзо-

¹Еженедельник Советской юстиции, 1922, № 1, с. 1.

ра — дела, разрешенные любыми нижестоящими судами. В качестве суда первой инстанции Верховный Суд рассматривал дела особой государственной важности.

4 января 1923 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление о временном составе Верховного Суда РСФСР.

С первых дней своей работы Верховный Суд России приступил к реализации полномочий в сфере обеспечения единообразия судебной практики.

Одним из первых документов, направленных высшим судебным органом в нижестоящие суды, стал Циркуляр Верховного Суда № 6, утвержденный Президиумом Верховного Суда РСФСР 6 февраля 1923 г.: «Верховный Суд разъясняет, что циркуляры, как ранее изданные Верховным Трибуналом ВЦИК, так и имеющие быть изданными Верховным Судом, обязательны для всех судов и трибуналов всех категорий во всем, имеющем отношение к этим судам или трибуналам, хотя бы циркуляры были адресованы лишь одной категории судов и трибуналов»¹.

13 февраля 1923 г. в № 6 Еженедельника Советской юстиции впервые публикуются материалы под рубрикой «Из деятельности Верховного Суда», а в № 7—8 Еженедельника Советской юстиции от 20—27 февраля 1923 г. открывается рубрика «Кассационные решения Верховного Суда». И первая правовая позиция Верховного Суда, с которой могли ознакомиться читатели, гласила: «Отсутствие минимума процессуальных прав, предоставленных обвиняемому по 111 ст. Угол.-Проц. Код., влечет отмену приговора в кассационном порядке». В этом же номере впервые были опубликованы циркуляры Верховного Суда РСФСР.

Представляет интерес тот факт, что в сфере уголовного судопроизводства уже в первые годы своей работы Верховный Суд РСФСР ориентировал суды на необходимость изменения сложившихся подходов к назначению излишне суровых наказаний, призывал к более широкому применению наказаний, не связанных с лишением свободы. Подводя итоги работы Верховного Суда РСФСР за 1928 год и первые 5 лет его существования, первый Председатель Верховного Суда РСФСР П.И. Стучка указал: «Не установилось пока надлежащей соразмерности в определении срока лишения свободы... Если вначале истории нашего народного суда слышались жалобы на слишком мягкие приговоры, то теперь можно скорее говорить о слишком суровой оценке некоторых преступлений и проступков... Верхнему суду пришлось вести самую серьезную борьбу... за снижение репрессий по бытовым преступлениям»².

Таким образом, с самого начала работы Верховный Суд РСФСР ставил перед собой задачи обеспечения судебной защиты прав и законных интересов граждан, формирования единообразия судебной практики, гуманизации уголовного судопроизводства.

Эти приоритетные направления законотворческой и правоприменительной деятельности сохранили свою актуальность и востребованность на протяжении 100 лет, прошедших со дня образования высшего судебного органа.

В конце XX века Верховный Суд России, а также все судебное сообщество выступили основными движущими силами происходивших в стране изменений и опорой становления самостоятельной и независимой судебной власти в Российской Федерации.

Так, 11 апреля 1991 г. состоялось совместное заседание Президиума Верховного Суда РСФСР и коллегии Министерства юстиции РСФСР, на котором было принято постановление о проведении I Всероссийского съезда судей и утвержден состав оргкомитета по проведению Съезда. Его членами стали судьи всех уровней судебной системы Российской Федерации — от районных народных судов до Верховного Суда России.

Верховный Суд РСФСР как один из учредителей журнала «Советская юстиция» широко использовал возможности этого юридического издания для доведения своей позиции о необходимости проведения судебной реформы до всех судей России. Председатель Верховного Суда РСФСР и Министр юстиции РСФСР выступили на страницах журнала с Обращением к судьям Российской Федерации, которое содержало призыв направлять свои предложения по осуществлению реформы в оргкомитет Съезда.

В июле 1991 г. оргкомитет подготовил предложения по концепции судебной реформы, которые были опубликованы в журнале «Советская юстиция» в августе 1991 г. и внесены на обсуждение Съезда. Эти предложения стали первым в новейшей истории России программным документом о перспективах совершенствования правосудия.

I Всероссийский съезд судей состоялся в Москве с 17 по 18 октября 1991 г. Его делегаты поддержали предложения по концепции судебной реформы, подготовленные оргкомитетом, и приняли заявление, в котором содержался призыв к Президенту Российской Федерации, парламентариям и органам исполнительной власти наполнить многочисленные декларации о необходимости формирования судебной власти реальным содержанием.

Со дня принятия заявления I Всероссийского съезда судей прошло более 30 лет, и за этот период в Российской Федерации принято свыше 500 законодательных актов о совершенствовании судостроительства, судопроизводства и правового статуса судей. Верховный Суд внес в Государственную Думу порядка 200 законопроектов, а Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял свыше 300 постановлений по вопросам правоприменения.

Эта работа позволила реализовать предложения судебного сообщества, развить и конкретизировать концептуальные положения, которые были поддержаны делегатами I Всероссийского съезда судей.

¹ Еженедельник Советской юстиции, 1923, № 10, с. 231.

² Еженедельник Советской юстиции, 1929, № 29, с. 668.

Первым нормативным правовым актом, предусматривающим правовой статус судьи как носителя судебной власти, устанавливающим несменяемость и неприкосновенность судей, стал Закон Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”.

Проект закона был внесен в Верховный Совет России тремя субъектами права законодательной инициативы — Президентом Российской Федерации, Верховным Судом Российской Федерации и Комитетом по законодательству Верховного Совета Российской Федерации.

Символично одобрение проекта этого закона в первом чтении в первый в отечественной истории День России — 12 июня 1992 г.

Важным этапом становления судебной власти в России стало ее конституционно-правовое закрепление. Председатель Верховного Суда Российской Федерации принимал участие в работе Конституционного совещания в июне — июле и в октябре — ноябре 1993 г., обосновывая в том числе необходимость закрепления в Основном законе полномочий Верховного Суда давать разъяснения по вопросам судебной практики.

С первого дня действия Конституции Российской Федерации Верховный Суд приступил к работе по реализации ее положений в правоприменительной практике.

Уже 24 декабря 1993 г., спустя 12 дней после принятия Конституции Российской Федерации, было принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации “О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации”. В постановлении было обращено внимание на то, что положения Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и Закона Российской Федерации от 13 марта 1992 г. “Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации”, предусматривающие возможность осуществления выемки почтово-телеграфной корреспонденции и иных действий, ограничивающих права граждан на неприкосновенность жилища, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, с санкции прокурора (т.е. без судебного решения), не подлежат применению, так как Конституция Российской Федерации, обладающая высшей юридической силой и прямым действием, предусматривает возможность ограничения этих прав только на основании решения суда.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. “О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг” было разъяснено, что в силу ст. 20 Конституции Российской Федерации, имеющей высшую юридическую силу, за совершение этих преступлений не может быть назначена смертная казнь. Примечательно, что соответствующие изменения в Уголовный кодекс РСФСР были внесены только 1 июля 1994 г.

Логическим продолжением этой работы стало принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г.

“О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия”.

Одним из ключевых направлений законотворческой работы Верховного Суда России стало создание федеральной судебной системы.

Процесс принятия Федерального конституционного закона “О судебной системе Российской Федерации” принял затяжной характер, поскольку руководители некоторых республик, краев и областей подвергли жесткой критике положения законопроекта, выступили против предлагаемой процедуры назначения судей, полагая, что этот вопрос должен быть отнесен к компетенции региональных органов власти.

Позиция Верховного Суда России по этому вопросу была неизменной и последовательной: Конституция Российской Федерации предусматривает назначение федеральных судей Президентом Российской Федерации, и любые отступления от конституционных требований недопустимы.

3 октября 1995 г. Закон был отклонен Советом Федерации. При его повторном рассмотрении возобновились дискуссии о предлагаемой процедуре назначения судей, было оглашено обращение Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина с призывом одобрить Федеральный конституционный закон. При повторном голосовании для принятия Закона не хватало всего 3 голосов сенаторов, было предложено провести голосование путем опроса всех членов Совета Федерации. Это предложение было поддержано. 26 декабря 1996 г. Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” был одобрен Советом Федерации, 31 декабря 1996 г. подписан Президентом Российской Федерации, с 1 января 1997 г. введен в действие.

Впоследствии Верховный Суд Российской Федерации отменял судебные акты, принятые судьями, которые в нарушение Конституции Российской Федерации были назначены органами власти субъектов Российской Федерации, а не Президентом Российской Федерации.

Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации выполнял большую работу, направленную на обеспечение соответствия законов субъектов Российской Федерации актам федерального законодательства, признавал недействующими региональные законы, которые противоречили нормативно-правовым актам более высокой юридической силы. Эта работа затронула все отрасли законодательства.

С учетом требований Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона “О судебной системе Российской Федерации” в 1996 году Верховным Судом России был подготовлен проект федерального конституционного закона “О военных судах Российской Федерации”, который был одобрен на заседании Пленума Верховного Суда Российской Федерации и в апреле 1997 г. внесен в Государственную Думу.

При его обсуждении основные замечания касались отсутствия подлинной независимости военных судов от органов военного управления. При

доработке законопроекта это замечание было учтено и предусмотрено, что организационное обеспечение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации осуществляет сам Верховный Суд, а остальных военных судов — Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации.

Одобрение Закона Советом Федерации затянулось, так как была озвучена точка зрения, что военные суды, в которых рассмотрение дел осуществляется судьями-военнослужащими, не в полной мере соответствуют требованиям Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года о надлежащем судебном органе, способном обеспечить независимое и справедливое правосудие. Это привело к отклонению Закона Советом Федерации и созданию согласительной комиссии.

10 июня 1998 г. Закон все-таки получил одобрение в Совете Федерации. Однако на него было наложено вето Главы государства, возражения которого также основывались на позиции о нецелесообразности совмещения судейского статуса и статуса военнослужащего.

Преодолеть трудную ситуацию с принятием Федерального конституционного закона “О военных судах Российской Федерации” в тот период стало возможным через отказ от положений, предусматривающих приостановление статуса военнослужащего на период работы судьей, что объяснялось непростыми социально-экономическими условиями, создающими риск отказа военных судей от продолжения судейской работы.

В 2009 году воинские звания в военных судах были упразднены, что стало очередным этапом на пути совершенствования военной юстиции. К этому моменту проблемы финансового и социального обеспечения судейского корпуса были решены, и сохранение военными судьями воинских званий утратило свою актуальность.

Еще одним направлением законотворческой деятельности Верховного Суда России стало изменение нормативно-правовой базы в сфере финансового и организационного обеспечения деятельности судов.

Осуществление этих функций органом исполнительной власти — Министерством юстиции Российской Федерации — не соответствовало конституционным положениям о независимости судов и нередко создавало значительные сложности в осуществлении правосудия.

IV (чрезвычайный) Всероссийский съезд судей 5 декабря 1996 г. признал необходимой передачу функций обеспечения судебной деятельности из системы органов исполнительной власти в систему органов, действующих при судебной системе Российской Федерации.

Реализуя решения Съезда судей, Верховный Суд 8 апреля 1997 г. внес в Государственную Думу проект федерального закона “О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации”. Этот Закон вступил в силу 14 января 1998 г.

В 1999 году по законодательной инициативе Верховного Суда Российской Федерации был

принят Федеральный закон “О финансировании судов Российской Федерации”. Его принятию предшествовали решение Правительства Российской Федерации о сокращении денежных средств, предусмотренных на финансирование судебной системы законом о бюджете, признание Конституционным Судом Российской Федерации этого решения противоречащим Основному закону и отказ Министерства финансов Российской Федерации исполнять Постановление Конституционного Суда Российской Федерации. Впоследствии Министерство пересмотрело свою позицию, однако необходимость законодательного закрепления финансовых гарантий независимости судебной власти стала очевидной.

Верховный Суд Российской Федерации подготовил проект федерального закона “О финансировании судов Российской Федерации” и внес его в Государственную Думу 5 ноября 1998 г. Закон вступил в силу 18 февраля 1999 г.

Повышение эффективности судопроизводства, совершенствование правосудия были и остаются ключевыми направлениями работы Верховного Суда Российской Федерации.

Так, в ст. 118 Конституции Российской Федерации получил закрепление институт административного судопроизводства, однако для реализации этого конституционного положения потребовалось более 20 лет.

21 сентября 2000 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации внес в Государственную Думу проект федерального конституционного закона “О федеральных административных судах в Российской Федерации”.

Правительство Российской Федерации представило негативный отзыв о проекте. В ходе рассмотрения проекта в первом чтении в Государственной Думе разгорелась дискуссия, мне было задано много вопросов о содержании предлагаемых изменений. В результате обсуждения большинство депутатов высказались в поддержку принятия проекта: “за” проголосовали 338 депутатов, “против” — всего 4 (2 воздержались).

Однако федеральный конституционный закон так и не был принят: он почти 13 лет оставался без движения, а 11 июня 2013 г. был отклонен в связи с внесением в Государственную Думу Президентом Российской Федерации Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Проект этого Кодекса, подготовленный Верховным Судом еще в 2003 году, получил высокую оценку отечественных и зарубежных ученых и практиков.

Одновременно с работой над проектом Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации 15 сентября 2003 г. моим приказом в Судебной коллегии по гражданским делам был образован судебный состав по административным делам.

16 ноября 2006 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации внес проект Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в Государственную Думу, где он находился без движения более 6 лет. Обновленная редакция Кодекса, доработанная с участием Верхов-

ного Суда Российской Федерации, была внесена в Государственную Думу Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 26 марта 2013 г., ранее внесенный Верховным Судом проект был отозван из Государственной Думы в связи с внесением проекта Главой государства.

Благодаря поддержке Президента Российской Федерации Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации был принят и вступил в силу 15 сентября 2015 г.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял более 20 постановлений, содержащих свыше 600 правовых позиций о практике рассмотрения судами административных дел, а Президиум Верховного Суда Российской Федерации утвердил свыше 30 обзоров судебной практики, которые содержат более 200 правовых позиций о рассмотрении судами данной категории дел. Эта важная работа позволяет обеспечить эффективную защиту прав и законных интересов граждан в спорах с органами власти и должностными лицами.

Одним из направлений законотворческой и правоприменительной деятельности Верховного Суда Российской Федерации остается реализация принципа гласности правосудия.

По законодательной инициативе Верховного Суда принят Федеральный закон “Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации”, который вступил в силу 1 июля 2010 г.

Во исполнение этого Закона всем судам в Российской Федерации созданы официальные Интернет-сайты, вступившие в законную силу решения судов размещаются в сети “Интернет”.

Гласность судопроизводства гармонично связана с его доступностью. Верховным Судом реализуются меры, направленные на расширение сферы применения судами современных технологий, обеспечивающих дистанционную подачу процессуальных документов в суды, участие в судебных заседаниях посредством видеоконференц-связи и веб-конференции, получение судебных постановлений в виде электронного документа.

Верховный Суд Российской Федерации также уделяет повышенное внимание вопросам реализации принципов справедливости и гуманизма в уголовном судопроизводстве.

За последние 20 лет Пленум Верховного Суда Российской Федерации более 50 раз обращался к вопросам назначения уголовных наказаний и избрания мер пресечения, и за этот период количество осужденных к реальному лишению свободы сократилось более чем в 2 раза — с 386 000 лиц в 2001 году до 159 000 лиц в 2021 году.

С 2001 года, когда мера пресечения в виде заключения под стражу согласно принятому Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации стала избираться судом, а не прокурором, численность лиц, к которым она применена, сократилась в 4 раза — с 366 000 лиц в 2001 году до 87 900 лиц в 2021 году.

С 15 июля 2016 г. по законодательной инициативе Верховного Суда Российской Федерации предусмотрена возможность прекращения уголовного дела о преступлении небольшой или

средней тяжести с назначением судебного штрафа. Количество лиц, освобожденных от уголовной ответственности по этому основанию, увеличилось с 5700 лиц в 2016 году до 19 000 лиц в 2021 году.

В целях реализации принципов справедливости и гуманизма Пленум Верховного Суда 13 октября 2020 г. внес в Государственную Думу проект федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка”. Реализация этой законодательной инициативы будет способствовать социализации граждан, впервые совершивших преступление, не представляющее большой общественной опасности.

Важной мерой, направленной на совершенствование правосудия, стало объединение Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, которое было связано с необходимостью исключить отказ в судебной защите при возникновении споров о подведомственности дела, установить общие правила организации судопроизводства, обеспечить единообразие судебной практики.

Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации был принят 5 февраля 2014 г., и 6 августа 2014 г. объединенный Верховный Суд Российской Федерации начал свою работу.

Более 40 постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, принятых после 6 августа 2014 г., содержат свыше 2000 правовых позиций, которые учитываются судами как в гражданском, так и в арбитражном судопроизводстве.

В результате этой работы исключены противоречия в толковании и применении правовых норм судами общей и арбитражной юрисдикции.

По очередной успешно претворенной в жизнь законодательной инициативе Верховного Суда с 1 октября 2019 г. начали работу 9 кассационных судов общей юрисдикции и 5 апелляционных судов общей юрисдикции, кассационный и апелляционный военные суды.

Новая модель судостроительства исключает совмещение в одном суде общей юрисдикции нескольких инстанций по одним и тем же делам.

Кассационные и апелляционные суды общей юрисдикции образованы по экстерриториальному принципу, в соответствии с которым судебные округа не совпадают с административно-территориальным делением государства, чем обеспечивается повышение стандартов независимости судей.

Внесены поправки в гражданское процессуальное, уголовно-процессуальное законодательство и законодательство об административном судопроизводстве, предусматривающие введение в кассационных судах общей юрисдикции принципа “сплошной кассации”, в соответствии с которым все кассационные жалобы в судах общей юрисдикции рассматриваются коллегиально в судебном заседании с приглашением сторон, без какого-либо предварительного отбора.

В результате количество удовлетворенных кассационных жалоб в гражданском судопроизводстве увеличилось с 4% до 14%, в административном судопроизводстве — с 3% до 13%, а в уголовном судопроизводстве — с 8% до 18%.

Верховный Суд России выполняет большую работу, направленную на укрепление международно-правовой интеграции и международного судебного сотрудничества.

10 октября 2003 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление “О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации”, проект которого был подготовлен с участием представителей научного сообщества.

За последние 30 лет делегации Верховного Суда Российской Федерации совершили 188 официальных визитов, посетив 82 государства. Верховным Судом заключены соглашения о сотрудничестве с высшими судебными инстанциями 33 государств.

В сентябре 2006 г. в Шанхае по инициативе Председателя Верховного Народного Суда КНР Сяо Яна и Председателя Верховного Суда Российской Федерации состоялось первое Совещание председателей верховных судов государств — членов ШОС. Совещания стали проводиться ежегодно, а в 2007, 2013 и 2019 годах Совещания проводились в Российской Федерации.

Верховным Судом проводится Международный юридический форум стран Азиатско-Тихо-

океанского региона. В 2021 году в работе форума посредством веб-конференции приняли участие представители 16 государств.

В период пандемии новой коронавирусной инфекции международное судебное сотрудничество не было прекращено или приостановлено. Напротив, в 2021 году Верховный Суд Российской Федерации принял участие в 17 международных форумах, конференциях, совещаниях и вебинарах.

Таким образом, с самого начала судебной реформы Верховный Суд Российской Федерации активно и последовательно осуществлял работу по совершенствованию правосудия.

Ее результатом стали формирование самостоятельной и независимой судебной власти, становление правового статуса судьи, законодательное закрепление организационных, процессуальных, финансовых и социальных гарантий их независимости, создание единой судебной системы, обеспечение единообразия судебной практики, повышение эффективности судебной защиты прав и законных интересов граждан и бизнеса, расширение доступа к правосудию.

Верховный Суд Российской Федерации продолжит законотворческую и правоприменительную деятельность, направленную на реализацию фундаментальных принципов судопроизводства.

*В.М. ЛЕБЕДЕВ,
Председатель Верховного Суда
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Гражданин вправе требовать судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации в случае распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, если совокупность таких сведений позволяет сделать вывод о том, что они распространены в отношении именно него. Такие требования могут быть рассмотрены в порядке особого производства только в том случае, если установит лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, невозможно

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 26 апреля 2022 г. № 5-КГ22-28-К2*

(Извлечение)

К. обратился в суд с заявлением о признании не соответствующими действительности сведений, порочащих деловую репутацию, указав на

то, что в сети “Интернет” одновременно на 9 сайтах размещены отзывы пользователей о его профессиональной деятельности пластического хирурга. Заявитель ссылался на то, что его стаж работы составляет 15 лет, он является кандидатом медицинских наук, на его счету более тысячи успешных операций и нет ни одного случая обращения пациентов в суд либо предъявления претензий по поводу некачественного лечения или некорректного обращения.

Однако в указанных выше отзывах на сайтах в сети “Интернет” содержатся, по мнению заявителя, не соответствующие действительности и порочащие его деловую репутацию сведения о якобы некачественно проведенных им операциях, причинивших вред здоровью пациентов, повлекших их обезображивание, а также о его грубости и некорректном отношении к пациентам.

К. просил признать распространенные в отношении него сведения не соответствующими действительности, порочащими его деловую репутацию и удалить их из сети “Интернет”.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано.

Определением судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции судебные постановления нижестоящих судебных инстанций оставлены без изменения.

Отказывая в удовлетворении заявления К., суд первой инстанции, исследовав копии страниц сайтов, указал на то, что данные отзывы являются личными мнениями пользователей сайтов и что из этих отзывов невозможно понять, о каком именно человеке в них идет речь.

С такими выводами суда первой инстанции согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 26 апреля 2022 г., указав, что судами были допущены существенные нарушения норм права, отменила судебные постановления в связи со следующим.

Согласно ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени.

В силу с пп. 1, 5 и 8 ст. 152 ГК РФ гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом.

Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в сети “Интернет”, гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети “Интернет”.

Если установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, невозможно, гражданин, в отношении которого такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности.

В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 “О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц” разъяснено, что обстоятельства, имеющими в силу ст. 152 ГК РФ значение для дела, которые должны быть определены судьей при принятии искового заявления и подготовке дела к судебному разбирательству, а также в ходе судебного разбирательства, являются: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности. При отсутствии хотя бы одного из указанных обстоятельств иск не может быть удовлетворен судом.

В п. 9 этого же постановления обращено внимание на то, что в соответствии со ст. 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, они не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности.

Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения (п. 7 вышеназванного постановления Пленума Верховного Суда РФ).

Из приведенных положений закона и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ следует, что право на свободу мысли, слова и выражения мнений, в том числе в сети “Интернет”, не должно ограничивать право граждан на защиту доброго имени и деловой репутации от распространения сведений, не соответствующих действительности.

При разрешении требований о защите чести, достоинства и деловой репутации судам необходимо проверять, имело ли место в данном случае выражение оценочного мнения, суждения или взглядов либо имело место утверждение о фактах, а если имели место утверждения о фактах, то являются ли они порочащими заявителя и соответствуют ли они действительности.

Утверждения о фактах или событиях, которых не было в реальности, являются не соответствующими действительности сведениями, которые, в зависимости от их содержания, на основании ст. 152 ГК РФ могут быть признаны судом порочащими честь, достоинство и деловую репутацию заявителя.

Из установленных судами обстоятельств, в частности из приведенного в судебных постановлениях содержания отзывов, следует, что неустановленные пользователи сети “Интернет” утверждали о недобросовестном поведении К., о невыполнении им обязательств по договорам, о некачественно проведенных им операциях, о причинении вреда здоровью пациентов, вследствие чего приходилось повторно проводить операции у других врачей, чтобы исправить недостатки.

При таких обстоятельствах в соответствии с приведенными выше положениями закона для правильного разрешения требований заявителя суду согласно ч. 1 ст. 57 ГПК РФ необходимо было в качестве юридически значимых обстоятельств определить, имели ли место в реальности факты проведения операций названным пользователям, проводились ли они истцом, имело ли место повреждение здоровья пациентов и привели ли операции к отрицательному результату, в том числе имели ли место факты про-

ведения повторных операций у других врачей с целью исправления последствий операций, некачественно проведенных К.

В зависимости от установленных обстоятельств суду следовало определить, чем является отношение пациентов к процессу проведения операций и их результатам, если эти события имели место в действительности: их оценочным мнением либо утверждением о фактах, и если утверждением о фактах, то соответствующим или не соответствующим действительности.

В нарушение приведенных выше положений закона и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ эти обстоятельства судами не обсуждались, не устанавливались и не оценивались, дополнительные доказательства представить не предлагалось.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами судов о том, что из указанных отзывов невозможно понять, о ком идет речь.

В силу п. 1 ст. 67 ГПК РФ суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств.

Таким образом, оценка доказательств судом по своему внутреннему убеждению не может быть произвольной, а должна основываться на всестороннем исследовании имеющихся в деле доказательств.

Из установленных судом обстоятельств следует, что оспариваемые отзывы содержат имя, фамилию, отчество и род занятий заявителя, а суть их сводится к утверждению о проведении им некачественно операций.

Однако в нарушение приведенных выше норм материального и процессуального права суд не указал, почему он пришел к выводу о том, что оспариваемые сведения не порочат деловую репутацию заявителя как пластического хирурга, и почему при такой совокупности персональных данных в отзывах К. не вправе защищать свою деловую репутацию.

Факт того, что совокупность персональных данных является результатом случайного совпадения, судом не установлен.

Кроме того, суд, сославшись на положения п. 8 ст. 152 ГК РФ, рассмотрел требования К. в порядке особого производства.

Между тем в данной норме закона указано, что гражданин вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности в порядке особого производства, если установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, невозможно.

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц” разъяснено, что судебная защита чести, достоинства и деловой репутации лица, в отношении которого распространены не соответствующие действи-

тельности порочащие сведения, не исключается также в случае, когда невозможно установить лицо, распространившее такие сведения (например, при направлении анонимных писем в адрес граждан и организаций либо распространении сведений в сети “Интернет” лицом, которое невозможно идентифицировать). Суд в указанном случае вправе по заявлению заинтересованного лица признать распространенные в отношении него сведения не соответствующими действительности порочащими сведениями. Такое заявление рассматривается в порядке особого производства (подраздел IV ГПК РФ).

По данному делу судом установлено, что негативные отзывы пользователей о профессиональной деятельности К. размещены в сети “Интернет” на определенных сайтах, а его обращение в суд вызвано неоднократным отказом владельцев сайтов удалить оспариваемую информацию.

Указанным обстоятельствам суды применительно к положениям п. 8 ст. 152 ГК РФ оценки не дали.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. В случае признания недействительной первой сделки в цепочке сделок по отчуждению вещи право собственности не переходит к последующим приобретателям, а потому вещь может быть истребована собственником у конечного приобретателя, признанного банкротом, посредством предъявления к нему виндикационного иска

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 24 января 2022 г. № 305-ЭС20-16615(2)*

(Извлечение)

Общество продало принадлежащие ему на праве собственности земельные участки аффилированной с ним компании. Позднее компания продала спорные участки фирме, произведена регистрация перехода права собственности.

В деле о банкротстве общества признан недействительным заключенный между обществом и компанией договор купли-продажи спорных участков. Суд установил аффилированность продавца и покупателя, их противоправную цель на вывод имущества должника в ущерб его кредиторам посредством совершения указанной сделки, а также фактическую безвозмездность отчуждения земельных участков. Так как компанией спорные участки уже были отчуждены, суд взыскал с нее в пользу общества их рыночную стоимость. Заявление в части истребования участков у фирмы оставлено судом без рассмотрения по причине неподсудности.

В деле о банкротстве фирмы общество обратилось в суд с заявлением об истребовании из незаконного владения фирмы и исключении из ее конкурсной массы спорных участков.

Суды отказали в удовлетворении заявления ввиду неразрешенности вопроса о праве собственности в споре о недействительности первой сделки в деле о банкротстве общества.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 24 января 2022 г. отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Заклучение последовательных сделок купли-продажи с разным субъектным составом не исключает их формальности, поскольку имеет целью прикрытие одной сделки, направленной на прямое отчуждение должником своего имущества в пользу бенефициара. В таком случае первый покупатель (аналогично и последующие, исключая последнего) не имеют реального намерения приобрести право собственности на имущество должника, поскольку их воля не направлена на порождение отраженных в первом договоре купли-продажи последствий.

В подобном случае совершается одна (прикрываемая) сделка — сделка по передаче права собственности на имущество от должника к бенефициару: лицу, числящемуся конечным приобретателем, либо не названному в формально составленных договорах. Отчуждаемое имущество все время находится под контролем этого бенефициара. Такая цепочка сделок как притворная единая сделка в силу п. 2 ст. 170 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) ничтожна, а прикрываемая сделка может быть признана недействительной как подозрительная на основании ст. 61² Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” с возвратом в конкурсную массу незаконно отчужденного имущества должника по правилам ст. 61⁶ того же Закона.

Если первый приобретатель вступил в реальные договорные отношения с должником, то при отчуждении им спорного имущества на основании последующих сделок права должника (его кредиторов) подлежат защите путем предъявления заявления об оспаривании первой сделки по правилам ст. 61⁸ Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” к первому приобретателю. В случае признания первой сделки недействительной право собственности не переходит к последующим приобретателям имущества в силу отсутствия необходимого на то основания и спорная вещь может быть истребована у ее конечного приобретателя по правилам ст.ст. 301 и 302 ГК РФ посредством предъявления к нему виндикационного иска.

Виндикационный иск может быть рассмотрен судом в деле о банкротстве совместно с заявлением о недействительности первой сделки (если иск о виндикации подсуден этому суду) либо иным судом, определенным в соответствии с компетенцией судов и подсудностью дел.

Принятие судом в деле о банкротстве судебного акта о применении последствий недействительности первой сделки путем взыскания с другой стороны сделки стоимости вещи не препятствует удовлетворению иска о ее виндикации у иного лица, если только к моменту рассмотрения виндикационного иска стоимость вещи уже не уплачена должнику стороной первой сделки. При наличии судебных актов и о взыскании стоимости вещи у первого приобретателя, и о ее виндикации у иного лица одновременное их исполнение недопустимо.

В силу абз. 7 п. 1 ст. 126 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” истребование кредитором (в данном случае обществом) имущества из чужого незаконного владения не относится к числу тех требований, которые могут быть предъявлены только в ходе конкурсного производства в деле о банкротстве должника (в данном случае фирмы). В связи с этим виндикационное требование общества к фирме о возвращении спорных участков в свою конкурсную массу могло и должно было рассматриваться по существу вне рамок дела о банкротстве последнего в споре о виндикации.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ сочла ошибочной позицию нижестоящих судов о том, что вследствие оспаривания первой сделки право собственности на земельные участки за должником (обществом) восстановлено не было, ввиду следующих обстоятельств.

Наличие у общества права собственности на спорные участки на момент их первоначально отчуждения компании под сомнение кем-либо не ставилось (вопрос о принадлежности имущества истцу ранее исследован при разрешении спора о недействительности сделки и ее последствиях). Факт перерегистрации права собственности отмечен в судебном акте, принятом в пользу общества.

Кроме того, признание первой сделки недействительной означает, что контрагент должника по такой сделке (компания) не обладал распорядительной властью для перевода права собственности на фирму (конечный приобретатель), т.е. последняя не приобрела право собственности по такой сделке по смыслу ст. 131 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”.

Общество требовало у фирмы возвратить ему свою вещь, а не исполнить какие-либо обязательства имущественного характера (передать имущество в собственность, выполнить работы и оказать услуги и т.п.). Наличие спорных участков у фирмы не отрицалось последней. В связи с этим у судов не имелось каких-либо оснований для вывода о трансформации требований общества в денежные и их включении в реестр требований кредиторов фирмы наравне с другими кредиторами.

2. Исходя из особенностей функционирования кредитных организаций, подлежат признанию недействительными не любые платежи, осуществленные с предпочтением, а только те из них, которые совершены за пределами обычной хозяйственной деятельности банка

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 10 марта 2022 г. № 305-ЭС20-5289(8)*

(Извлечение)

Гражданином П. на свой счет, открытый в банке (должник), внесены денежные средства и в этот же день дано платежное поручение о перечислении указанных денежных средств на счет отдела судебных приставов, в назначении платежа указано на оплату по исполнительному производству, после чего исполнительное производство было окончено в связи с исполнением.

Полагая, что данная операция по перечислению денежных средств со счета гражданина П. совершена с предпочтением, в рамках дела о банкротстве банка его конкурсным управляющим подано заявление о признании недействительной банковской операции по переводу денежных средств со счета гражданина П., применении последствий недействительности сделки.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Разрешая спор, суды исходили из того, что оспариваемая банковская операция совершена в пределах месяца до назначения временной администрации с предпочтением по отношению к иным кредиторам должника. Суды также указали, что названная операция превышает 1% стоимости активов должника за последний отчетный период, в силу чего она не может быть отнесена к сделкам, совершенным в процессе обычной хозяйственной деятельности кредитной организации.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 10 марта 2022 г. отменила принятые судебные акты и отказала в удовлетворении требований по следующим основаниям.

Положения ст. 189⁴⁰ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) устанавливают особенность оспаривания сделок, совершенных кредитными организациями перед банкротством, при этом не устраняют необходимости доказывания основных признаков, формирующих состав недействительности сделки, в частности, предусмотренных ст. 61³ этого Закона.

По смыслу п. 1 ст. 61³ Закона о банкротстве ключевым признаком, характеризующим сделку с предпочтением, является предоставление отдельному кредитору в преддверии банкротства приоритета в погашении его требований за счет имущества должника по сравнению с иными кредиторами. Тем самым оспаривание сделок с предпочтением направлено на воспрепятствование проти-

воправным действиям по распределению имущества должника с нарушением очередности и на выравнивание шансов всех кредиторов на соразмерное удовлетворение их требований.

Следовательно, конкурсный управляющий должника, обращаясь с заявлением об оспаривании платежа гражданина П., обязан был в первую очередь доказать, что требование ответчика было погашено с нарушением очередности за счет имущества банка.

Так как гражданином П. на свой счет в банке была внесена сумма и в этот же день дано платежное поручение о перечислении этих денежных средств, платеж, по сути, был совершен не за счет имущества, подлежащего включению в конкурсную массу, а за счет личных средств ответчика, что исключает наличие признака предпочтения. Фактически банк в данной ситуации выступал в качестве платежного агента, исполнившего расчетно-кассовую операцию, через счет банка денежные средства транзитно поступили от гражданина П. на счет судебных приставов.

Исходя из особенностей функционирования кредитных организаций, недействительными подлежат признанию не любые платежи, осуществленные с предпочтением, а только те из них, которые совершены за пределами обычной хозяйственной деятельности банка. По смыслу п. 5 ст. 189⁴⁰ Закона о банкротстве презумпции выхода за подобные пределы подразумевают наличие недобросовестности ответчика (его осведомленности о финансовых затруднениях должника; исполнение платежа, несмотря на сформированную в банке картотеку, и т.д.).

В то же время в рассматриваемом случае каких-либо признаков недобросовестности в действиях гражданина П. не установлено, не доказан и факт формирования картотеки неисполненных платежных документов на дату совершения оспариваемой операции. Напротив, гражданин П., обладая информацией о затруднительном положении кредитной организации, не внес бы на счет банка собственные денежные средства, что дополнительно подтверждает его добросовестность.

При таких условиях у судов не имелось оснований для удовлетворения заявленных требований и признания платежа недействительным как совершенного с предпочтением.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Оспариваемый частично п. 39 Инструкции о порядке разработки органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями нормативных документов по пожарной безопасности, введения их в действие и применения, утвержденной приказом МЧС России от 16 марта 2007 г.

№ 140, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 17 февраля 2022 г. № АКПИ21-974,
вступившее в законную силу*

2. Абзац 1 п. 61, п. 63 (в части) Правил государственной регистрации транспортных средств в регистрационных подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 21 декабря 2019 г. № 1764, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 2 марта 2022 г. № АКПИ21-1084,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 31 мая 2022 г. № АПЛ22-160*

3. Письмо ФАС России от 25 сентября 2020 г. № ИА/83159/20 “О направлении рекомендаций по вопросу указания в извещении о проведении аукциона всех видов разрешенного использования земельных участков, предусмотренных правилами землепользования и застройки” признано не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 21 марта 2022 г. № АКПИ22-56,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 14 июня 2022 г. № АПЛ22-187*

4. Подпункты 3, “б” и последний абз. п. 8 порядка ведения личного кабинета налогоплательщика, утвержденного приказом ФНС России от 22 августа 2017 г. № ММВ-7-17/617@, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 10 марта 2022 г. № АКПИ21-1081,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 14 июня 2022 г. № АПЛ22-180*

5. Оспариваемый частично п. 2 Положения о государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, утвержденного постановлением Правительства РФ от 2 декабря 2017 г. № 1465, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 12 января 2022 г. № АКПИ21-894,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 7 апреля 2022 г. № АПЛ22-86*

6. Оспариваемый частично п. 4 приложения № 1 к Правилам предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденным постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 26 января 2022 г. № АКПИ21-903,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 21 апреля 2022 г. № АПЛ22-97*

7. Оспариваемый частично приказ ФНС России от 20 декабря 2019 г. № ММВ-7-9/645@ “Об утверждении формы жалобы (апелляционной жалобы) и порядка ее заполнения, а также форматов и порядка представления жалобы (апелляционной жалобы) и направления решений (извещения) по ним в электронной форме” и приложение № 1 к нему признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 14 марта 2022 г. № АКПИ21-1057,
вступившее в законную силу*

8. Оспариваемый частично п. 15² Правил взимания, исчисления, уплаты и взыскания утилизационного сбора в отношении колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним, а также возврата и зачета излишне уплаченных или излишне взысканных сумм этого сбора, утвержденных постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2013 г. № 1291, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 16 марта 2022 г. № АКПИ21-1116,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 9 июня 2022 г. № АПЛ22-179*

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Непринятие судом кассационной инстанции необходимых мер для устранения сомнений в беспристрастности присяжных заседателей, которые вынесли обвинительный вердикт, повлекло отмену судебного решения

*Постановление Президиума Верховного Суда РФ
от 8 декабря 2021 г. № 210-П21*

(Извлечение)

По приговору Московского городского суда, постановленному с участием присяжных заседателей, от 6 мая 2011 г. Т. осужден по пп. “а”, “ж”, “к”, “л” ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 222, ч. 3 ст. 222, ч. 3 ст. 327 УК РФ с назначением на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений наказания в виде пожизненного лишения свободы в исправительной колонии особого режима; Х. — по пп. “ж”, “л” ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 222, ч. 3 ст. 222 УК РФ с назначением на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений наказания в виде восемнадцати лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 сентября 2011 г. приговор в отношении Т. и Х. оставлен без изменения.

Председатель Верховного Суда РФ в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу в отношении Т., Х. ввиду новых обстоятельств, возникших в

связи с вынесением Европейским Судом по правам человека постановления от 16 февраля 2021 г.

Президиум Верховного Суда РФ 8 декабря 2021 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

Европейский Суд по правам человека в постановлении от 16 февраля 2021 г. признал нарушение судами п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 4 ноября 1950 г.).

Как отмечается в постановлении Европейского Суда по правам человека, в ходе судебного разбирательства по уголовному делу в отношении Т. и Х. присяжный заседатель Д. после заявленного самоотвода, который был удовлетворен председательствующим, дала интервью представителям средств массовой информации, в котором сообщила, что присяжный заседатель М. оказывал воздействие на коллегию присяжных заседателей, зачитывая и комментируя в совещательной комнате материалы из средств массовой информации, пытаясь вызвать негативное отношение к подсудимым, а присяжный заседатель Н. пообещала сотруднику суда вынесение обвинительного вердикта.

По мнению Европейского Суда по правам человека, председательствующий судья не принял достаточных мер для проверки утверждений, касающихся поведения присяжного заседателя Н., не опросил других присяжных заседателей по этому вопросу, не оценил, не возникают ли сомнения в беспристрастности коллегии присяжных заседателей после того, как они ознакомились с предоставленной М. информацией, а также дополнительно не разъяснил, что коллегия присяжных заседателей не должна учитывать сведения, полученные из источников, не связанных с судебным процессом.

Т. и Х. обжаловали приговор и в своих кассационных жалобах указали в числе прочего на предвзятость присяжных заседателей М. и Н., ссылаясь на интервью М. и Д.

Суд кассационной инстанции, по мнению Европейского Суда по правам человека, не принял “адекватных мер” для устранения любых сомнений в беспристрастности коллегии присяжных заседателей, вынесшей обвинительный вердикт.

Европейский Суд по правам человека отметил, что суд кассационной инстанции отклонил жалобы заявителей на предвзятость коллегии присяжных заседателей без учета проверки, проведенной по этому же вопросу председательствующим по делу в суде первой инстанции, а также не принял во внимание и не оценил их ссылки в жалобах на интервью М. в средствах массовой информации после вынесения приговора.

Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что “судебные процедуры” в отношении Т. и Х. не располагали “достаточными гарантиями”, позволяющими исключить любые обоснованные сомнения в беспристрастности коллегии присяжных заседателей, вынесшей обвинительный приговор в отношении Т. и Х., и соблюдении прав заявителей на беспристрастный суд в данном деле.

Таким образом, Европейским Судом по правам человека установлено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке, в ходе которого не были устранены сомнения в беспристрастности присяжных заседателей, вынесших обвинительный вердикт.

На основании изложенного, а также руководствуясь ч. 5 ст. 415 УПК РФ, Президиум Верховного Суда РФ возобновил производство по уголовному делу в отношении Т. и Х. ввиду новых обстоятельств и отменил кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в отношении Т. и Х.

Уголовное дело передано на новое кассационное рассмотрение в порядке, предусмотренном главой 45 УПК РФ; в отношении Т. и Х. избрана мера пресечения в виде заключения по стражу.

2. Неснятая и непогашенная судимость за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего у лица, осужденного по ч. 5 ст. 132 УК РФ, образует особо опасный рецидив преступлений и учитывается при назначении вида исправительного учреждения

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 мая 2021 г. № 75-УДП21-11-А2

(Извлечение)

По приговору Верховного суда Республики Карелия от 14 августа 2020 г., оставленному судом апелляционной инстанции без изменения, С., ранее судимый 10 марта 2011 г. по ч. 3 ст. 135 УК РФ, осужден по ч. 5 ст. 132 УК РФ (преступление в отношении А.) к семнадцати годам шести месяцам лишения свободы, по ч. 5 ст. 132 УК РФ (преступление в отношении Ч.) — к восемнадцати годам лишения свободы, по ч. 5 ст. 132 УК РФ (преступление в отношении Р.) — к восемнадцати годам лишения свободы, по ч. 5 ст. 132 УК РФ (преступление в отношении М.) — к восемнадцати годам лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено восемнадцать лет шесть месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

С. признан виновным в том, что, имея судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершил действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних А., Ч., Р. и М. с использованием их беспомощного состояния.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ просил приговор и апелляционное определение в отношении С. отменить, уголовное дело в этой части направить на рассмотрение в порядке, предусмотренном ст.ст. 396 и 399 УПК РФ, поскольку при назначении осужденному наказания в виде лишения

свободы подлежат учету неснятые и непогашенные судимости лица на момент совершения преступления; в действиях С. содержатся признаки особо опасного рецидива преступлений, в связи с чем отбывание наказания должно быть назначено в исправительной колонии особого режима.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 27 мая 2021 г. кассационное представление удовлетворила, мотивировав свое решение следующим.

Как обоснованно отражено в кассационном представлении, С. по приговору от 10 марта 2011 г. был осужден по ч. 3 ст. 135 УК РФ к пяти годам лишения свободы, и эта судимость не была снята или погашена на момент совершения инкриминируемых ему преступлений, в связи с чем в его действиях, за которые он осужден по приговору от 14 августа 2020 г., имеется особо опасный рецидив преступлений.

Согласно п. “г” ч. 1 ст. 58 УК РФ мужчинам, осужденным при особо опасном рецидиве преступлений, отбывание лишения свободы назначается в исправительной колонии особого режима.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор и апелляционное определение в отношении С. в части назначения ему вида исправительного учреждения, передала уголовное дело в этой части на новое судебное рассмотрение в порядке разрешения вопросов, связанных с исполнением приговоров¹.

3. При квалификации действий лица, совершившего кражу по признаку причинения гражданину значительного ущерба, следует учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и другие обстоятельства

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 18 ноября 2021 г. № 18-УД21-72-К4*

(Извлечение)

По приговору Ленинского районного суда г. Краснодара от 11 июня 2020 г., оставленному судами апелляционной и кассационной инстанций без изменения, Щ. осуждена по п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ к штрафу в размере 20 000 руб.

Щ. признана виновной в совершении кражи с причинением значительного ущерба гражданину. Преступление совершено при следующих обстоятельствах.

¹ По постановлению Верховного суда Республики Карелия от 14 июля 2021 г., оставленному судом апелляционной инстанции без изменения, С. назначено отбывание наказания в виде лишения свободы по приговору от 14 августа 2020 г. в исправительной колонии особого режима.

В принадлежащем потерпевшей Т. магазине Щ. с целью реализации умысла на совершение хищения попросила для примерки несколько купальных костюмов, после чего в примерочной кабине умышленно, тайно положила один из них в свой рюкзак и ушла из магазина, получив реальную возможность распорядиться похищенным. Кража имущества стоимостью 5500 руб. квалифицирована как причинившая значительный ущерб потерпевшей.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов осужденной оспаривал приговор в части квалификации действий Щ. по п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ и просил об отмене судебных решений. По мнению адвоката, судом не приведены доказательства, свидетельствующие о значительности ущерба для потерпевшей, и мотивы в обоснование выводов о наличии указанного квалифицирующего признака.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 18 ноября 2021 г. изменила судебные решения в отношении Щ., переквалифицировала ее действия с п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ на ч. 1 ст. 158 УК РФ, по которой назначила наказание в виде штрафа в размере 5000 руб., указав в обоснование следующее.

Доводы в кассационной жалобе адвоката в части необоснованной квалификации действий Щ. по признаку значительности ущерба для потерпевшей заслуживают внимания.

В соответствии с примечанием 2 к ст. 158 УК РФ значительный ущерб гражданину определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее 5000 руб.

Согласно разъяснениям, данным в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 “О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое”, при квалификации действий лица, совершившего кражу по признаку причинения гражданину значительного ущерба, судам следует, руководствуясь примечанием 2 к ст. 158 УК РФ, учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и другие обстоятельства.

Потерпевшая Т. заявила о значительности причиненного ей ущерба в сумме 5500 руб. Вместе с тем из ее показаний и показаний ее супруга усматривается, что она является индивидуальным предпринимателем, арендует помещение в торговом центре, используя его в качестве магазина, ее ежемесячный доход составляет около 40 000—50 000 руб., доход ее супруга составляет до 40 000 руб. в месяц, супругам принадлежат 2 транспортных средства.

В нарушение приведенных выше положений уголовного закона и разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, суд первой инстанции не привел в приговоре мотивов, по которым пришел к выводу о необходимости квалификации содеянного по признаку причинения значительного ущерба гражданину.

Допущенная судом ошибка в применении норм уголовного права являлась существенной, повлиявшей на квалификацию преступления и назначение наказания.

При таких обстоятельствах, принимая во внимание, что размер причиненного преступлением ущерба многократно ниже дохода потерпевшей, действия Ш. подлежат переквалификации на ч. 1 ст. 158 УК РФ.

4. С учетом положений ч. 1 ст. 37 УК РФ не является преступлением причинение вреда лицу при защите от совершенного им общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 ноября 2021 г. № 11-УД21-50СП-А4

(Извлечение)

По приговору Верховного суда Республики Татарстан от 16 апреля 2021 г., постановленному с участием присяжных заседателей, Я. осужден по ч. 1 ст. 108 и ч. 2 ст. 297 УК РФ с взысканием с Я. в счет компенсации морального вреда в пользу И. 150 000 руб. и Д. 100 000 руб.

Я. на основании вердикта коллегии присяжных заседателей признан виновным в убийстве Б., совершенном при превышении пределов необходимой обороны, и неуважении к суду, выразившемся в оскорблении судьи, участвующего в отправлении правосудия.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 13 июля 2021 г. приговор в части осуждения Я. по ч. 1 ст. 108 УК РФ отменен с прекращением уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием состава преступления. Этот же приговор в части взыскания с Я. суммы компенсации морального вреда в пользу И. и Д. отменен, гражданские иски И. и Д. оставлены без рассмотрения.

В кассационной жалобе адвокат, представлявший интересы потерпевшей И., просил отменить решение суда апелляционной инстанции как незаконное, поскольку в действиях Я. имелись признаки превышения пределов необходимой обороны.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 9 ноября 2021 г. приговор в части осуждения Я. по ч. 2 ст. 297 УК РФ и апелляционное определение оставила без изменения, кассационную жалобу — без удовлетворения ввиду следующего.

Суд апелляционной инстанции пришел к обоснованному выводу о том, что приговор в части осуждения Я. по ч. 1 ст. 108 УК РФ подлежит отмене, а уголовное дело — прекращению в этой части на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в действиях Я. состава преступления.

Вердиктом коллегии присяжных заседателей Я. признан виновным в совершении преступления при следующих обстоятельствах.

Потерпевший Б., являвшийся зачинщиком конфликта и находившийся в состоянии алкогольного опьянения, схватил Я. за шею, потащил его, повалил на пол, залез сверху на Я., нанес ему несколько ударов рукой по голове и стал душить, отчего последний начал терять сознание. В ответ на эти действия Я. неуставленным колюще-режущим предметом нанес Б. удары, в результате которых наступила смерть потерпевшего.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т.е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Установленные вердиктом присяжных заседателей действия Б. свидетельствовали о наличии реальной угрозы жизни Я.

При защите от посягательства, сопряженного с непосредственной угрозой применения насилия, опасного для жизни обороняющегося, это обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу и имеет право на применение любых мер по защите своей жизни¹.

Судом апелляционной инстанции учтены субъективное восприятие Я. возникшей конфликтной ситуации, внезапность действий Б., находившегося в состоянии алкогольного опьянения, интенсивность действий последнего, представлявших угрозу жизни обороняющегося.

Исходя из обстоятельств, установленных вердиктом коллегии присяжных заседателей, суд апелляционной инстанции пришел к правильному выводу о том, что у Я. имелись основания обороняться от действий посягавшего на его жизнь Б. и он действовал в пределах необходимой обороны.

5. Неисполнение сотрудником полиции своих должностных обязанностей вследствие недобросовестного отношения к службе может квалифицироваться по ст. 293 УК РФ как халатность только в том случае, если это деяние повлекло существенное нарушение прав и интересов гражданина и охраняемых законом интересов государства

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 декабря 2021 г. № 18-УД21-84-К4

(Извлечение)

По приговору Калининского районного суда Краснодарского края от 31 мая 2019 г. Д. осужден по ч. 1 ст. 293 УК РФ.

¹С учетом разъяснений, содержащихся в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 “О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление”.

Приговор оставлен без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций.

Д. признан виновным в ненадлежащем исполнении должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного отношения к службе, что повлекло существенное нарушение прав и законных интересов К. и охраняемых законом интересов государства.

В кассационной жалобе Д. выражал несогласие с состоявшимися судебными решениями, просил об их отмене и о прекращении производства по делу ввиду отсутствия в его действиях состава преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 29 декабря 2021 г. отменила судебные решения с прекращением уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в действиях Д. состава преступления и признанием за ним права на реабилитацию. Свое решение Судебная коллегия мотивировала следующим.

Являясь должностным лицом — инспектором отдельного взвода дорожно-патрульной службы ГИБДД районного отдела МВД России по Краснодарскому краю, Д., получив от пациента больницы К. информацию об обстоятельствах причинения ей телесных повреждений вследствие дорожно-транспортного происшествия, указывающих на признаки совершенного водителем транспортного средства В. преступления, в нарушение положений Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», приказа МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» и должностной инструкции не принял от К. заявление о преступлении, не составил рапорт об обнаружении признаков преступления в порядке ст. 143 УПК РФ и протокол осмотра места происшествия. Кроме того, Д. не принял меры по закреплению следов преступления, установлению свидетелей и очевидцев его совершения, а также искажил сведения относительно обстоятельств получения К. телесных повреждений.

В результате ненадлежащего исполнения Д. своих должностных обязанностей указанное выше преступление было укрыто от учета и регистрации, что повлекло существенное нарушение прав и законных интересов К., подорвало авторитет органов внутренних дел.

В дальнейшем органами предварительного расследования в отношении В. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ.

Действия Д. квалифицированы районным судом по ч. 1 ст. 293 УК РФ.

Д., не признавая себя виновным в совершении преступления, пояснил, что, получив сообщение о поступлении в больницу гражданки предположительно в связи с дорожно-транспортным происшествием, он встретился в приемном отделении с К., которая первоначально утверждала, что попала в

дорожно-транспортное происшествие, позже — что упала при переходе дороги. Несколькими днями ранее в больнице в связи с аналогичным сообщением К. также поясняла, что попала в дорожно-транспортное происшествие, но позже выяснилось, что ее избил сожитель. Имея объяснение К., справку врача о наличии у К. царапин на левой руке и на левом бедре, об имеющихся побоях, пояснения водителя транспортного средства о том, что увидел К. на обочине дороги и по ее просьбе доставил в больницу, он вынес постановление об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении. Получив информацию о дорожно-транспортном происшествии, он возбудил дело об административном правонарушении, выяснив у В., что последний по договоренности с К. скрыл факт происшествия. В. был привлечен к административной ответственности за оставление в нарушение Правил дорожного движения места дорожно-транспортного происшествия.

Приведенным доказательствам, свидетельствующим о том, что К. после поступления в больницу сообщала противоречивые сведения о причинах получения ею телесных повреждений (закрытого перелома тазовой кости и открытого перелома седалищной кости), суд не дал надлежащей оценки. У Д. имелись основания сомневаться в достоверности сообщения К. о дорожно-транспортном происшествии и основания полагать, что объяснения К. о падении правдивы. Показания Д. не были опровергнуты исследованными в судебном заседании доказательствами.

Принимая во внимание объяснения К. и В., отсутствие у К. характерных для дорожно-транспортного происшествия телесных повреждений, что усматривалось из содержания медицинской справки, у Д. не имелось оснований для возбуждения производства по делу об административном правонарушении или составления рапорта о получении информации, указывающей на признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ.

Вывод суда о том, что Д. проявил служебную халатность, не основан на материалах дела и противоречит исследованным доказательствам.

По смыслу закона под существенным нарушением прав граждан или организаций в результате ненадлежащего исполнения должностным лицом своих обязанностей понимается нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации (например, права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, права на неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров и т.п., а также права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением). При оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших

граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда.

Под нарушением законных интересов граждан или организаций в результате ненадлежащего исполнения должностным лицом своих обязанностей понимается, в частности, создание препятствий в удовлетворении гражданами или организациями своих потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности¹.

Суд первой инстанции указал, что причиненный Д. существенный вред выразился в нарушении права К. на судебную защиту и доступ к правосудию, гарантированные ст. 52 Конституции Российской Федерации, а также в подрыве авторитета органов внутренних дел, вместе с тем не отразил в приговоре, какие последствия для потерпевшей повлекли действия Д. и в чем выразилась существенность вреда, причиненного его действиями.

Суд не конкретизировал, какие именно охраняемые законом интересы государства были существенно нарушены, не указал, какие реальные последствия для государства повлекли действия Д. в части подрыва авторитета правоохранительных органов, не провел разграничение между проступком должностного лица и должностным преступлением.

Вывод суда об укрытии Д. преступления от учета и регистрации не соответствует материалам дела. В отношении водителя В. было возбуждено уголовное дело, в рамках расследования которого К. имела возможность реализовать предусмотренные ст. 42 УПК РФ права потерпевшей, ее право на правосудие ограничено не было.

Судом не принято во внимание, что за действия, выразившиеся в вынесении определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, Д. был привлечен к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы в органах внутренних дел.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия на основании фактических обстоятельств, установленных судом первой инстанции, пришла к выводу об отсутствии в действиях Д. состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ.

6. Истечение сроков давности уголовного преследования после вынесения приговора, но до вступления его в законную силу влечет освобождение осужденного от наказания

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 7 сентября 2021 г. № 18-УД21-64-К4*

(Извлечение)

По приговору Кропоткинского городского суда Краснодарского края от 7 февраля 2019 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, С. осужден по ч. 1 ст. 228 и другим статьям Уголовного кодекса РФ.

¹С учетом разъяснений, содержащихся в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 “О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий”.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11 декабря 2019 г. отменено апелляционное определение, уголовное дело передано на новое апелляционное рассмотрение.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 29 января 2020 г. приговор изменен, в том числе смягчено наказание, назначенное по ч. 1 ст. 228 УК РФ.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21 декабря 2020 г. в состоявшиеся судебные решения внесены изменения, апелляционное определение оставлено без изменения в части наказания, назначенного по ч. 1 ст. 228 УК РФ.

С. признан виновным в незаконном хранении без цели сбыта смеси, содержащей наркотическое средство, в значительном размере и в совершении иных преступлений.

В кассационной жалобе адвокат, представлявший интересы С., просил освободить С. от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности, поскольку со дня совершения преступления небольшой тяжести, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, истекли 2 года.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 7 сентября 2021 г. удовлетворила жалобу по следующим основаниям.

В соответствии с п. “а” ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления небольшой тяжести истекли 2 года.

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ, в соответствии с ч. 2 ст. 15 УК РФ относится к категории небольшой тяжести, совершено 5 сентября 2017 г., следовательно, срок давности уголовного преследования истек 5 сентября 2019 г.

Приговор в отношении С. постановлен 7 февраля 2019 г. и вступил в законную силу 29 января 2020 г.

Таким образом, со дня совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, и до вступления приговора в законную силу истек двухгодичный срок давности уголовного преследования.

При этом в материалах уголовного дела отсутствуют сведения, свидетельствующие об уклонении С. от суда.

Суды апелляционной и кассационной инстанций при рассмотрении уголовного дела и внесении изменений в приговор в отношении С. не учли положения ст. 78 УК РФ и п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, согласно которым С. подлежал освобождению от назначенного по ч. 1 ст. 228 УК РФ наказания.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор и последующие судебные решения и освободила С. от назначенного по ч. 1 ст. 228 УК РФ наказания на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

КАССАЦИОННЫХ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

При проверке обоснованности предъявленного подсудимому обвинения в умышленном причинении смерти потерпевшему суд наряду с другими доказательствами должен учесть сведения о событиях, предшествующих деянию, в том числе действиях потерпевшего, обстоятельствах, при которых осужденным были получены телесные повреждения и у него оказалось орудие преступления, и дать им надлежащую оценку

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам*

*Восьмого кассационного суда общей юрисдикции
от 29 июля 2020 г.*

(Извлечение)

По приговору Первомайского районного суда г. Новосибирска от 3 сентября 2018 г., оставленному судом апелляционной инстанции без изменения, В. осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ к девяти годам лишения свободы.

Он признан виновным в убийстве, т.е. умышленном причинении смерти другому человеку.

Адвокат, представлявший интересы В., просил в кассационной жалобе отменить принятые судебные решения, считая, что преступление совершено В. в состоянии необходимой обороны — в результате нападения на него вооруженного ножом Ш.

Судебная коллегия по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции 29 июля 2020 г. отменила приговор в отношении В. и передала уголовное дело на новое рассмотрение, мотивировав свое решение следующим.

В соответствии с требованиями п. 1 ст. 307 УПК РФ и разъяснениями, изложенными в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 “О судебном приговоре”, описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора, постановленного в общем порядке судебного разбирательства, должна содержать описание преступного деяния, как оно установлено судом, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления.

Такая же позиция сформулирована в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)”: по каждому делу об убийстве должна быть установлена форма вины, выяснены мотивы, цель и способ причинения смерти другому человеку, исследованы иные обстоятельства, имеющие значение для правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания (п. 1); при этом равным образом должны быть исследованы данные, относящиеся к личности потерпевшего,

его взаимоотношения с подсудимым, а также поведение, предшествовавшее убийству (п. 20).

В соответствии со ст.ст. 14, 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана.

Исходя из этих требований закона обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены.

Как установлено в приговоре, у В. сформировалось личное неприязненное отношение к Ш. и возник преступный умысел, направленный на его убийство. В. приискал в квартире нож, взял его и умышленно нанес им Ш. множественные удары в область расположения жизненно важных органов — по голове, туловищу, а также верхним и нижним конечностям, причинив Ш. телесные повреждения. От слепого колото-резаного ранения груди слева с повреждением сердца наступила смерть Ш.

Суд первой инстанции, отвергая версию В. об обороне от преступного посягательства Ш., принял в качестве достоверных доказательств показания свидетеля Л. (который непосредственно наблюдал за происшедшим) о том, что в результате борьбы В. завладел ножом и затем нанес им удары потерпевшему.

Вместе с тем из содержания показаний Л. усматривалось, что, находясь на балконе своей квартиры, он наблюдал за тем, как В. боролся с Ш. Свидетель уточнил, что первоначально нож находился в руке потерпевшего, а В. удерживал Ш. за руки. Затем В. выхватил нож у Ш. и стал им наносить удары последнему.

Свидетель М. подтвердила, что слышала из квартиры соседей шум падающей мебели, а также слова: “Дима, нет. Дима, не надо”. В квартире на месте происшествия в тот момент находились только В. и потерпевший Ш. по имени Дмитрий.

В ходе осмотра места происшествия в коридоре была обнаружена кровь В., а на клинке ножа обнаружена кровь, вероятно, и Ш., и В. На рукоятке ножа обнаружены кровь и поверхностные следы, которые оставил Ш. Изложенное свидетельствует о том, что орудие преступления — нож какое-то время находилось у Ш., а затем перешло к В.

Из заключения эксперта усматривалось, что у В. обнаружены кровоподтек в области глаза слева, раны на левом предплечье, ладони левой руки и на поверхности живота справа.

Суд в своих выводах относительно оценки показаний свидетелей констатировал, что между В. и Ш. произошла борьба за нож, что опровергает выводы суда о том, что орудие преступления В. заранее приискал на месте происшествия.

Приведенные выше сведения, относящиеся к событиям, предшествующим деянию, в частности касающиеся обстоятельств, при которых оружие преступления — нож оказался в руках у В., им были получены телесные повреждения, о действиях Ш. и борьбе между ними, оставлены судом без внимания и не были изложены в приговоре.

Анализ этих доказательств свидетельствует об иных фактических обстоятельствах происшествия, что имеет существенное значение для выводов суда о мотивах, которыми руководствовался В., а также для правильной юридической оценки его действий.

ОБЗОР ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ ПОЛОЖЕНИЙ ГЛАВЫ 26 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Гарантированное ст. 42 Конституции Российской Федерации право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением, а также реализация положений, предусмотренных ч. 1 ст. 9, ч. 2 ст. 36, ст. 58 Конституции Российской Федерации, обеспечиваются в том числе путем правильного применения законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования. При этом применение мер уголовно-правового характера является крайним средством реагирования на общественно опасное поведение субъектов, посягающих на наиболее важные и охраняемые компоненты природной среды и (или) экологическую безопасность в целом.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ доля дел об экологических преступлениях (глава 26 (ст.ст. 246—262) УК РФ) в общей структуре уголовных дел, поступающих в суды, составила в 2019 году 1,2%, в 2020 году — 1,3%, в 2021 году — 1,3%.

За последние 3 года (с января 2019 г. по декабрь 2021 г.) за преступления, предусмотренные ст.ст. 246—262 УК РФ, было осуждено 17 431 лицо (по основной квалификации в 2019 году — 6189 лиц, в 2020 году — 5299 лиц, в 2021 году — 5943 лица). При этом число осужденных за эти преступления в 2021 году увеличилось на 12,2% по сравнению с 2020 годом, а по сравнению с 2019 годом сократилось на 4%.

За период с января 2019 г. по декабрь 2021 г. 49,2% от всех осужденных за экологические преступления составили лица (8580), признанные виновными в незаконной рубке лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), в том числе в 2019 году — 3295 лиц, в 2020 году — 2493 лица, в 2021 году — 2792 лица.

За незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов по ст. 256 УК РФ осуждено 6868 лиц, или 39,4% (в 2019 году — 2237 лиц, в 2020 году — 2228 лиц, в 2021 году — 2403 лица).

За незаконную охоту по ст. 258 УК РФ осуждено 906 лиц, или 5,2% (в 2019 году — 338 лиц, в 2020 году — 255 лиц, в 2021 году — 313 лиц).

За незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, по ст. 258¹ УК РФ осуждено 849 лиц, или 4,9% (в 2019 го-

Вопреки требованиям ст. 307 УПК РФ суд в описательно-мотивировочной части приговора не указал все имеющие уголовно-правовое значение действия, которые были совершены потерпевшим, и каким образом они повлияли на действия осужденного. Судом не были приведены конкретные действия каждого из участников конфликта до момента причинения В. смерти потерпевшему.

Допущенные судами первой и апелляционной инстанций нарушения уголовно-процессуального закона являлись существенными, повлиявшими на исход дела¹.

ду — 243 лица, в 2020 году — 240 лиц, в 2021 году — 366 лиц).

Доля судимости по иным статьям главы 26 УК РФ незначительна.

Лицам, осужденным за экологические преступления, в большинстве случаев в период 2019—2021 гг. назначалось наказание, не связанное с лишением свободы: обязательные работы — 22,5%, штраф — 12,8%, исправительные работы — 5,8%. Лишение свободы условно назначено 47,5% осужденных. Лишение свободы с его реальным отбыванием назначено 5,7% осужденных.

В отношении 13 608 лиц уголовные дела были прекращены по нереабилитирующим основаниям. Из них 9505 лиц освобождены от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Оправдательные приговоры постановлены судами за указанный период в отношении 26 лиц, обвинявшихся в совершении экологических преступлений (по основной квалификации). Еще в отношении 28 лиц уголовные дела были прекращены за отсутствием события или состава преступления либо в связи с непричастностью к совершению преступления.

В целях выявления вопросов и трудностей при применении судами норм уголовного законодательства Верховным Судом РФ проведено изучение судебной практики по рассмотрению уголовных дел об экологических преступлениях, предусмотренных главой 26 УК РФ.

Проведенное обобщение показало, что суды при рассмотрении дел указанной категории в основном правильно применяли положения уголовного закона во взаимосвязи с иными нормами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования, руководствуясь при этом разъяснениями, содержащимися в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ:

от 23 ноября 2010 г. № 26 “О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258¹ УК РФ)”;

от 18 октября 2012 г. № 21 “О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования”.

¹ По приговору Первомайского районного суда г. Новосибирска от 23 марта 2021 г. В. осужден по ст. 108 УК РФ к ограничению свободы сроком на один год.

Изучение судебной практики позволило выявить некоторые проблемы правоприменения при рассмотрении уголовных дел об экологических преступлениях, возникшие после внесения в уголовный закон ряда изменений.

В целях обеспечения единообразных подходов к рассмотрению уголовных дел указанной категории Верховным Судом РФ подготовлен настоящий Обзор судебной практики, содержащий следующие правовые позиции.

1. При рассмотрении уголовных дел об экологических преступлениях, предусмотренных главой 26 УК РФ, необходимо устанавливать, нарушение каких требований в области охраны окружающей среды и природопользования, содержащихся в соответствующих нормативных правовых актах, вменяется в вину подсудимому, с приведением их в приговоре со ссылкой на конкретные нормы (пункт, часть, статья).

По приговору Исилькульского городского суда Омской области от 10 сентября 2021 г. Ю. осужден по ч. 3 ст. 260 УК РФ к двум годам лишения свободы условно с испытательным сроком два года.

Судебная коллегия по уголовным делам Омского областного суда 28 октября 2021 г. по апелляционному представлению государственного обвинителя приговор отменила, уголовное дело направила на новое судебное рассмотрение в тот же суд иным составом суда, указав следующее.

В соответствии со ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21, при рассмотрении дел об экологических правонарушениях судам следует руководствоваться положениями гражданского, административного, уголовного и иного отраслевого законодательства, в том числе положениями Земельного, Лесного, Водного кодексов РФ, Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», другими законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и ее субъектов в области охраны окружающей среды и природопользования. Судам надлежит выяснять, какими нормативными правовыми актами регулируются соответствующие экологические правоотношения, и указывать в судебном решении, в чем непосредственно выразились их нарушения со ссылкой на конкретные нормы (пункт, часть, статья).

Однако требования ст. 307 УПК РФ при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции не выполнены.

Органами предварительного следствия Ю. предъявлено обвинение в незаконной рубке лесных насаждений в нарушение чч. 4, 5 ст. 30 ЛК РФ, пп. 4, 9 Правил заготовки древесины и особенностей заготовки древесины в лесничествах, указанных в статье 23 Лесного кодекса Российской Федерации, утвержденных приказом Минприроды России от 1 декабря 2020 г. № 993, в особо крупном размере (ч. 3 ст. 260 УК РФ).

В связи с тем, что особенностью ст. 260 УК РФ является ее бланкетный характер, установление в действиях лица признаков состава преступления и его надлежащая квалификация возможны лишь с учетом положений нормативных правовых актов, конкретизирующих правила поведения в сфере лесопользования.

Между тем описательно-мотивировочная часть приговора ссылок на федеральные законы и подзаконные нормативные акты, нарушение которых допущено Ю. при рубке лесных насаждений, не содержит.

2. При отсутствии в обвинительном заключении или обвинительном акте указания на нарушенные нормы соответствующих правовых актов, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения, уголовное дело подлежит возвращению прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом.

По приговору Зеленодольского городского суда Республики Татарстан от 24 июля 2019 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) Х. и Ш. осуждены каждый по ч. 3 ст. 256 УК РФ к штрафу в размере 50 000 руб.

Определением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2020 г. приговор и апелляционное постановление отменены, уголовное дело возвращено прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Положения ст. 256 УК РФ, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, имеют бланкетный характер. Отношения в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов урегулированы соответствующим отраслевым законодательством и основанными на нем подзаконными нормативными актами. Соответственно, нарушение положений данных нормативных правовых актов, рассматриваемых во взаимосвязи со ст. 256 УК РФ, и определяет уголовную противоправность действий виновных лиц (Определения от 29 мая 2014 г. № 1273-О и от 25 октября 2018 г. № 2774-О).

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в пп. 1, 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 26, судам для обеспечения правильного применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в каждом случае необходимо устанавливать и отражать в приговоре, в чем конкретно выразились незаконная добыча (вылов) или способ вылова водных биологических ресурсов, с указанием нормы федерального закона, других нормативных правовых актов, регулирующих осуществление рыболовства, которые были нарушены в результате совершения преступления.

Как следует из обвинительного акта, Х. и Ш. группой лиц по предварительному сговору на самоходном транспортном плавающем средстве — лодке «Казанка 6М» с лодочным мотором марки «Ветерок 8», находясь на участке реки Волги, который является местом нереста видов рыб, обитающих в нем, установили запрещенное орудие лова — рыболовецкую сеть длиной 90 м, высотой 1,5 м, с размером ячейки 55 × 55 мм. Затем они совместно, по предварительному сговору осуществили незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов (рыб), извлекли из воды ранее установленную ими сеть вместе с попавшей в нее рыбой (лещ — 4 экземпляра, карась серебряный — 2 экземпляра, густера — 1 экземпляр, берш — 1 экземпляр), причинив водным биологическим ресурсам Российской Федерации ущерб на общую сумму 7000 руб.

В описательно-мотивировочной части приговора указаны аналогичные обстоятельства совершения преступления Х. и Ш., которые признаны судом доказанными.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21, судам надлежит выяснять, какими нормативными правовыми актами регулируются соответствующие экологические правоотношения, и указывать в судебном решении, в чем непосредственно выразились нарушения со ссылкой на конкретные нормы (пункт, часть, статья). При отсутствии в обвинительном заключении или обвинительном акте таких данных, восполнить которые в судебном заседа-

нии не представляется возможным, уголовное дело подлежит возвращению прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Однако в обвинительном акте и приговоре отсутствовали указания на нормы федерального закона и других нормативных правовых актов, регулирующих осуществление рыболовства, которые были нарушены Х. и Ш., что послужило основанием для возвращения уголовного дела прокурору.

3. Для квалификации действий лица по ст. 258¹ УК РФ необходимо установить, что незаконные добыча и оборот совершены в отношении тех диких животных и водных биологических ресурсов, их частей и производных, которые включены в перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226¹ и 258¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (утвержденный постановлением Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978).

При совершении наряду с такими действиями незаконной добычи водных биологических ресурсов, не входящих в указанный Перечень, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 256 и 258¹ УК РФ.

По приговору Икрянинского районного суда Астраханской области от 2 сентября 2021 г. К., Л. и А. осуждены по ч. 3 ст. 258¹, ч. 3 ст. 256 УК РФ, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ каждый к пяти годам шести месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком пять лет.

К., Л. и А. признаны виновными в незаконной добыче рыбы осетровых видов (русский осетр — 4 экземпляра, белуга — 1 экземпляр, стерлядь — 5 экземпляров), совершенной группой лиц по предварительному сговору с причинением федеральным рыбным запасам Российской Федерации материального ущерба на общую сумму 781 581 руб. Кроме того, они совершили незаконную добычу водных биологических ресурсов с использованием запрещенного орудия лова, самоходного транспортного плавающего средства, на миграционных путях к местам нереста рыбы частиковых пород, причинив материальный ущерб рыбным запасам на общую сумму 203 520 руб.

Обосновывая квалификацию действий осужденных по ч. 3 ст. 258¹ УК РФ, суд правильно указал, что незаконно выловленная рыба осетровых пород входит в перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226¹ и 258¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978, является объектом государственной охраны согласно требованиям Модельного закона о сохранении осетровых рыб, их воспроизводстве, рациональном использовании и регулировании оборота продукции из них, принятого постановлением от 17 апреля 2004 г. № 23-16 на 23 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ.

4. Уголовная ответственность за незаконную рубку лесных насаждений группой лиц по п. “а” ч. 2 ст. 260 УК РФ наступает вне зависимости от того, совершена ли она в значительном размере.

По приговору Шилкинского районного суда Забайкальского края от 28 сентября 2020 г. Л. и Т. признаны виновными в незаконной рубке, а равно повреждении до степени прекращения роста лесных

насаждений группой лиц и осуждены по п. “а” ч. 2 ст. 260 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Забайкальского краевого суда от 19 января 2021 г. приговор в отношении Л. и Т. отменен.

Восьмым кассационным судом общей юрисдикции от 31 августа 2021 г. по кассационному представлению прокурора апелляционное определение отменено, уголовное дело передано на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд иным составом суда по следующим основаниям.

Суд апелляционной инстанции, проверяя законность и обоснованность вынесенного в отношении Л. и Т. приговора, отменил решение, указав на то, что судом при вынесении приговора не указан обязательный признак состава преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, — совершение деяния в значительном размере, ограничивающий уголовно наказуемую незаконную рубку лесных насаждений от незаконной рубки лесных насаждений, за которую предусмотрена административная ответственность по ст. 8.28 КоАП РФ.

Между тем суд апелляционной инстанции не принял во внимание, что в соответствии с разъяснением, содержащимся в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21, уголовная ответственность за незаконную рубку группой лиц (п. “а” ч. 2 ст. 260 УК РФ) наступает вне зависимости от того, совершена ли она в значительном размере.

Данное обстоятельство, имеющее существенное значение для правильного разрешения дела, не учтено судом апелляционной инстанции при принятии решения, в связи с чем апелляционное определение не может быть признано законным и обоснованным.

5. Закон не содержит запрета на освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа подозреваемых, обвиняемых в совершении экологических преступлений, при соблюдении предусмотренных ст. 76² УК РФ условий, с учетом всех обстоятельств дела и данных о личности.

Постановлением мирового судьи судебного участка № 8 Восточного округа г. Белгорода от 2 декабря 2021 г. прекращено уголовное дело с назначением судебного штрафа в размере 25 000 руб. в отношении И., который обвинялся в совершении преступления, предусмотренного пп. “б”, “в” ч. 1 ст. 256 УК РФ, а именно в незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов с применением самоходного транспортного плавающего средства, запрещенных орудий и способов массового истребления водных биологических ресурсов, в местах нереста.

Принимая указанное решение, суд первой инстанции учел, что И. впервые привлекается к уголовной ответственности, обвиняется в совершении преступления небольшой тяжести, возместил причиненный преступлением ущерб в полном объеме (в размере 7400 руб.) добровольно.

При этом суд исходил из степени общественной опасности содеянного, отсутствия отягчающих наказание обстоятельств, данных о личности обвиняемого, который по месту жительства и работы характеризуется положительно.

6. При назначении наказания за совершение преступления, предусмотренного главой 26 УК РФ, суду в соответствии со ст.ст. 6 и 60 УК РФ наряду с другими обстоятельствами дела надлежит учитывать характер и степень общественной опасности деяния, которые определяются в том числе размером причиненного экологического вреда.

Апелляционным определением Астраханского областного суда от 8 апреля 2021 г. изменен приговор

Володарского районного суда Астраханской области от 4 февраля 2021 г. в отношении Р. и С., осужденных по ч. 3 ст. 258¹ УК РФ каждый к пяти годам лишения свободы условно с испытательным сроком четыре года.

Р. и С. признаны виновными в незаконных приобретении, хранении, перевозке особо ценных водных биологических ресурсов и их частей, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и охраняемым международными договорами Российской Федерации, а именно рыбы осетровых пород общим весом 69,5 кг, совершенных группой лиц по предварительному сговору.

Судом апелляционной инстанции приговор изменен, исключено указание суда на применение при назначении наказания Р. и С. положений ст. 73 УК РФ и возложении на них обязанностей, назначенное каждому из осужденных наказание с применением ст. 64 УК РФ смягчено до двух лет шести месяцев лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Судебная коллегия по уголовным делам Астраханского областного суда указала в своем решении, что, формально сославшись в приговоре на характер и степень общественной опасности совершенного преступления, суд первой инстанции не принял во внимание, что данное деяние, посягающее на общественные отношения в сфере охраны природы, защиты водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и охраняемым международными договорами Российской Федерации, повлекло изъятие их из естественной среды обитания во время миграции к местам нереста частиковых видов рыб и особо ценных осетровых видов рыб с причинением экологического ущерба водным биологическим ресурсам на сумму более 2 000 000 руб., добытые незаконным путем особи рыб не являются объектами аквакультуры, а относятся к особям, выросшим и добытым в естественной среде обитания, вылов рыбы осуществлен при помощи самоловной крючковой снасти, запрещенной для спортивного и любительского рыболовства, являющейся способом массового истребления водных биологических ресурсов.

7. При рассмотрении дел об экологических преступлениях, предусмотренных ст.ст. 256, 258, 260, 261 УК РФ, судам при определении размера ущерба следует руководствоваться утвержденными Правительством РФ таксами и методиками, действующими на момент совершения преступления.

Изменения нормативных правовых актов в части определения размера ущерба, улучшающие положение лица, совершившего экологическое преступление, имеют обратную силу и подлежат применению в отношении его в соответствии с положениями ст. 10 УК РФ.

По приговору Читинского районного суда Забайкальского края от 1 февраля 2021 г. Р., Ц. и другие осуждены за незаконную рубку лесных насаждений в особо крупном размере, группой лиц по предварительному сговору.

Апелляционным определением Забайкальского краевого суда от 8 июля 2021 г. приговор изменен по следующим основаниям.

Размер ущерба, причиненного в результате незаконной рубки в июле — августе 2019 г., судом первой инстанции определен правильно, расчет произведен в соответствии с действующим законодательством, исходя из требований, установленных Правительством РФ.

Вместе с тем размер ущерба, причиненного незаконной рубкой в период с мая по июль 2018 г., суд установил, основываясь на действовавшем во время

совершения преступления постановлении Правительства РФ от 8 мая 2007 г. № 273, согласно которому расчет ущерба производился с учетом ставки платы за древесину средней крупности, в отношении вывозки древесины на расстоянии до 10 км. Рассчитанная сумма ущерба составила 4 890 343 руб.

Однако согласно постановлению Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1730 при расчете ущерба объем древесины определяется по сортиментным таблицам, применяемым в субъекте Российской Федерации, по первому разряду высот в коре. Диаметр ствола деревьев измеряется на высоте 1,3 м, в случае отсутствия ствола дерева — по диаметру пня срубленного дерева. При этом учитывается расстояние места незаконной рубки, на что указано в ведомости подсчета. С учетом данных положений ущерб составляет 3 260 070 руб., что улучшает положение осужденных.

Принимая во внимание, что ст. 260 УК РФ является бланкетной, поскольку при определении ущерба, причиненного лесным насаждениям, отсылает к утвержденным Правительством РФ таксам и методикам, следует в силу ст. 10 УК РФ применять подзаконный нормативный акт, улучшающий положение лица, совершившего преступление.

На основании изложенного судебная коллегия по уголовным делам Забайкальского краевого суда с учетом положений ст. 10 УК РФ изменила приговор, применив к преступлению, совершенному осужденными в период с мая по июль 2018 г., расчет ущерба, произведенный в соответствии с постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2018 г. № 1730, и уменьшила сумму ущерба до 3 260 070 руб.

8. Присужденные судом суммы компенсации по гражданским искам о возмещении вреда, причиненного преступлением окружающей среде, подлежат зачислению в бюджеты соответствующих уровней на основании ст. 46 Бюджетного кодекса РФ.

По приговору Прибайкальского районного суда Республики Бурятия от 29 января 2020 г. К. признан виновным в незаконной рубке лесных насаждений, совершенной в особо крупном размере, и осужден по ч. 3 ст. 260 УК РФ.

Постановлено взыскать с осужденного в пользу Российской Федерации в лице Республиканского агентства лесного хозяйства сумму ущерба, причиненного лесному фонду Российской Федерации, в размере 462 434 руб.

Суд апелляционной инстанции изменил приговор в части гражданского иска по следующим основаниям.

Разрешая гражданский иск и принимая решение о взыскании причиненного ущерба в пользу Республиканского агентства лесного хозяйства, суд не принял во внимание, что платежи по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, в соответствии с п. 22 ст. 46 БК РФ подлежат зачислению в бюджет муниципального образования по месту причинения вреда окружающей среде. Кроме того, согласно постановлению Правительства Республики Бурятия от 25 января 2007 г. № 13 “Об утверждении Положения о Республиканском агентстве лесного хозяйства” в полномочия Республиканского агентства лесного хозяйства не входит получение денежных средств в счет возмещения ущерба за незаконную рубку лесных насаждений.

На основании изложенного апелляционным определением Верховного суда Республики Бурятия приговор в части гражданского иска изменен, постановлено указать на взыскание с К. в счет возмещения материального ущерба суммы в размере 462 434 руб. в бюджет муниципального образования Прибайкальский район Республики Бурятия.

9. В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 309 УПК РФ в резолютивной части приговора надлежит решить вопрос о судьбе вещественных доказательств. При этом судам помимо требований Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ следует учитывать положения отраслевого законодательства.

Так, исходя из взаимосвязанных положений п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, ч. 1 ст. 99¹ ЛК РФ, подп. 5.5 Положения о Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом (утверждено постановлением Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 432), Положения о порядке передачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранения которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожения (утверждено постановлением Правительства РФ от 23 августа 2012 г. № 848), древесина, являющаяся предметом преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, подлежит передаче в территориальные органы Федерального агентства по управлению государственным имуществом для ее реализации в целях обращения вырученных средств в доход государства.

По приговору Игринского районного суда Удмуртской Республики от 7 декабря 2020 г. М. осужден по п. “г” ч. 2 ст. 260 УК РФ. Постановлено вещественное доказательство — бревна в количестве 21 штуки — передать для реализации в целях обращения в доход государства в межрегиональное территориальное управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом в Удмуртской Республике и Кировской области.

При решении вопроса о судьбе данного вещественного доказательства суд первой инстанции указал следующее.

Согласно подп. 5.5 Положения о Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом, утвержденного постановлением Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 432, Федеральное агентство по управлению государственным имуществом организует в установленном порядке реализацию, в том числе выступает продавцом, имущества (предметов), являющегося вещественным доказательством, хранение которого до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено.

Кроме того, в соответствии с Положением о реализации или уничтожении предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, утвержденным постановлением Правительства РФ от 23 августа 2012 г. № 848 (в ред. постановления Правительства РФ от 31 августа 2017 г. № 1062), вещественное доказательство по делу — незаконно срубленная древесина — подлежит передаче для реализации в целях обращения в доход государства в территориальные органы Федерального агентства по управлению государственным имуществом.

10. Орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому (осужденному), приобщенные к делу в качестве вещественных доказательств, могут быть конфискованы на основании п. “г” ч. 1 ст. 104¹ УК РФ.

По приговору Коченевского районного суда Новосибирской области от 30 января 2019 г. Д. и Т. осуждены каждый по ч. 2 ст. 258 УК РФ.

Согласно приговору суда Д. и Т. осуждены за незаконную охоту, совершенную группой лиц по предварительному сговору, с применением механического транспортного средства, с причинением особо крупного ущерба.

Разрешая судьбу вещественных доказательств, суд постановил охотничий карабин “ВЕПРЬ-12” ка-

либра 12 и 3 магазина емкостью 8 патронов калибра 12 возвратить Т., охотничье ружье “МР-43Е” калибра 12 возвратить Д., автомобиль марки “УАЗ Патриот” оставить по принадлежности собственнику Т.

В апелляционном порядке приговор не обжаловался.

В кассационной жалобе представитель потерпевшего — министерства природных ресурсов и экологии Новосибирской области, указывая, что в нарушение уголовно-процессуального закона суд принял незаконное решение в части определения судьбы вещественных доказательств: охотничьего карабина, охотничьего ружья и автомобиля, которые подлежат конфискации как орудия преступления, просил приговор изменить в этой части.

Президиум Новосибирского областного суда 22 мая 2019 г. удовлетворил кассационную жалобу частично, приговор в отношении Д. и Т. в части решения судьбы вещественных доказательств: охотничьего карабина, охотничьего ружья и автомобиля марки “УАЗ Патриот” — отменил, направил материалы уголовного дела на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе суда.

Принимая решение, суд кассационной инстанции указал следующее.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21, орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, в том числе транспортные средства, с помощью которых совершались незаконная охота или незаконная рубка лесных насаждений, приобщенные к делу в качестве вещественных доказательств, могут быть конфискованы на основании п. “г” ч. 1 ст. 104¹ УК РФ.

В силу указанной нормы уголовного закона конфискации подлежат орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому.

В соответствии с п. 1 ч. 1, п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются любые предметы, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления.

Орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации, или передаются в соответствующие учреждения, или уничтожаются.

Между тем судом данные требования закона нарушены.

Судом установлено, что Д. и Т., не имея соответствующего разрешения на добычу охотничьих животных, вступили в предварительный сговор, направленный на незаконную охоту с причинением особо крупного ущерба, с применением механического транспортного средства — автомобиля “УАЗ Патриот”, на котором велся поиск и преследование косули, затем каждый произвел по 2 прицельных выстрела в косулю — Т. из охотничьего ружья марки “ВЕПРЬ-12 “Молот” калибра 12/76, а Д. из охотничьего ружья “МР-43Е” калибра 12/70. Затем при помощи автомобиля была осуществлена транспортировка туши косули в г. Новосибирск.

Однако суд принял решение не о конфискации, а о возвращении вещественных доказательств: охотничьего карабина “ВЕПРЬ-12” калибра 12 и автомобиля марки “УАЗ Патриот” — Т., охотничьего ружья “МР-43Е” калибра 12/70 — Д. Мотивы принятого решения суд в приговоре не привел.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
24 июня 2022 г.)*

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 2 (2022)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Деяние может квалифицироваться как мошенничество при получении имущественного налогового вычета только при установлении умысла лица на хищение бюджетных денежных средств в виде указанного вычета путем представления налогоплательщиком в налоговый орган заведомо ложных и (или) недостоверных сведений.

По приговору Волгоградского гарнизонного военного суда от 16 октября 2018 г. К. осужден по ч. 1 ст. 159 УК РФ к штрафу в размере 50 000 руб.

Апелляционным постановлением Северо-Кавказского окружного военного суда от 24 декабря 2018 г. приговор в отношении К. оставлен без изменения.

Председатель Верховного Суда РФ в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу в отношении К. ввиду новых обстоятельств в связи с вынесением Конституционным Судом РФ Постановления от 4 марта 2021 г. № 5-П.

Президиум Верховного Суда РФ 20 октября 2021 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

Установлено, что К. признан виновным в совершении мошенничества, т.е. в хищении путем обмана чужого имущества — денежных средств из федерального бюджета (имущественного налогового вычета) в размере 94 241 руб.

Как указано в приговоре, 10 сентября 2015 г. К., являясь участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, на основании договора купли-продажи приобрел в собственность за 2 990 000 руб. квартиру. В период с 10 сентября 2015 г. по 16 февраля 2016 г. у К. возник умысел, направленный на хищение бюджетных денежных средств в виде имущественного налогового вычета путем представления в налоговый орган заведомо ложных и недостоверных сведений о приобретении жилого помещения за счет собственных средств. В целях реализации данного умысла К. обратился к индивидуальному предпринимателю, оказывавшему помощь в составлении налоговых деклараций, который в феврале 2016 г. и апреле 2017 г. подготовил и предъявил в ИФНС России по г. Волжскому Волгоградской области от имени К. налоговые декларации на доходы физических лиц (форма 3-НДФЛ) за 2015 и 2016 годы о предоставлении ему имущественного налогового вычета, содержавшие недостоверные сведения о том, что К. фактически затратил на приобретение квартиры 2 000 000 руб.

Должностные лица ИФНС России по г. Волжскому Волгоградской области, введенные в заблуждение относительно фактически произведенных К. расходов на приобретение жилого помещения, приняли решение о предоставлении ему имущественного налогового вычета на общую сумму 94 241 руб. (41 263 руб. за 2015 год, 52 978 руб. за 2016 год), которая поступила на банковский счет К. в порядке возврата уплаченного им налога на доходы физических лиц. Полученными денежными средствами К. распорядился по собственному усмотрению.

К., оспаривая конституционность ч. 1 ст. 159 УК РФ, обратился в Конституционный Суд РФ.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 4 марта 2021 г. № 5-П признал ч. 1 ст. 159 УК

РФ не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования она не предполагает возложения уголовной ответственности за необоснованное обращение налогоплательщика в налоговый орган с целью реализации права на получение имущественного налогового вычета в связи с приобретением им жилого помещения, в случае когда налоговым органом подтверждено, а в дальнейшем опровергнуто у него право на такой вычет, если налогоплательщик представил в налоговый орган предусмотренные законодательством документы, не содержащие признаков подделки или подлога, достаточные при обычной внимательности и осмотрительности сотрудников налогового органа для отказа в предоставлении соответствующего налогового вычета, и не совершил каких-либо других действий (бездействия), специально направленных на создание условий для принятия налоговым органом неверного решения в пользу налогоплательщика.

Поскольку выявленный Конституционным Судом РФ конституционно-правовой смысл положений ч. 1 ст. 159 УК РФ применительно к уголовной ответственности за деяния, сопряженные с обращением в налоговый орган для получения имущественного налогового вычета в связи с приобретением жилого помещения, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике, Президиум Верховного Суда РФ возобновил производство по уголовному делу в отношении К. ввиду новых обстоятельств и отменил приговор от 16 октября 2018 г. и апелляционное постановление от 24 декабря 2018 г. в отношении К., уголовное дело передал для производства нового судебного разбирательства в тот же суд иным составом суда¹.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 115-ПК21*

2. При назначении наказания в виде ограничения свободы в резолютивной части обвинительного приговора должны быть указаны конкретные виды ограничений, предусмотренные ст. 53 УК РФ.

По приговору Ленинградского окружного военного суда от 1 сентября 2010 г. Т. осужден за совершение преступления, предусмотренного п. “б” ч. 4 ст. 131 УК РФ, к лишению свободы на срок четырнадцать лет в исправительной колонии строгого режима без лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, с ограничением свободы на срок два года и лишением в соответствии со ст. 48 УК РФ воинского звания “старший лейтенант”.

Кассационным определением Военной коллегии Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. приговор изменен, из приговора исключено указание о совершении Т. изнасилования с угрозой применения насилия, наказание снижено до тринадцати лет шести месяцев лишения свободы.

¹ Постановлением Волгоградского гарнизонного военного суда от 28 декабря 2021 г. уголовное дело в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ, прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

В надзорной жалобе осужденный Т. просил о пересмотре судебных решений в связи с существенным нарушением уголовного закона при назначении ему дополнительного наказания в виде ограничения свободы сроком на два года, поскольку суд вопреки требованиям ст. 53 УК РФ не возложил на осужденного обязанностей и не установил конкретных ограничений.

Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного Т. наказания по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 308 УПК РФ в резолютивной части обвинительного приговора должны быть, в частности, указаны вид и размер наказания, назначенного подсудимому за каждое преступление, в совершении которого он признан виновным; решение о дополнительных наказаниях в соответствии со ст. 45 УК РФ; ограничения, которые устанавливаются для осужденного к наказанию в виде ограничения свободы.

По смыслу ст. 53 УК РФ ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному ограничений и возложении на него определенных обязанностей и назначается на срок от шести месяцев до двух лет в качестве дополнительного вида наказания к лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части названного Кодекса.

По данному делу суд назначил Т. по п. "б" ч. 4 ст. 131 УК РФ дополнительное наказание в виде ограничения свободы сроком на два года.

Однако вопреки требованиям ст. 53 УК РФ суд не возложил на осужденного обязанности и не установил конкретных ограничений. Указанное нарушение уголовного закона при назначении наказания является существенным, повлиявшим на исход дела.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда РФ изменил приговор и кассационное определение, исключил назначение дополнительного наказания в виде ограничения свободы по п. "б" ч. 4 ст. 131 УК РФ сроком на два года.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 119-ПК21*

3. При рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства, предусмотренном главой 40¹ УПК РФ, в том числе при обжаловании приговора в кассационной инстанции, возмещение процессуальных издержек осуществляется за счет средств федерального бюджета.

К процессуальным издержкам относятся и суммы, выплачиваемые адвокату, участвующему в рассмотрении уголовного дела по назначению, на покрытие расходов, связанных с его явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием.

Уголовное дело в отношении М. рассмотрено районным судом в соответствии с положениями главы 40¹ УПК РФ в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве.

При рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ защиту осужденной М. по назначению суда осуществлял адвокат З.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 мая 2021 г. адвокату З. выплачено вознаграждение в размере 12 900 руб. из средств федерального бюджета за участие в деле в качестве защитника М. по назначению суда. Указанная сумма взыскана с М. в доход федерального бюджета, заявление адвоката З.

в части оплаты его проезда в размере 720 руб. оставлено без удовлетворения.

В надзорной жалобе адвокат З. просил отменить определение суда кассационной инстанции, поскольку, по его мнению, суд взыскал с осужденной в доход федерального бюджета процессуальные издержки в нарушение положений ст. 131 УПК РФ.

Президиум Верховного Суда РФ 15 декабря 2021 г. удовлетворил надзорную жалобу адвоката по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 317⁷ УПК РФ судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводятся в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ.

С учетом положений ч. 10 ст. 316 УПК РФ процессуальные издержки, предусмотренные ст. 131 УПК РФ, взысканию с подсудимого (осужденного) не подлежат, в том числе при обжаловании приговора в кассационной инстанции.

Между тем в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ указано, что предусмотренных законом оснований для освобождения М. от уплаты процессуальных издержек не имеется.

Кроме того, отказывая в удовлетворении ходатайства о выплате 720 руб. в возмещение расходов, связанных с явкой адвоката З. в судебное заседание, Судебная коллегия в определении указала, что адвокат осуществлял защиту осужденной М. в Верховном Суде РФ, расположенном в том же населенном пункте (г. Москва), где находится адвокатское образование, в котором он осуществляет свою деятельность.

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ к процессуальным издержкам относятся суммы, выплачиваемые адвокату, участвующему в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда, на покрытие расходов, связанных с явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием.

Согласно пп. 2 и 5 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240, проезд к месту производства процессуальных действий и обратно к месту жительства, работы или месту временного пребывания оплачивается адвокату, участвующему в уголовном деле по назначению суда, не свыше стоимости проезда, в частности, автотранспортом общего пользования (кроме такси); при отсутствии документов, подтверждающих произведенные расходы на проезд, к заявлению о возмещении расходов на проезд прилагается справка транспортной организации о минимальной стоимости проезда к месту производства процессуальных действий и обратно, в частности, автомобильным транспортом (в автобусе общего типа), действовавшей на дату прибытия к месту производства процессуальных действий и дату отбытия обратно к месту жительства.

Адвокат З. к поданному в соответствии с пп. 2 и 5 вышеуказанного Положения заявлению приобщил справку Мосгортранса о том, что минимальная стоимость проезда в наземном пассажирском транспорте г. Москвы, включая автобус

общего типа, по состоянию на май 2021 г. составляла 60 руб.

Указанным обстоятельствам Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ надлежащей оценки не дано.

В связи с изложенным Президиум Верховного Суда РФ отменил определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 мая 2021 г. о взыскании процессуальных издержек, а дело в этой части передал на новое судебное рассмотрение¹.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 173-П/21*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с исполнением обязательств

4. Бремя доказывания безденежности договора займа, который заемщиком подписан и содержит указание на получение им суммы займа до подписания этого договора, возлагается на заемщика.

Отсутствие у займодавца экземпляра нотариально удостоверенного договора займа не является достаточным основанием для признания обязательств заемщика исполненными.

К. обратился в суд с иском к Е., Я. о взыскании денежных средств по договору займа и договору поручительства, указав, что 30 июня 2017 г. между ним и Е. заключен нотариально удостоверенный беспроцентный договор займа, согласно которому им переданы заемщику 300 000 000 руб. наличными в день подписания договора, являющегося также распиской в получении указанной денежной суммы. Срок возврата займа определен моментом востребования — в течение 3 месяцев со дня требования о возврате суммы долга.

10 июля 2017 г. между К. и Я. заключен договор поручительства, согласно которому поручитель Я. солидарно с Е. отвечает перед займодавцем К. в пределах денежной суммы в размере 1 000 000 руб.

1 декабря 2019 г. К. впервые потребовал вернуть сумму займа в срок до 1 марта 2020 г., однако заемщик Е. денежные средства не возвратил.

1 марта 2020 г. К. обратился к Я. с требованием исполнить обязательство заемщика в предусмотренном договором объеме в течение 5 дней с момента получения этого требования, что поручителем сделано не было.

Суд первой инстанции, удовлетворяя заявленные требования, исходил из того, что заключение договора займа не оспаривается Е., которая в обоснование своих возражений ссылается только на то, что установленный договором срок исполнения обязательства с даты получения требования о возврате долга еще не наступил, принимая также во внимание, что этот срок к моменту рассмотрения данного дела истек, а доказательств возврата суммы займа заемщиком не представлено.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в иске, суд апелляционной инстанции сослался на отсутствие достоверных и непротиворечивых доказательств передачи истцом указанных выше денежных средств Е., которая их получение оспаривает.

Указав, что договор займа в действительности обеспечивал возврат перешедших к ответчику на основании брачного договора долей в уставном капитале общества, которые на момент рассмотрения дела перешли по договору купли-продажи к сестре истца, суд апелляционной инстанции посчитал обоснованными доводы Е. о том, что после возврата ответчиком долей в уставном капитале общества родственнице К. стороны уничтожили свои экземпляры договора в подтверждение прекращения имевшихся у Е. обязательств, а сам договор займа суд апелляционной инстанции признал незаключенным по безденежности, сославшись также на то, что из представленных истцом финансовых документов не усматривается наличие у него необходимой денежной суммы для заключения договора займа.

С такими выводами согласился суд кассационной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое апелляционное рассмотрение, указав в том числе на следующее.

Судами установлено, что договор займа был заключен сторонами в письменной форме и удостоверен нотариально.

В соответствии со ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом (ч. 1).

Если правила, содержащиеся в ч. 1 указанной статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон (ч. 2).

Из буквального содержания договора займа от 30 июня 2017 г. следует, что он является распиской в получении денежных средств в полном объеме в день подписания договора. Отдельной строкой, заверенной подписью Е., в договоре указано, что денежные средства в размере 300 000 000 руб. она получила полностью 30 июня 2017 г.

Исходя из изложенного, при рассмотрении данного дела суду апелляционной инстанции в соответствии с требованиями ст. 431 ГК РФ надлежало дать оценку буквальному содержанию нотариально удостоверенного договора, а в случае неясности — толковать его по указанным в данной норме правилам, чего сделано не было.

Кроме того, этим же договором предусмотрено, что факт возврата долга должен быть подтвержден путем выдачи займодавцем расписки и вручением им заемщику своего экземпляра договора.

Согласно п. 2 ст. 408 ГК РФ, если должник выдал кредитору в удостоверение обязательства долговой документ, то кредитор, принимая исполнение, должен вернуть этот документ, а при

¹Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 февраля 2022 г. адвокату З. из средств федерального бюджета за осуществление защиты интересов М. в суде кассационной инстанции выплачено вознаграждение в размере 18 164 руб. (из них 964 руб. — стоимость проезда).

невозможности возвращения указать на это в выдаваемой им расписке. Расписка может быть заменена надписью на возвращаемом долговом документе. Нахождение долгового документа у должника удостоверяет, пока не доказано иное, прекращение обязательства.

Приведенные положения закона и условия договора судом апелляционной инстанции не учтены.

Ссылаясь на то, что обязательство ответчиком исполнено надлежащим образом, суд апелляционной инстанции не дал оценки отсутствию у ответчика и расписки, и экземпляра долгового документа.

Кроме того, судом апелляционной инстанции неправильно распределено между сторонами бремя доказывания имеющих значение для разрешения данного спора обстоятельств.

Из положений пп. 1, 2 ст. 812 ГК РФ следует, что заемщик вправе оспаривать договор займа по его безденежности, доказывая, что деньги или другие вещи в действительности от займодавца им не получены или получены в меньшем количестве, чем указано в договоре.

Если договор займа должен быть совершен в письменной форме, его оспаривание по безденежности путем свидетельских показаний не допускается, за исключением случаев, когда договор был заключен под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя.

Согласно разъяснениям, изложенным в ответе на вопрос 10 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2015 г., в случае спора, вытекающего из заемных правоотношений, на кредиторе лежит обязанность доказать факт передачи должнику предмета займа и то, что между сторонами возникли отношения, регулируемые главой 42 ГК РФ, а на заемщике — факт надлежащего исполнения обязательств по возврату займа либо безденежность займа.

Поскольку получение суммы займа подтверждено собственноручной подписью заемщика в тексте договора и этот договор удостоверен нотариально, обязанность доказать безденежность договора или исполнение обязательств по нему лежала именно на заемщике.

В нарушение закона суд апелляционной инстанции, по существу, переложил обязанность доказывания на истца.

Определение № 78-КГ21-58-К3

5. Ненадлежащее исполнение страховщиком и станцией технического обслуживания обязанности по ремонту поврежденного транспортного средства является основанием для обращения потерпевшего к страховщику, застраховавшему ответственность причинителя вреда по договору обязательного страхования, с требованием о страховой выплате.

Д. обратился в суд с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения.

Судом установлено, что в результате дорожно-транспортного происшествия автомобилю Д. причинены механические повреждения, гражданская ответственность истца застрахована по договору ОСАГО в страховой компании (ответчик). После обращения истца к страховщику с заявлением о страховом возмещении ему было выдано направление на ремонт на станцию технического обслуживания автомобилей (далее — СТОА), расположенную по конкретному адресу. Однако осмотр автомобиля по адресу, указанному страховщиком, был произведен индивидуальным пред-

принимателем, который предложил истцу подписать соглашение об условиях ремонта, согласно которому при ремонте автомобиля могут быть использованы запчасти, предоставленные альтернативными производителями или бывшие в употреблении.

Не согласившись на использование деталей, бывших в употреблении, истец неоднократно обращался в страховую компанию с претензией о проведении ремонта транспортного средства либо о выплате страхового возмещения в денежной форме, но получал отказы.

Финансовый уполномоченный также вынес решение об отказе в удовлетворении требований истца.

Суд первой инстанции, частично удовлетворяя иск, руководствовался положениями ст.ст. 927, 929, 931 ГК РФ, п. 15¹ ст. 12 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” (далее — Закон об ОСАГО), разъяснениями, изложенными в пп. 52 и 53 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 58 “О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств”, и исходил из того, что истцу было выдано направление на СТОА с неверным указанием исполнителя и адреса. Доказательства того, что до истца была доведена информация о другом исполнителе, в материалах дела отсутствуют. Документы относительно полномочий индивидуального предпринимателя представлены только в судебном заседании. В связи с этим суд пришел к выводу о том, что истец как потребитель был введен в заблуждение относительно СТОА, где будет осуществляться ремонт его транспортного средства.

Суд сослался на п. 59 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 58, в котором разъяснено, что если в соответствии с единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утвержденной положением Банка России от 19 сентября 2014 г. № 432-П, требуется замена комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов), то при восстановительном ремонте поврежденного транспортного средства не допускается использование бывших в употреблении или восстановленных комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов). Иное может быть определено только соглашением между страховщиком и потерпевшим (абз. 3 п. 15¹ ст. 12 Закона об ОСАГО).

Суд также указал, что соглашение об условиях ремонта, заключить которое с истцом было предложено индивидуальным предпринимателем, содержит сведения о возможности использования как новых, так и бывших в употреблении деталей для ремонта. При этом согласия на использование в процессе ремонта бывших в употреблении деталей истец не давал, ремонт автомобиля истца на СТОА произведен не был. Истец неоднократно письменно обращался к ответчику для решения вопроса об организации восстановительного ремонта либо о выплате денежных средств, однако доказательства того, что ответчиком были приняты какие-либо меры для урегулирования спора, не имеется, а переписка между сторонами не свидетельствует о попытках ответчика достигнуть соглашения.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции пришел к выводу о том, что обязанность ответчика перед потерпевшим по организации восстановительного ремонта поврежденного автомобиля в рамках договора ОСАГО надлежащим образом не исполнена и у истца возникло право на изменение способа возмещения вреда в виде выплаты страхового возмещения в денежной форме.

С позицией суда первой инстанции и ее обоснованием согласился суд апелляционной инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции отменил решение суда первой инстанции и апелляционное определение и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав, что ответчик выдал истцу направление на ремонт, который не был произведен ввиду несогласия истца на использование при восстановительном ремонте транспортного средства неоригинальных запасных частей или бывших в употреблении.

По мнению суда кассационной инстанции, страховщик выполнил принятые на себя обязательства, выдав в предусмотренный договором срок направление на ремонт автомобиля.

Суд кассационной инстанции отклонил доводы Д. о том, что текст представленного ему для заключения соглашения об условиях ремонта содержал пункт о возможности использования в процессе ремонта бывших в употреблении запасных частей, посчитав, что это не является безусловным основанием для удовлетворения иска. При этом суд сослался на п. 1 ст. 421 ГК РФ о свободе договора и о том, что понуждение к заключению договора не допускается, а также на п. 1 ст. 432 этого же Кодекса, согласно которому договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Наличие печатки в адресе СТОА, по мнению суда кассационной инстанции, не является существенным нарушением требований действующего закона со стороны ответчика, поскольку истцом не оспаривалось, что он обращался в СТОА по надлежащему адресу. Следовательно, наличие печатки в адресе СТОА в направлении не повлекло негативных последствий для Д.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила судебное постановление кассационного суда общей юрисдикции, оставив в силе решение суда первой инстанции и апелляционное определение, по следующим основаниям.

Пунктом 1 ст. 929 ГК РФ предусмотрено, что по договору имущественного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы).

Согласно п. 4 ст. 10 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 "Об организации страхового дела в Российской Федерации" условиями страхования имущества и (или) гражданской ответст-

венности в пределах страховой суммы может предусматриваться замена страховой выплаты предоставлением имущества, аналогичного утраченному имуществу, а в случае повреждения имущества, не повлекшего его утраты, — организацией и (или) оплатой страховщиком в счет страхового возмещения ремонта поврежденного имущества.

Условия и порядок страхового возмещения по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств регулируются Законом об ОСАГО.

В соответствии со ст. 3 Закона об ОСАГО одним из основных принципов обязательного страхования является гарантия возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в пределах, установленных данным Федеральным законом.

Согласно абз. 1—3 п. 15¹ ст. 12 Закона об ОСАГО страховое возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в Российской Федерации, осуществляется (за исключением случаев, установленных п. 16¹ названной статьи) в соответствии с п. 15² или п. 15³ названной статьи путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего (возмещение причиненного вреда в натуре).

Страховщик после осмотра поврежденного транспортного средства потерпевшего и (или) проведения его независимой технической экспертизы выдает потерпевшему направление на ремонт на станцию технического обслуживания и осуществляет оплату стоимости проводимого такой станцией восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего в размере, определенном в соответствии с единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, с учетом положений абз. 2 п. 19 указанной статьи.

При проведении восстановительного ремонта в соответствии с п. 15² и 15³ той же статьи не допускается использование бывших в употреблении или восстановленных комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов), если в соответствии с единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства требуется замена комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов); иное может быть определено соглашением страховщика и потерпевшего.

Согласно разъяснениям, данным в п. 59 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 58, в отличие от общего правила оплата стоимости восстановительного ремонта легкового автомобиля, находящегося в собственности гражданина (в том числе имеющего статус индивидуального предпринимателя) и зарегистрированного в Российской Федерации, осуществляется страховщиком без учета износа комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов) (абз. 3 п. 15¹ ст. 12 Закона об ОСАГО в редакции Федерального закона от 28 марта 2017 г. № 49-ФЗ).

Из приведенных норм права и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ следует, что возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в Российской Федерации, по общему правилу осуществляется путем восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства, при этом страховщиком стоимость

такого ремонта оплачивается без учета износа комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов).

Перечень случаев, когда страховое возмещение по выбору потерпевшего или по соглашению потерпевшего и страховщика либо в силу объективных обстоятельств вместо организации и оплаты восстановительного ремонта осуществляется в форме страховой выплаты, установлен п. 16¹ ст. 12 Закона об ОСАГО.

Поскольку по данному делу судом установлено, что соглашение об условиях ремонта, предложенное к заключению Д. с индивидуальным предпринимателем, без подписания которого ремонт не мог быть осуществлен, предусматривало возможность использования в процессе ремонта транспортного средства как новых, так и бывших в употреблении деталей, не было достигнуто сторонами, истец вправе был требовать выплаты страхового возмещения в денежном выражении, что не было учтено кассационным судом общей юрисдикции при рассмотрении дела.

Определение № 41-КГ21-49-К4

6. Договором об участии в долевом строительстве многоквартирного дома является договор, заключенный застройщиком в целях привлечения денежных средств граждан и юридических лиц для долевого строительства многоквартирного дома и содержащий все необходимые существенные условия этого договора, вне зависимости от того, как были поименованы сторонами этот договор и полученная по нему застройщиком денежная сумма.

К. обратилась в суд с иском к министерству строительства Самарской области, застройщику об установлении факта участия в долевом строительстве, факта оплаты и о признании права на получение в собственность квартиры.

В обоснование требований истец указала, что 29 января 2007 г. между ней и обществом (заказчиком) заключен предварительный договор, согласно которому истец приняла участие в инвестировании строительства многоквартирного жилого дома. В соответствии с этим договором заказчик обязался после получения разрешительной документации и ввода дома в эксплуатацию передать инвестору однокомнатную квартиру определенной площади под строительным номером 105. Взятые на себя обязательства инвестора истец исполнила в полном объеме, что подтверждается квитанциями от 18 мая 2007 г. на сумму 1 641 905 руб. и от 25 мая 2007 г. на сумму 100 000 руб.

Письмом от 27 ноября 2019 г. министерство строительства Самарской области сообщило К. о том, что решением комиссии от 8 мая 2014 г. она отнесена к числу пострадавших и включена в реестр граждан, чьи денежные средства привлечены для строительства многоквартирного дома и чьи права нарушены. Однако в представленном ею пакете документов отсутствуют документы об оплате по предварительным договорам, в связи с чем К. предложено представить указанные документы либо решение суда об установлении факта оплаты.

Суд первой инстанции, отказывая К. в удовлетворении исковых требований, указал, что из содержания предварительного договора не следует обязанность истца по оплате цены недвижимого имущества до заключения основного договора; условия договора займа (между сторонами заключены предварительный договор инвестирования и договор займа) также не содержат указания о прекращении у застройщика обязательства по возврату суммы займа путем передачи жилого

помещения в многоквартирном доме после завершения его строительства.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

В силу ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений; далее — Федеральный закон № 214-ФЗ) данный Федеральный закон регулирует отношения, связанные с привлечением денежных средств граждан и юридических лиц для долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости на основании договора участия в долевом строительстве (далее — участники долевого строительства) и возникновением у участников долевого строительства права собственности на объекты долевого строительства и права общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме и (или) ином объекте недвижимости, а также устанавливает гарантии защиты прав, законных интересов и имущества участников долевого строительства.

Действие Федерального закона № 214-ФЗ распространяется также на отношения, возникшие при совершении начиная с 1 апреля 2005 г. сделок по привлечению денежных средств граждан иными способами (заключении предварительных договоров купли-продажи жилых помещений в объекте строительства, договоров об инвестировании строительства многоквартирного жилого дома или иного объекта недвижимости, договоров займа, обязательства по которым в части возврата займа прекращаются с передачей жилого помещения в многоквартирном доме или ином объекте недвижимости после завершения его строительства в собственность, договоров о совместной деятельности в целях осуществления строительства многоквартирного жилого дома или иного объекта недвижимости и т.д.) в случаях, если судом с учетом существа фактически сложившихся отношений установлено, что сторонами действительно имелся в виду договор участия в долевом строительстве (вопрос 2 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 2012 года, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 10 апреля 2013 г.).

Верховный Суд РФ в Обзоре практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 4 декабря 2013 г., указал, что при рассмотрении дел по спорам, возникающим из правоотношений, основанных на сделках, связанных с передачей гражданами денежных средств в целях строительства многоквартирного дома и последующей передачей жилого помещения в таком многоквартирном доме в собственность, но совершенных в нарушение требований Федерального закона № 214-ФЗ, независимо от на-

именования заключенного сторонами договора следует исходить из существа сделки и фактически сложившихся отношений сторон. В таких случаях, если судом установлено, что сторонами при совершении сделки, не отвечающей указанным требованиям, действительно имелся в виду договор участия в долевом строительстве, к сделке применяются положения Федерального закона № 214-ФЗ.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 43 постановления от 25 декабря 2018 г. № 49 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора” разъяснил, что условия договора подлежат толкованию в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в ст. 1 ГК РФ, другими положениями Гражданского кодекса РФ, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права (ст.ст. 3, 422 ГК РФ).

Значение условия договора устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом (ч. 1 ст. 431 ГК РФ). Условия договора толкуются и рассматриваются судом в их системной связи и с учетом того, что они являются согласованными частями одного договора (системное толкование).

Толкование условий договора осуществляется с учетом цели договора и существа законодательного регулирования соответствующего вида обязательств.

Согласно условиям предварительного договора от 18 мая 2007 г. стороны обязались заключить основной договор об участии в долевом строительстве жилого дома до 1 декабря 2007 г. Этим договором предусмотрено, что в случае если до или в период его действия у сторон возникнут другие обязательства по другим договорам между собой, то стороны заменяют другие обязательства по другим договорам выполнением обязательства по основному договору долевого участия.

В соответствии с дополнительным соглашением к предварительному договору стоимость однокомнатной квартиры под строительным номером 105 составляет 1 741 905 руб.

По условиям договора займа и дополнительного соглашения от 18 мая 2007 г. К. (займодавец) обязалась внести в кассу заказчика (заемщика) денежные средства в размере 1 741 905 руб. со сроком их возврата до 1 декабря 2007 г. Судом установлено, что между сторонами заключены предварительный договор инвестирования и договор займа.

Таким образом, суд не исключил, что целью возникших правоотношений являлось строительство объекта недвижимого имущества — однокомнатной квартиры под строительным номером 105.

Оценивая условия предварительного договора и договора займа, суд указал, что в них отсутствует указание на исполнение обязательств по предварительному договору путем передачи денежных средств по договору займа.

Между тем, как следует из материалов дела, К. передала заказчику по договору займа денежные средства в размере стоимости объекта долевого участия сразу и в полном объеме до заключения основного договора, при этом срок возврата суммы займа совпал со сроком заключения основного договора. Кроме того, стороны согласовали в предварительном договоре условие о за-

мене иных обязательств по другим договорам выполнением обязательства по основному договору долевого участия.

Таким образом, условия предварительного договора и договора займа о цене объекта долевого участия и сумме займа, сроках заключения основного договора и возврата суммы займа, а также о замене иных обязательств по другим договорам выполнением обязательства по основному договору долевого участия тоже подлежали оценке судом по правилам ст. 431 ГК РФ на предмет соответствия названных сделок по привлечению денежных средств граждан существу договора участия в долевом строительстве.

Однако указанным обстоятельствам судом в нарушение требований ст. 67 и ч. 4 ст. 198 ГПК РФ оценка дана не была.

Ограничившись ссылкой на то, что договоры инвестирования и займа не содержат указания на прекращение у застройщика обязательства по возврату суммы займа путем передачи жилого помещения в многоквартирном доме после завершения его строительства, суд не исследовал всю совокупность доказательств, представленных К. в обоснование ее доводов о заключении по существу договора участия в долевом строительстве и оплате по этому договору, и не создал условий для реализации положений ст.ст. 2 и 195 ГПК РФ и правильного разрешения возникшего спора.

Определение № 46-КГ21-40-К6

7. Возникновение спора о надлежащем исполнении первоначальным участником долевого строительства обязательства по уплате застройщику цены договора не является основанием для признания недействительным ранее заключенного этим участником долевого строительства договора об уступке прав по договору об участии в долевом строительстве.

ООО “Глобус групп” (застройщик) обратилось в суд с иском к ООО “Контакт” и Ш. о расторжении договора участия в долевом строительстве, признании договора цессии недействительным, об исключении из Единого государственного реестра недвижимости (далее — ЕГРН) регистрационной записи и просило расторгнуть договоры об участии в долевом строительстве, заключенные между АО “ЛИК” (первоначальный застройщик) и ООО “Контакт” и между ООО “Контакт” и Ш., указывая, что ООО “Контакт” не исполнило обязательство перед АО “ЛИК” по оплате в рамках договора участия в долевом строительстве, а потому не могло уступить впоследствии право требования по данному договору Ш.

Заочным решением суда иск удовлетворен.

Принимая такое решение, суд первой инстанции на основании положений ст.ст. 450, 450¹, 453 ГК РФ, Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон об участии в долевом строительстве) пришел к выводу о наличии оснований для расторжения договора участия в долевом строительстве в отношении объекта долевого строительства (квартиры), поскольку ООО “Контакт” не исполнило обязательство по оплате объекта долевого строительства.

Суд первой инстанции сделал вывод, что, поскольку ООО “Контакт” не исполнило обязательство по оплате объекта долевого строительства, оно не имело правовых оснований заключать договор цессии, а потому признал договор цессии, заключенный между ООО “Контакт” и Ш., не-

действительным, как совершенный в нарушение законодательного запрета, предусмотренного ч. 1 ст. 11 Закона об участии в долевом строительстве.

Суд апелляционной инстанции поддержал позицию суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Признавая недействительным договор цессии, суд сослался на ч. 1 ст. 11 Закона об участии в долевом строительстве, согласно которой уступка участником долевого строительства прав требований по договору допускается только после уплаты им цены договора или одновременно с переводом долга на нового участника долевого строительства в порядке, установленном Гражданским кодексом РФ.

Между тем вывод суда о недействительности договора цессии по данному основанию не соответствует фактическим обстоятельствам дела.

Как следует из материалов дела, Ш., которому банк предоставил денежные средства на покупку квартиры, для получения кредита приложил к заявлению следующие документы: договор об участии в долевом строительстве от 4 апреля 2018 г., заключенный между АО “ЛИК” и ООО “Контакт”, зарегистрированный в установленном законом порядке; договор цессии от 8 июня 2018 г., заключенный между ООО “Контакт” и Ш., зарегистрированный в установленном законом порядке; справку за подписью исполняющего обязанности генерального директора АО “ЛИК”, представленную в Росреестр, свидетельствующую о том, что оплата за квартиру по договору об участии в долевом строительстве от 4 апреля 2018 г. произведена в полном объеме в размере 1 925 100 руб.

Как предусмотрено ч. 10 ст. 48 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ “О государственной регистрации недвижимости” (в редакции, действовавшей на момент заключения договора цессии), государственная регистрация соглашения (договора), на основании которого производится уступка прав требований участника долевого строительства по договору участия в долевом строительстве, осуществляется по заявлению сторон договора о такой уступке (цедента и цессионария). Для государственной регистрации договора об уступке прав требований по договору участия в долевом строительстве также необходимы: 1) договор об уступке прав требований по договору участия в долевом строительстве; 2) справка, подтверждающая полную или частичную уплату цены договора участия в долевом строительстве цедентом застройщику, выступающему стороной договора участия в долевом строительстве, с указанием размеров и сроков внесения платежей и выданная таким застройщиком или банком, через который осуществлялись указанные платежи.

С учетом положений приведенной нормы Закона необходимые условия для государственной регистрации договора об уступке прав требований по договору участия в долевом строительстве сторонами соглашения были выполнены, представлена справка о полной уплате цены договора участия в долевом строительстве цедентом ООО “Контакт” застройщику АО “ЛИК”, при

этом справка об уплате цены договора участия в долевом строительстве, выдаваемая застройщиком, является документом, прямо предусмотренным законом в качестве подтверждения уплаты цены договора.

Судом не указано, по каким основаниям данная справка не принята в качестве доказательства по делу.

При этом суд принял во внимание документы, представленные конкурсным управляющим ООО “ЛИК”, а именно бухгалтерские документы (карточки счета, выписки по лицевым счетам, выписки из кассовой книги), в которых указанная оплата не отражена. Между тем бухгалтерские документы не являются исключительными доказательствами оплаты по договору участия в долевом строительстве.

Таким образом, суду надлежало достоверно установить, исполнило ли ООО “Контакт” свои обязательства по договору участия в долевом строительстве в полном объеме, поскольку данный договор зарегистрирован в установленном законом порядке и в дальнейшем также в установленном законом порядке зарегистрировано соглашение об уступке прав между ООО “Контакт” и Ш.

В качестве последствий признания недействительной сделки цессии судом первой инстанции указано на исключение из ЕГРН записи о государственной регистрации договора цессии и ипотеки в силу закона.

Однако, делая данный вывод, суд вышел за пределы исковых требований в нарушение ч. 3 ст. 196 ГПК РФ, согласно которой выйти за пределы исковых требований суд может только в случаях, предусмотренных законом.

Как предусмотрено п. 4 ст. 166 ГК РФ, суд вправе применить последствия недействительности ничтожной сделки по своей инициативе, если это необходимо для защиты публичных интересов, и в иных предусмотренных законом случаях. В данном деле такие обстоятельства отсутствуют.

В п. 78 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации” разъяснено, что согласно абз. 1 п. 3 ст. 166 ГК РФ требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки вправе предъявить сторона сделки, а в предусмотренных законом случаях также иное лицо. Исходя из системного толкования п. 1 ст. 1, п. 3 ст. 166 и п. 2 ст. 168 ГК РФ, иск лица, не являющегося стороной ничтожной сделки, о применении последствий ее недействительности может быть также удовлетворен, если гражданским законодательством не установлен иной способ защиты права этого лица и его защита возможна лишь путем применения последствий недействительности ничтожной сделки.

Между тем в исковом заявлении ООО “Глобус групп” не указано, какие права и законные интересы истца были нарушены договором цессии, стороной которого он не является; договор зарегистрирован в установленном законом порядке; сам договор его сторонами не оспаривается. По сути, требование истца направлено на восстановление прав ООО “Контакт” как участника по договору об участии в долевом строительстве жилья с тем, чтобы расторгнуть с ним договор. ООО “Контакт” не заявляло требования о признании договора цессии недействительным.

Из положений ст. 390 ГК РФ следует, что недействительность переданного требования в случае, если такое будет установлено, является основанием для привлечения цессионарием к ответственности цедента. При этом обстоятельства, связанные с наличием либо прекращением договора участия в долевом строительстве и его исполнением, сами по себе не находятся в причинной связи с действительностью и заключенностью оспариваемого договора цессии. В случае если истец полагает, что ООО «Контакт» не исполнило перед ним обязательства по договору участия в долевом строительстве, он вправе заявить имущественные требования к стороне договора.

Кроме того, согласно п. 5 ст. 166 ГК РФ заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки.

При регистрации договора уступки прав требования между ООО «Контакт» и Ш. представлена справка за подписью исполняющего обязанности генерального директора АО «ЛИК», свидетельствующая о полной оплате объекта долевого строительства (квартиры) по договору об участии в долевом строительстве. Таким образом, все стороны договора, а также третьи лица полагались на действительность договора уступки, что не получило оценки суда.

Кроме того, суд признал недействительным договор цессии, заключенный между ООО «Контакт» и Ш., поскольку расторг договор, на основании которого к ООО «Контакт» перешло уступаемое право.

Согласно пп. 3, 4 ст. 453 ГК РФ в случае изменения или расторжения договора обязательства считаются измененными или прекращенными с момента заключения соглашения сторон об изменении или о расторжении договора, если иное не вытекает из соглашения или характера изменения договора, а при изменении или расторжении договора в судебном порядке — с момента вступления в законную силу решения суда об изменении или о расторжении договора.

Стороны не вправе требовать возвращения того, что было исполнено ими по обязательству до момента изменения или расторжения договора, если иное не установлено законом или соглашением сторон.

Таким образом, переданное право могло быть возвращено ООО «ЛИК» только после вступления в законную силу решения суда о расторжении договора от 4 апреля 2018 г., а потому на момент вынесения решения суда и апелляционного определения оснований для признания недействительным договора цессии от 9 июня 2018 г. по данному мотиву не имелось.

Нельзя признать обоснованной ссылку суда на положения ст. 5 Закона об участии в долевом строительстве о праве застройщика на односторонний отказ от исполнения договора, который в указанном случае считается расторгнутым со дня направления другой стороне уведомления об этом, поскольку в данном случае уведомление о расторжении договора направлено не стороне договора участия в долевом строительстве Ш., а ООО «Контакт».

При вынесении решения судом также не учтены интересы физического лица Ш., уплатившего полную стоимость по договору цессии, и банка, предоставившего кредит на такую покуп-

ку и являющегося залогодержателем имущественных прав по договору цессии, не приняты меры к восстановлению их прав, нарушенных в результате признания недействительными договоров цессии, и, соответственно, не разрешен в полном объеме гражданский спор, как того требует ст. 2 ГПК РФ.

Определение № 77-КГ21-5-К1

Исковая давность

8. Срок исковой давности, пропущенный истцом — юридическим лицом, о применении которого заявил ответчик, не подлежит восстановлению судом независимо от причин его пропуска.

ПАО «Кубаньэнерго» (далее — общество) 5 мая 2020 г. обратилось в суд с иском к К. о возмещении стоимости бездоговорного потребления электрической энергии.

Судом установлено, что К. с 5 июня 2014 г. до 28 августа 2017 г. в качестве индивидуального предпринимателя осуществляла деятельность по розничной торговле пищевыми продуктами.

5 декабря 2016 г. обществом с выходом на место и проведением осмотра торгового павильона составлен акт о потреблении индивидуальной предпринимателем К. электрической энергии путем самовольного подключения электропровода в отсутствие договора электроснабжения. Акт составлен в присутствии свидетелей, К. от подписания акта отказалась.

Требование общества об оплате бездоговорного потребления электроэнергии, направленное ответчику письмом от 3 апреля 2017 г. с приложением счета на оплату, К. выполнено не было.

При рассмотрении этого дела в суде первой инстанции ответчик К. заявила о применении срока исковой давности, в связи с чем истцом было подано заявление о восстановлении указанного срока.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, восстановлен пропущенный срок для обращения с исковым заявлением в суд, исковые требования удовлетворены.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Статьей 195 ГК РФ установлено, что исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

Согласно п. 1 ст. 196 ГК РФ общий срок исковой давности составляет 3 года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 данного Кодекса.

В соответствии с п. 1 ст. 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

В силу ст. 205 ГК РФ в исключительных случаях, когда суд признает уважительной причину пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п.), нарушенное право гражданина подлежит защите. Причины пропуска срока исковой давности могут признаваться уважительными, если

они имели место в последние 6 месяцев срока давности, а если этот срок равен 6 месяцам или менее 6 месяцев — в течение срока давности.

Суд восстановил пропущенный обществом срок исковой давности по требованиям о взыскании стоимости бездоговорного потребления электрической энергии, признав причину его пропуска уважительной.

Вместе с тем из буквального толкования приведенных выше норм права, а также из разъяснений, изложенных в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 “О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности”, следует, что в соответствии со ст. 205 ГК РФ в исключительных случаях суд может признать уважительной причину пропуска срока исковой давности по обстоятельствам, связанным с личностью истца — физического лица, если последним заявлено такое ходатайство и им представлены необходимые доказательства. По смыслу указанной нормы, а также п. 3 ст. 23 ГК РФ срок исковой давности, пропущенный юридическим лицом и гражданином — индивидуальным предпринимателем, по требованиям, связанным с осуществлением им предпринимательской деятельности, не подлежит восстановлению независимо от причин его пропуска.

Таким образом, у суда не имелось предусмотренных законом оснований для восстановления обществу как юридическому лицу пропущенного срока исковой давности.

С учетом заявленных истцом требований и подлежащих применению норм материального права по данному делу юридически значимыми и подлежащими установлению являлись обстоятельства, связанные с исчислением срока исковой давности, определением момента его начала и истечения, однако они не вошли в предмет доказывания по делу и в нарушение положений ст.ст. 56 и 67 ГПК РФ не получили соответствующей правовой оценки со стороны суда первой инстанции, который ограничился лишь формальным указанием на наличие оснований для восстановления срока исковой давности по заявленным требованиям.

Названные нарушения норм материального и процессуального права не были устранены судами апелляционной и кассационной инстанций.

Определение № 18-КГ22-15-К4

Разрешение споров, связанных с жилищными отношениями

9. Удовлетворение исковых требований собственника жилого помещения, расположенного в многоквартирном доме, связанных с проведением работ по ремонту фасада этого дома в отсутствие решения общего собрания его собственников, противоречит жилищному законодательству.

Мировое соглашение сторон об урегулировании спора не подлежит утверждению судом, если этим соглашением нарушаются права и законные интересы третьих лиц.

Х. обратилась в суд с иском к товариществу собственников жилья (далее — ТСЖ), обществу о возложении обязанности выполнить работы по ремонту фасада многоквартирного дома, взысканию неустойки, штрафа, суммы компенсации морального вреда, мотивировав свои требования следующим. В период отопительного сезона в принадлежащем ей жилом помещении было холодно, в связи с чем она обратилась к ТСЖ с тре-

бованием установить и устранить причину утечки тепла. На направленные в адрес ТСЖ заявления о ремонте фасада здания и претензию ответы истцом не получены, ремонтные работы не выполнены. Также истец ссылалась на то, что своим бездействием ответчик нарушает ее право на благоприятные и безопасные условия проживания, а ответственность за содержание и ремонт фасада наряду с ТСЖ несет общество (ответчик), оказывающее услуги и работы по содержанию и ремонту общего имущества многоквартирного дома.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что нарушений прав Х., на которые истец указывала в исковом заявлении, не установлено, показатели колебания температуры в принадлежащем истцу жилом помещении при замере были в пределах допустимых, кроме того, ремонт фасада многоквартирного дома относится к капитальному ремонту, затрагивает интересы всех жильцов многоквартирного дома, при этом собственниками помещений в многоквартирном доме решения о проведении капитального ремонта не принималось.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Определением кассационного суда общей юрисдикции решение суда первой инстанции и апелляционное определение отменены, производство по делу прекращено в связи с заключением между Х. и ТСЖ мирового соглашения, по условиям которого ТСЖ обязуется в течение 3 месяцев со дня утверждения судом мирового соглашения выполнить следующий проектный объем работ по ремонту фасада многоквартирного дома по всей площади периметра квартиры и сдать по акту приема-передачи Х.: демонтаж фасадной плитки; демонтаж смонтированного утеплителя; монтаж утеплителя; восстановление гидроизоляции и утепление наружных откосов и балконных дверей; монтаж фасадной плитки; замена утеплителя; вывоз отходов ремонта; иные необходимые работы. ТСЖ обязуется произвести все необходимые согласования для выполнения указанных в мировом соглашении работ, в том числе с управляющей организацией. В случае нарушения ТСЖ обязательств по мировому соглашению (полное или частичное невыполнение указанного объема работ, нарушение срока выполнения работ) ТСЖ обязуется уплатить Х. неустойку за нарушение срока исполнения требований потребителя в размере 1 809 866 руб., сумму компенсации морального вреда в размере 150 000 руб. и штраф в размере 904 933 руб. Указанные денежные средства ТСЖ должно перечислить на расчетный счет Х. по реквизитам, указанным в мировом соглашении, в течение 30 рабочих дней с даты поступления требования Х. о выплате. В случае неисполнения ТСЖ обязательств по данному мировому соглашению Х. вправе обратиться в суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное взыскание с ТСЖ всех указанных в мировом соглашении сумм.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по кассационной жалобе Д., С., Л., М., А. (собственников помещений, расположенных в том же многоквартирном доме, что и квартира Х.), отменила определение кассационного суда общей юрисдикции, направив дело на новое рассмотрение в суд кассационной инстанции в связи со следующим.

Утверждая мировое соглашение, кассационный суд общей юрисдикции вопреки требованиям ч. 1 ст. 153, чч. 2 и 3 ст. 153⁸, чч. 6 и 7 ст. 153¹⁰ ГПК РФ содержание мирового соглашения на соответствие нормам жилищного законодательства и соблюдение прав и законных интересов третьих лиц (собственников помещений в многоквартирном доме) не проверил, ограничившись лишь формальным указанием на отсутствие таких нарушений и соблюдение критериев допустимости мирного урегулирования спора.

Как усматривается из материалов дела, в своем исковом заявлении Х. ставила вопрос о выполнении текущих ремонтных работ фасада жилого многоквартирного дома за счет денежных средств фонда благоустройства ТСЖ, а капитальных ремонтных работ — за счет денежных средств фонда капитального ремонта, находящихся на специальном счете.

В силу положений п. 5 ч. 1 ст. 166 ЖК РФ ремонт фасада входит в перечень услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме, оказание и (или) выполнение которых финансируются за счет средств фонда капитального ремонта, который сформирован исходя из минимального размера взноса на капитальный ремонт, установленного нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации.

Согласно пп. 1 и 4¹ ч. 2 ст. 44 ЖК РФ принятие решений о капитальном ремонте общего имущества в многоквартирном доме, об использовании фонда капитального ремонта, о текущем ремонте общего имущества в многоквартирном доме относится к компетенции общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 189 ЖК РФ проведение капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме осуществляется на основании решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Вопрос о наличии решения общего собрания собственников многоквартирного дома о проведении капитального ремонта в спорном доме судом кассационной инстанции не исследовался.

При этом удовлетворение требования собственника жилого помещения в многоквартирном доме, связанного с единоличным распоряжением общим имуществом собственников помещений такого многоквартирного дома, без получения соответствующего согласия противоречит требованиям закона.

Кроме того, утверждая мировое соглашение, содержащее обязательство ТСЖ по выполнению капитального ремонта на сумму 1 809 866 руб., а в случае его невыполнения в течение 3 месяцев — обязательство ТСЖ по выплате истцу неустойки в указанном размере, суммы компенсации морального вреда в размере 150 000 руб., а также штрафа в размере 904 933 руб., суд кассационной инстанции не учел того обстоятельства, что ТСЖ является некоммерческой организацией, средства которой состоят из обязательных платежей, вступительных и иных взносов членов товарищества (п. 2 ст. 291 ГК РФ, п. 1 ч. 2 ст. 151 ЖК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 36¹ ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежат права на денежные средства, находящиеся на

специальном счете, предназначенном для перечисления средств на проведение капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме и открытом в кредитной организации (далее — специальный счет), и сформированные за счет взносов на капитальный ремонт, пеней, уплаченных в связи с ненадлежащим исполнением обязанности по уплате таких взносов, и начисленных кредитной организацией процентов за пользование денежными средствами на специальном счете.

Как следует из п. 1¹ ч. 2 ст. 44 ЖК РФ, принятие решений о совершении операций с денежными средствами фонда капитального ремонта, находящихся на специальном счете, относится к компетенции общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме.

Однако наличие соответствующего решения собрания собственников помещений многоквартирного дома судом кассационной инстанции также не устанавливалось.

Таким образом, мировое соглашение, заключенное между Х. и ТСЖ, утверждено кассационным судом общей юрисдикции в отсутствие предусмотренных законом оснований, без проверки соответствия условий мирового соглашения требованиям закона и соблюдения прав и законных интересов других лиц.

Определение № 5-КГ21-155-К2

10. Невозможность проживания несовершеннолетнего в жилом помещении, которое было определено ему соглашением родителей и в котором он зарегистрирован в установленном порядке, не может служить основанием для признания ребенка утратившим право пользования этим жилым помещением.

В. обратился в суд с иском к С., действующей в интересах несовершеннолетней дочери У., о признании утратившей право пользования жилым помещением и снятии с регистрационного учета в спорном жилом помещении. В обоснование требования истец ссылаясь на следующее.

Ему и членам его семьи по договору социального найма было предоставлено жилое помещение на состав семьи: В., его жена, дочь и сын А.

14 октября 2017 г. А. вступил в брак с С. От брака супруги имеют несовершеннолетнего ребенка У., которая зарегистрирована в данной квартире. Брак между А. и С. расторгнут 24 сентября 2019 г. Ответчик с дочерью выехала из квартиры 6 июля 2019 г., забрав все свои вещи и мебель, после этого в спорной квартире не появлялась. Ответчик с 6 июля 2019 г. не оплачивала коммунальные услуги, не участвовала в расходах на содержание жилья. С. перестала быть членом семьи истца.

А. (отец несовершеннолетней У.) 14 февраля 2020 г. снят с регистрационного учета в спорной квартире и проживает постоянно в другом месте.

Разрешая спор и принимая решение об удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что место жительства несовершеннолетней У. было определено соглашением родителей по месту жительства отца — А., однако он добровольно выехал из жилого помещения, тем самым расторгнув договор социального найма. Поскольку право пользования жилым помещением несовершеннолетней производно от прав ее отца, оно подлежит прекращению. Мать несовершеннолетней У. — С. имеет другое место жительства; наниматель спорной квартиры и члены его семьи опекунами ребенка не являются.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Часть 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации провозглашает, что материнство и детство, а также семья находятся под защитой государства.

В силу положений ст. 3 Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Государства-участники признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка (п. 1 ст. 27 Конвенции).

Согласно п. 2 ст. 20 ГК РФ местом жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, или граждан, находящихся под опекой, признается место жительства их законных представителей — родителей, усыновителей или опекунов.

В силу ч. 2 ст. 69 ЖК РФ члены семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма имеют равные с нанимателем права и обязанности.

В соответствии с ч. 3 ст. 83 ЖК РФ в случае выезда нанимателя и членов его семьи в другое место жительства договор социального найма жилого помещения считается расторгнутым со дня выезда.

По смыслу указанных норм права несовершеннолетние дети приобретают право на жилое помещение, определяемое им в качестве места жительства соглашением родителей, форма которого законом не установлена. Заключение такого соглашения, одним из доказательств чего является регистрация ребенка в жилом помещении, выступает предпосылкой приобретения ребенком права пользования конкретным жилым помещением, возникающего независимо от факта вселения ребенка в такое жилое помещение.

Между тем при рассмотрении данного дела суды не учли, что несовершеннолетняя У. приобрела право пользования спорным жилым помещением по договору социального найма в качестве члена семьи своего отца, вселена в жилое помещение и проживала в нем; в силу возраста она не имеет возможности самостоятельно реализовать свои жилищные права. Судами не установлено, что несовершеннолетняя У. приобрела право пользования каким-либо иным жилым помещением, в связи с чем выводы о производности прав несовершеннолетней от прав их законных представителей являются ошибочными.

То обстоятельство, что отец несовершеннолетней У. — А. добровольно выехал из жилого помещения и проживает в другом месте, не влияет на право пользования несовершеннолетней У.

спорным жилым помещением, которое она с выездом из него своих родителей не утратила.

Данные обстоятельства судом при рассмотрении спора учтены не были, что привело к ошибочному выводу об утрате несовершеннолетней права пользования спорной квартирой.

Определение № 4-КГ22-3-К1

Разрешение споров, связанных с социальными отношениями

11. Денежные средства, предоставленные молодой семье (молодым специалистам) в виде социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности, не подлежат взысканию в качестве неосновательного обогащения, если эти средства были потрачены указанными лицами на ремонт и реконструкцию приобретенного жилого дома в целях приведения его в состояние, пригодное для постоянного проживания.

Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия (далее — минсельхоз республики) 26 августа 2020 г. обратилось в суд с иском к С. о взыскании денежных средств. В обоснование заявленных требований истцом указано, что С. с 2015 года являлась участником федеральной целевой программы “Устойчивое развитие сельских территорий на 2014—2017 годы и на период до 2020 года”, утвержденной постановлением Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598 “О федеральной целевой программе “Устойчивое развитие сельских территорий на 2014—2017 годы и на период до 2020 года” (далее также — федеральная целевая программа, Программа), по категории “молодой специалист”, состав семьи — 2 человека (С., супруг Р.); 19 мая 2015 г. ей было выдано свидетельство о предоставлении социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности (далее также — социальная выплата) в размере 814 851 руб. 1 и 2 июня 2015 г. социальная выплата была перечислена минсельхозом республики на банковский счет С.

По условиям названной федеральной целевой программы и Типового положения о предоставлении социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам Российской Федерации, проживающим в сельской местности, в том числе молодым семьям и молодым специалистам (приложение № 4 к федеральной целевой программе, далее также — Типовое положение), гражданин, которому предоставляется социальная выплата, вправе ее использовать на строительство жилого дома (создание объекта индивидуального жилищного строительства или пристроенного жилого помещения к имеющемуся жилому дому) в сельской местности, в том числе на завершение ранее начатого строительства жилого дома. Согласно условиям участия в Программе С. обязалась за счет социальной выплаты осуществить строительство жилого дома. Однако жилой дом был приобретен С. и Р. за счет ипотечного кредита и собственных денежных средств, а за счет социальной выплаты С. осуществила в приобретенном доме ремонт, используя тем самым социальную выплату не по целевому назначению. 28 мая 2020 г. минсельхоз республики направил в адрес С. претензию о предоставлении документов, подтверждающих строительство жилого дома, однако ответа на данную претензию от С. не последовало, документы, подтверждающие строительство дома, не предоставлены.

Полагая, что С. не исполнила условия участия в федеральной целевой программе, и ссылаясь на ст.ст. 309, 310 ГК РФ, минсельхоз республики просил суд взыскать с С. в доход республиканского бюджета денежные средства в размере 803 210 руб.

Ответчик С. и привлеченный к участию в деле в качестве третьего лица Р. в суде иск не признали.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования о взыскании с С. денежных средств, полученных в виде социальной выплаты на строительство жилого дома, суд первой инстанции сослался на ст.ст. 309, 310 ГК РФ, положения постановления Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598 “О федеральной целевой программе “Устойчивое развитие сельских территорий на 2014—2017 годы и на период до 2020 года” и указал на то, что С. средства социальной выплаты использованы не по целевому назначению: не на строительство жилого дома, под которым понимается создание объекта индивидуального жилищного строительства, а на его приобретение и ремонт, вследствие чего пришел к выводу о том, что С. не исполнила взятые на себя обязательства по федеральной целевой программе и обязана возвратить полученную ею социальную выплату на строительство (приобретение) жилья минсельхозу республики.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием, дополнительно отметив, что положения федеральной целевой программы не предусматривают использование социальной выплаты на реконструкцию и ремонт приобретенного дома, а усовершенствование приобретенного жилого дома, создание комфортных условий для проживания в доме путем его ремонта не отвечают целям предоставления социальной выплаты.

Отклоняя доводы апелляционной жалобы С. о том, что ее вины в нецелевом использовании социальной выплаты нет и что за счет этих средств были произведены реконструкция и ремонт приобретенного дома, поскольку проживание в нем было невозможно, суд апелляционной инстанции, применив к спорным отношениям положения ст.ст. 401, 1102 ГК РФ, высказал суждение о том, что С. должна была осознавать, что предоставленная социальная выплата расходует-ся ею не по целевому назначению, не в соответствии с условиями Программы. Соответствие С. и Р. условиям Программы, проживание и осуществление ими трудовой деятельности в сельской местности не освобождают С. от обязанности возвратить денежные средства социальной выплаты, использованные не по целевому назначению.

Кассационный суд общей юрисдикции состоявшиеся по делу судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ выводы судебных инстанций о нецелевом использовании С. социальной выплаты и о наличии правовых оснований для взыскания этой выплаты признала неправомерными ввиду следующего.

В силу пп. “ж”, “к” ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации социальная защита, включая социальное обеспечение, жилищное законодательство находятся в совместном ведении

Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

В ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ “О развитии сельского хозяйства” указано, что данным Законом установлены правовые основы реализации государственной социально-экономической политики в сфере развития сельского хозяйства как экономической деятельности по производству сельскохозяйственной продукции, оказанию услуг в целях обеспечения населения российскими продовольственными товарами, промышленности сельскохозяйственным сырьем и содействия устойчивому развитию территорий сельских поселений и соответствующих межселенных территорий.

К основным целям государственной аграрной политики среди прочих отнесено обеспечение устойчивого развития сельских территорий, занятости сельского населения, повышения уровня его жизни, в том числе оплаты труда работников, занятых в сельском хозяйстве (п. 2 ч. 2 ст. 5 названного Федерального закона).

В силу п. 2 ст. 2 ЖК РФ органы государственной власти и органы местного самоуправления в пределах своих полномочий обеспечивают условия для осуществления гражданами права на жилище, используют бюджетные средства и иные не запрещенные законом источники денежных средств для улучшения жилищных условий граждан, в том числе путем предоставления в установленном порядке субсидий для приобретения или строительства жилых помещений.

На момент заключения между минсельхозом республики, обществом (работодателем) и С. (получателем социальной выплаты) трехстороннего договора об обеспечении жильем молодой семьи (молодого специалиста) с использованием на эти цели социальной выплаты (19 мая 2015 г.) действовала федеральная целевая программа, утвержденная постановлением Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598¹.

Целями названной программы являлись: создание комфортных условий жизнедеятельности в сельской местности; стимулирование инвестиционной активности в агропромышленном комплексе путем создания благоприятных инфраструктурных условий в сельской местности; содействие созданию высокотехнологичных рабочих мест на селе; активизация участия граждан, проживающих в сельской местности, в реализации общественно значимых проектов; формирование позитивного отношения к сельской местности и сельскому образу жизни.

Одна из основных задач этой федеральной целевой программы — удовлетворение потребностей сельского населения, в том числе молодых семей и молодых специалистов, в благоустроенном жилье.

Как указал Конституционный Суд РФ в абз. 2 и 5 п. 3.2 Постановления от 14 января 2020 г. № 2-П “По делу о проверке конституционности абзацев первого и четвертого пункта 30 Типового положения о предоставлении социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам Российской Федерации, проживающим в сельской местности, в том числе молодым семьям и молодым специалистам (приложе-

¹ Действие федеральной целевой программы “Устойчивое развитие сельских территорий на 2014—2017 годы и на период до 2020 года” досрочно прекращено с 1 января 2018 г. в связи с изданием постановления Правительства РФ от 13 декабря 2017 г. № 1544.

ние № 4 к федеральной целевой программе “Устойчивое развитие сельских территорий на 2014—2017 годы и на период до 2020 года”, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 года № 598), в связи с жалобой гражданки М.В. Алисовой”, принципы правовой определенности и поддержания доверия к закону и действиям государства, необходимость создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, и условий для реализации права на жилище предопределяют недопустимость произвольного установления оснований для взыскания с граждан денежных средств, полученных ими в качестве социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности. Такая выплата представляет собой безвозмездную меру социальной поддержки, носящую целевой характер. Гражданам, действующим добросовестно и использующим полученную выплату по целевому назначению — для строительства (приобретения) жилья, должна быть обеспечена возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности приобретенных прав и обязанностей.

Нормы, регулирующие основания взыскания с граждан денежных средств в размере полученной ими социальной выплаты, во всяком случае не должны толковаться судами сугубо формально, без исследования и учета всех обстоятельств дела и оценки действий получателя выплаты.

Таким образом, при разрешении спора по требованию уполномоченного органа о взыскании с получателя социальной выплаты денежных средств в размере предоставленной социальной выплаты ввиду ее нецелевого использования суду следует исходить из целей и задач государственной аграрной политики, направленных на повышение уровня жизни сельского населения, включая обеспечение жильем молодых семей (молодых специалистов), проживающих и работающих в сельской местности и не имеющих достаточных собственных средств для приобретения жилья, путем предоставления им социальной выплаты на приобретение (строительство) жилья в сельской местности, а также правовой позиции Конституционного Суда РФ (п. 3.2 названного выше Постановления) о недопустимости формального подхода в делах, в которых граждан в отношениях с органами публичной власти, в данном случае в отношениях, связанных с предоставлением социальной выплаты на приобретение (строительство) жилья в сельской местности и использованием данной выплаты ее получателем в соответствии с целевым назначением этой выплаты, выступает как слабая сторона и в которых применение правовых норм без учета всех обстоятельств дела может привести к тому, что его имущественное положение будет значительно ухудшено. Ввиду этого подлежат учету обстоятельства, связанные с совершением получателем социальной выплаты действий, направленных на улучшение жилищных условий с использованием этой социальной выплаты, в том числе приобретение или создание объекта жилищного строительства (жилого дома, жилого помещения), пригодного для постоянного проживания, обеспеченного централизованными или автономными инженерными системами, отвечающего критериям, установленным постановлением Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 “Об утверждении Положения о признании помещения жи-

лым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции”.

Однако судами первой и апелляционной инстанций нормативные положения об условиях, о порядке назначения, целях и направлениях использования социальной выплаты на приобретение (строительство) жилья в сельской местности к спорным отношениям применены не были, вследствие чего юридически значимые обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения требований минсельхоза республики о взыскании с С. предоставленной ей как молодому специалисту, проживающему и работающему в сельской местности, нуждающемуся в улучшении жилищных условий, социальной выплаты на приобретение (строительство) жилья в сельской местности ввиду нецелевого расходования данной социальной выплаты, определены и установлены не были.

С учетом предмета и основания заявленных исковых требований, возражений ответчика С. и третьего лица Р. по этим требованиям и регулирующих спорные отношения норм материального права юридически значимыми, подлежащими установлению по данному делу являлись следующие обстоятельства: в каком техническом состоянии был приобретен С. и Р. за счет их собственных средств и средств ипотечного кредита спорный жилой дом; являлся ли этот жилой дом на момент его приобретения С. и Р. пригодным для проживания, был ли он обеспечен централизованными или автономными инженерными системами (электроосвещение, водоснабжение, водоотведение, отопление, а в газифицированных районах также и газоснабжение), соответствовало ли это жилое помещение критериям, приведенным в постановлении Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 “Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции”; были ли использованы приобретенные С. за счет средств социальной выплаты строительные материалы на улучшение технического состояния жилого дома в целях приведения его в состояние, пригодное для постоянного проживания.

Названные юридически значимые обстоятельства судами первой и апелляционной инстанций не устанавливались и не исследовались, они не вошли в предмет доказывания по делу и, соответственно, какой-либо правовой оценки судебных инстанций не получили.

Суждение суда апелляционной инстанции со ссылкой на положения ст. 1102 ГК РФ при отклонении довода апелляционной жалобы С. об отсутствии ее вины в нецелевом использовании социальной выплаты о том, что С. должна была осознавать нецелевой характер расхода предоставляемой ей социальной выплаты, несоответствие его условиям Программы, сделано без учета норм материального права об обязательствах вследствие неосновательного обогащения (ст.ст. 1102, 1109 ГК РФ).

Исходя из характера и предназначения предоставленной С. меры социальной поддержки — социальной выплаты на строительство (приобретение) жилья в сельской местности, эта социальная выплата по своей правовой природе может быть отнесена к денежным суммам, перечисленным в подп. 3 ст. 1109 ГК РФ и не подлежащим

возврату в качестве неосновательного обогащения при отсутствии недобросовестности со стороны гражданина или счетной ошибки, наличие которых обязана доказать сторона, требующая возврата выплаченных сумм, в данном случае — минсельхоз республики.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 15-КГ21-3-К1

12. Право на получение мер социальной поддержки, установленных для членов семей погибших (умерших) инвалидов войны, участников Великой Отечественной войны и ветеранов боевых действий, распространяется и на членов семей военнослужащих, умерших вследствие получения травмы, признанной по заключению военно-врачебной комиссии “военной травмой”.

М. 20 марта 2020 г. обратилась в суд с иском к органам социальной защиты населения о признании права на меры социальной поддержки, признании незаконным требования о возврате удостоверения о праве на льготы, признании действительным удостоверения о праве на льготы.

В обоснование исковых требований истец указала, что она является матерью военнослужащего — рядового К., проходившего военную службу по призыву и умершего 22 июня 2015 г. в период прохождения службы в войсковой части. Согласно выписке из приказа командира войсковой части от 23 июня 2015 г. смерть К. связана с исполнением обязанностей военной службы.

Заключением военно-врачебной комиссии от 13 декабря 2017 г. диагноз и причинная связь увечья, приведшего к смерти рядового К., определены в формулировке “военная травма”.

26 августа 2016 г. органом социальной защиты населения М. выдано удостоверение о праве на льготы, установленные Федеральным законом от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ “О ветеранах”.

Письмом органа социальной защиты населения от 17 января 2017 г. М. было сообщено о необоснованной выдаче ей удостоверения о праве на льготы со ссылкой на то, что меры социальной поддержки, установленные Федеральным законом “О ветеранах”, предоставляются членам семей военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей военной службы. В названном письме указано, что согласно представленным М. документам ее сын К. является умершим при исполнении обязанностей военной службы (выписка из приказа командира части, извещение военного комиссариата), а не погибшим, в связи с чем меры социальной поддержки, предусмотренные для членов семьи военнослужащих, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел и органов безопасности, погибших при исполнении обязанностей военной службы, в соответствии со ст. 21 Федерального закона “О ветеранах”, М. не положены, ей предложено вернуть выданное ранее удостоверение.

По мнению М., требование органа социальной защиты населения о возврате удостоверения о праве на льготы, установленные Федеральным законом “О ветеранах”, является неправомерным, поскольку юридическим фактом, с которым данный Закон связывает право родителей военнослужащего на льготы, предусмотренные этим Законом, является смерть военнослужащего при выполнении им обязанностей военной службы (служебных обязанностей). Смерть ее

сына К. связана с исполнением обязанностей военной службы, что подтверждено выпиской из приказа командира войсковой части от 23 июня 2015 г. и заключением военно-врачебной комиссии от 13 декабря 2017 г.

По приведенным основаниям М. просила суд признать за ней с 26 августа 2016 г. право на меры социальной поддержки, установленные ст.ст. 21, 23¹ Федерального закона “О ветеранах”; признать незаконным требование органа социальной защиты населения от 17 января 2017 г. о возврате удостоверения о праве на льготы; признать действительным выданное ей удостоверение о праве на льготы.

Разрешая спор и отказывая М. в удовлетворении исковых требований о признании за ней права на меры социальной поддержки, признании незаконным требования о возврате удостоверения о праве на льготы, признании действительным выданного удостоверения о праве на льготы, суд первой инстанции сослался на нормы Федерального закона “О ветеранах”, Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ “О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат”, Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ “О воинской обязанности и военной службе” и исходил из того, что юридическим фактом, с которым Федеральный закон “О ветеранах” связывает право родителей погибшего военнослужащего на льготы, предусмотренные в ст. 21, является гибель военнослужащего при выполнении им обязанностей военной службы, при этом погибшим при исполнении обязанностей военной службы военнослужащим является лицо, смерть которого наступила сразу в результате увечья (ранения, травмы, контузии) либо которое умерло от его последствий спустя некоторое время.

Суд первой инстанции полагал, что меры социальной поддержки, установленные для членов семей погибших (умерших) инвалидов войны, участников Великой Отечественной войны и ветеранов боевых действий, не распространяются на членов семей тех военнослужащих, которые умерли в результате увечья при прохождении солдатом военной службы, в связи с чем пришел к выводу об отсутствии оснований для предоставления М. мер социальной поддержки, установленных Федеральным законом “О ветеранах”.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, дополнительно высказав суждение об отсутствии причинно-следственной связи смерти К. в результате увечья с исполнением им служебных обязанностей.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав в том числе следующее.

Федеральным законом “О ветеранах” установлены правовые гарантии социальной защиты ветеранов в Российской Федерации, в том числе определен круг лиц, на которых распространяются меры социальной поддержки, предусмотренные названным Законом.

Согласно п. 1 ст. 21 указанного Закона меры социальной поддержки, установленные для семей погибших (умерших) инвалидов войны, участников Великой Отечественной войны, ветера-

нов боевых действий, предоставляются нетрудоспособным членам семьи погибшего (умершего), состоявшим на его иждивении и получающим пенсию по случаю потери кормильца (имеющим право на ее получение) в соответствии с пенсионным законодательством Российской Федерации.

В подп. 1 п. 2 ст. 21 Федерального закона “О ветеранах” определено, что независимо от состояния трудоспособности, нахождения на иждивении, получения пенсии или заработной платы меры социальной поддержки предоставляются родителям погибшего (умершего) инвалида войны, участника Великой Отечественной войны и ветерана боевых действий.

В соответствии с п. 3 ст. 21 Закона (в редакции, действовавшей на дату обращения М. в орган социальной защиты — 26 августа 2016 г.) меры социальной поддержки, установленные для членов семей погибших (умерших) инвалидов боевых действий, распространяются на членов семей военнослужащих, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, Государственной противопожарной службы, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и органов государственной безопасности, погибших при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей). Указанные меры социальной поддержки предоставляются членам семей военнослужащих, погибших в плену, признанных в установленном порядке пропавшими без вести в районах боевых действий, со времени исключения этих военнослужащих из списков воинских частей.

В п. 1 ст. 37 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” закреплён перечень случаев, когда военнослужащий признаётся исполняющим обязанности военной службы. Так, на основании подп. “б”, “д”, “е” п. 1 ст. 37 данного Федерального закона военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы в следующих случаях: исполнение должностных обязанностей; выполнение приказа или распоряжения, отданных командиром (начальником); нахождение на территории воинской части в течение установленного распорядком дня служебного времени или в другое время, если это вызвано служебной необходимостью.

Из приведенных нормативных положений следует, что Федеральный закон “О ветеранах”, устанавливая правовые гарантии социальной защиты ветеранов в Российской Федерации, определяет как перечень мер социальной поддержки, так и круг лиц, на которых распространяются такие меры социальной поддержки, а также условия их предоставления. К числу этих лиц названный Закон относит членов семей военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей военной службы.

Пунктом 3 ст. 21 Федерального закона “О ветеранах” предусмотрено, что на членов семей военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей), распространяются меры социальной поддержки, установленные для членов семей погибших (умерших) инвалидов боевых действий.

Вместе с тем положения п. 3 ст. 21 Федерального закона “О ветеранах” могут быть применены к членам семей военнослужащих, умерших при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей), с учетом того, что в других федеральных законах, регулирующих социальное обеспечение военнослужащих и членов их семей, понятия “погибший” и “умерший”

применяются как равнозначные. Такой подход согласуется с правовой позицией Конституционного Суда РФ о правовых гарантиях государства по предоставлению мер социальной поддержки членам семей военнослужащих, погибших (умерших) при исполнении обязанностей военной службы (Постановления Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 22-П, от 19 июля 2016 г. № 16-П, от 25 февраля 2019 г. № 12-П).

Иное правоприменение положений п. 3 ст. 21 Федерального закона “О ветеранах” приведет к нарушению конституционного принципа равенства граждан перед законом, гарантированного ст. 19 Конституции Российской Федерации, установлению различий в правах членов семей военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей военной службы, и членов семей военнослужащих, умерших при исполнении обязанностей военной службы, поставив последних в худшее правовое положение, лишив их социальной поддержки со стороны государства, предусмотренной для них в рамках публично-правового механизма возмещения вреда, причиненного гибелью (смертью) военнослужащего, наступившей при исполнении им обязанностей военной службы (служебных обязанностей), и имеющей цель создать условия, обеспечивающие членам семей погибших (умерших) военнослужащих достойную жизнь.

Изложенные нормы материального права судами первой и апелляционной инстанций истолкованы неправильно, вследствие чего вывод судов о том, что меры социальной поддержки, установленные ст. 21 Федерального закона “О ветеранах”, не распространяются на М., со ссылкой исключительно на обстоятельства смерти ее сына К., нельзя признать соответствующим нормативному содержанию п. 3 указанной статьи. Судами первой и апелляционной инстанций в результате неправильного применения норм права не принято во внимание, что в приказе командира войсковой части, где проходил службу К., указано на связь его смерти с исполнением обязанностей военной службы, заключением военно-врачебной комиссии причинная связь увечья (травмы) К., приведшего к его смерти, определена в формулировке “военная травма”. Данные обстоятельства имеют правовое значение для предоставления М. мер социальной поддержки на основании названной нормы Закона.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала неправомерным и суждение суда апелляционной инстанции об отсутствии причинной связи смерти К. с исполнением им служебных обязанностей, поскольку оно сделано без учета нормативных предписаний Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденном постановлением Правительства РФ от 4 июля 2013 г. № 565, в частности подп. “г” п. 3 этого Положения, о том, что установление причинной связи полученного военнослужащим увечья или иного повреждения здоровья, в том числе приведшего к его смерти, с формулировкой “военная травма”, т.е. при исполнении служебных обязанностей, относится к компетенции военно-врачебной комиссии.

Такое заключение военно-врачебной комиссии, определившей причинную связь полученного К. увечья, приведшего к его смерти, с исполнением им служебных обязанностей в формулировке “военная травма”, в материалах дела имеется. Законность этого заключения военно-врачебной комиссии от 13 декабря 2017 г. в установленном

порядке не оспорена, недействительным оно не признано, равно как не признан незаконным приказ командира войсковой части от 23 июня 2015 г. об исключении военнослужащего К. из списков личного состава войсковой части с указанием на то, что смерть К. связана с исполнением обязанностей военной службы. Следовательно, имеет место подтвержденный в установленном порядке факт наступления смерти военнослужащего К. при исполнении им служебных обязанностей по причине военной травмы.

Вопреки приведенной норме материального права о компетенции военно-врачебной комиссии по установлению причинной связи полученного военнослужащим увечья, приведшего к его смерти, с исполнением им служебных обязанностей суд апелляционной инстанции решил вопрос об отсутствии причинной связи смерти К. с исполнением им служебных обязанностей, не приняв во внимание заключение военно-врачебной комиссии от 13 декабря 2017 г. об установлении причинной связи полученного К. увечья, приведшего к его смерти, с исполнением им служебных обязанностей в формулировке “военная травма”.

Ссылка судов первой и апелляционной инстанций в обоснование своих выводов на нормы Федерального закона “О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат” ошибочна. Предметом исковых требований М. являлось признание за ней права на получение мер социальной поддержки на основании норм Федерального закона “О ветеранах”, а не права на получение выплат в соответствии с Федеральным законом от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ.

Ввиду изложенного вывод судебных инстанций об отсутствии у М. права на предоставление ей мер социальной поддержки, предусмотренных ст. 21 Федерального закона “О ветеранах”, нельзя признать соответствующим закону.

Определение № 56-КГ21-20-К9

Процессуальные вопросы

13. При предоставлении отсрочки или рассрочки исполнения решения суда по заявлению гражданина-должника следует исходить из необходимости обеспечения соблюдения двух основополагающих положений — конституционного принципа исполнимости судебных решений и установления пределов возможного взыскания, не затрагивающего основное содержание прав должника, с тем чтобы сохранить гражданину-должнику необходимый уровень существования.

Решением суда от 25 июня 2019 г., вступившим в законную силу, с С. в пользу министерства здравоохранения Краснодарского края взысканы единовременная компенсационная выплата в размере 512 600 руб. (за невыполнение работником обязанности отработать после обучения, проводимого за счет средств работодателя, не менее 5 лет) и пеня за просрочку возврата денежных средств за период с 6 мая по 25 июня 2019 г. в размере 6407 руб.

10 декабря 2019 г. С. обратилась в суд с заявлением о рассрочке исполнения решения суда от 25 июня 2019 г. на 3 года равными платежами. В качестве обстоятельств, которые затрудняют для нее исполнение решения суда, С. в заявлении указала тяжелое имущественное положение в связи с тем, что на ее иждивении находится несовершеннолетняя дочь, имеющая заболевание, на лечение которого требуются значительные материальные затраты. В собственности С. недвижи-

мого имущества нет. Она ежемесячно несет расходы, связанные с наймом жилого помещения, в размере 13 000 руб., расходы на охрану имущества в этой квартире составляют 1050 руб., расходы на оплату кредита — 10 475 руб. (банком 15 февраля 2019 г. на основании кредитного договора С. был предоставлен потребительский кредит на сумму 416 088 руб. на 60 месяцев), а также она производит выплаты в пользу Н. по 5741 руб. в порядке исполнения определений суда от 16 мая 2016 г. и от 11 мая 2017 г. о взыскании с С. в пользу Н. суммы задолженности по договору займа в размере 200 000 руб.

С. ссылалась на то, что работает в центральной районной больнице в должности врача-хирурга, средний размер ее заработной платы составляет 36 130 руб. в месяц и после всех необходимых ежемесячных выплат ей с дочерью на жизнь остается 5863 руб.

Определением суда от 9 января 2020 г. С. предоставлена рассрочка исполнения решения суда от 25 июня 2019 г. сроком на 3 года, т.е. до 9 января 2023 г. включительно. На С. возложена обязанность уплачивать министерству здравоохранения субъекта Российской Федерации по 14 400 руб. ежемесячно до полного погашения долга.

Удовлетворяя заявление С. о предоставлении ей рассрочки исполнения решения суда от 25 июня 2019 г. на 3 года равными платежами, суд первой инстанции исходил из того, что С. от исполнения данного судебного акта не уклоняется, однако совокупность представленных ею доказательств свидетельствует о наличии исключительных обстоятельств, препятствующих исполнению ею решения суда единовременно.

Суд апелляционной инстанции, рассматривая дело по частной жалобе заместителя министра здравоохранения Краснодарского края, не согласился с выводами суда первой инстанции, отменил определение суда от 9 января 2020 г. и отказал в удовлетворении заявления С. о предоставлении рассрочки исполнения решения суда от 25 июня 2019 г.

Суд апелляционной инстанции сослался на положения ст.ст. 203, 434 ГПК РФ, на разъяснения, содержащиеся в абз. 3 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13 “О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции”, и сделал вывод об отсутствии оснований для предоставления С. рассрочки исполнения решения суда от 25 июня 2019 г., указав, что это приведет к ущемлению прав министерства здравоохранения Краснодарского края на исполнение судебного постановления.

Кроме того, суд апелляционной инстанции отметил, что судом первой инстанции не было принято во внимание наличие имущества у должника С., от реализации которого у нее будет достаточно денежных средств для исполнения решения суда от 25 июня 2019 г.

Судья кассационного суда общей юрисдикции, оставляя без изменения судебное постановление суда апелляционной инстанции, пришел к выводу о том, что судом апелляционной инстанции не допущено нарушений норм права, и дополнительно привел довод, что в силу положений ст. 111 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве” требования министерства здравоохранения Краснодарского края о возврате бюджетных средств

приоритетны относительно требований иных кредиторов.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод, исполнение судебного решения, в том числе вынесенного в пользу кредитора в случае нарушения должником гражданско-правового обязательства перед ним, следует рассматривать как элемент судебной защиты, что требует от государства в лице законодателя принятия необходимых мер по обеспечению его реализации.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт или акт иного уполномоченного органа своевременно не исполняется; избирая в рамках конституционной дискреции тот или иной механизм исполнительного производства, федеральный законодатель во всяком случае должен осуществлять непротиворечивое регулирование отношений в этой сфере, создавать для них стабильную правовую основу и не вправе ставить под сомнение конституционный принцип исполнимости судебного решения (Постановления Конституционного Суда РФ от 30 июля 2001 г. № 13-П, от 15 января 2002 г. № 1-П, от 14 мая 2003 г. № 8-П и от 14 июля 2005 г. № 8-П). Вместе с тем, обеспечивая возможность удовлетворения интересов и защиты имущественных прав управомоченного в силу гражданско-правового обязательства лица (кредитора, взыскателя), законодатель должен исходить из направленности политики Российской Федерации как социального государства на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, а также из конституционных основ правового статуса личности, в частности требований ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, в том числе права лица обязанного (должника), с тем чтобы не умалялось достоинство личности и не нарушались социально-экономические права граждан (ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 21 Конституции Российской Федерации; ст. 25 Всеобщей декларации прав человека) (абз. 2, 3 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 17 января 2012 г. № 14-О-О).

Необходимость обеспечения баланса интересов кредитора и гражданина-должника требует защиты прав последнего путем не только соблюдения минимальных стандартов правовой защиты, отражающих применение мер исключительно правового принуждения к исполнению должником своих обязательств, но и сохранения для него и лиц, находящихся на его иждивении, необходимого уровня существования, с тем чтобы не оставить их за пределами социальной жизни (абз. 4 п. 5¹ Постановления Конституционного Суда РФ от 12 июля 2007 г. № 10-П).

Согласно ч. 2 ст. 13 ГПК РФ вступившие в законную силу судебные постановления, а также законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и обращения судов являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного само-

управления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

В силу ст. 434 ГПК РФ при наличии обстоятельств, затрудняющих исполнение судебного постановления или постановлений иных органов, взыскатель, должник, судебный пристав-исполнитель вправе поставить перед судом, рассмотревшим дело, или перед судом по месту исполнения судебного постановления вопрос об отсрочке или о рассрочке исполнения, об изменении способа и порядка исполнения, а также об индексации присужденных денежных сумм. Такие заявления сторон и представление судебного пристава-исполнителя рассматриваются в порядке, предусмотренном ст.ст. 203 и 208 данного Кодекса.

В соответствии со ст. 203 ГПК РФ суд, рассмотревший дело, по заявлениям лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя, исходя из имущественного положения сторон или других обстоятельств вправе отсрочить или рассрочить исполнение решения суда, изменить способ и порядок его исполнения.

В определении суда должны быть указаны мотивы, по которым суд пришел к своим выводам, и ссылка на законы, которыми суд руководствовался (п. 5 ч. 1 ст. 225 ГПК РФ).

Как разъяснено в абз. 1, 2 и 3 п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 “О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства”, по смыслу положений ст. 37 Федерального закона “Об исполнительном производстве”, ст. 434 ГПК РФ, ст. 358 КАС РФ и ст. 324 АПК РФ основаниями для предоставления отсрочки или рассрочки исполнения исполнительного документа могут являться неустраняемые на момент обращения в суд обстоятельства, препятствующие исполнению должником исполнительного документа в установленный срок. Вопрос о наличии таких оснований решается судом в каждом конкретном случае с учетом всех имеющих значение фактических обстоятельств, к которым, в частности, могут относиться тяжелое имущественное положение должника, причины, существенно затрудняющие исполнение, возможность исполнения решения суда по истечении срока отсрочки. При предоставлении отсрочки или рассрочки судам необходимо обеспечивать баланс прав и законных интересов взыскателей и должников таким образом, чтобы такой порядок исполнения решения суда отвечал требованиям справедливости, соразмерности и не затрагивал существа гарантированных прав лиц, участвующих в исполнительном производстве, в том числе права взыскателя на исполнение судебного акта в разумный срок.

В абз. 3 п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции” разъяснено, что при рассмотрении заявлений лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя об отсрочке или о рассрочке исполнения решения суда с учетом необходимости своевременного и полного исполнения решения суда в каждом случае следует тщательно оценивать доказательства, представленные в обоснование просьбы об отсрочке (рассрочке), и материалы исполнительного произ-

водства, если исполнительный документ был предъявлен к исполнению.

Из приведенных нормативных положений, правовой позиции Конституционного Суда РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ следует, что по заявлению лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя суд вправе решить вопрос о рассрочке или об отсрочке исполнения решения суда при наличии установленных законом оснований и исходя из совокупности представленных сторонами доказательств с учетом принципов равноправия и состязательности сторон, а также принципа справедливости судебного разбирательства. Основанием для рассрочки или отсрочки исполнения решения суда являются неустранимые на момент обращения в суд обстоятельства, которые носят исключительный характер, свидетельствуют о невозможности или крайней затруднительности исполнения решения суда. К числу указанных обстоятельств может быть отнесено, в частности, тяжелое имущественное положение должника. Суд при рассмотрении заявлений лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя о рассрочке или об отсрочке исполнения решения суда в каждом конкретном случае должен установить наличие или отсутствие таких обстоятельств, препятствующих исполнению должником исполнительного документа в установленный срок. При этом суду необходимо обеспечить соблюдение двух основополагающих положений — конституционного принципа исполнимости судебных решений и установления пределов возможного взыскания, не затрагивающего основное содержание прав должника, с тем чтобы сохранить гражданину-должнику необходимый уровень существования. В целях установления баланса интересов сторон (должника и взыскателя) суд обязан оценить все представленные должником доводы о необходимости предоставления рассрочки или отсрочки исполнения решения суда, возражения взыскателя относительно такой рассрочки или отсрочки по своему внутреннему убеждению (ст. 67 ГПК РФ), основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном их исследовании, и исчерпывающим образом мотивировать свои выводы по данному вопросу в определении суда.

Таким образом, вопрос о предоставлении рассрочки или отсрочки исполнения решения суда разрешается судом не произвольно, а с учетом необходимости обеспечения баланса прав и законных интересов взыскателей и должников, соблюдения требований справедливости и соразмерности.

Суд первой инстанции, рассматривая заявление С. о предоставлении рассрочки исполнения решения суда от 25 июня 2019 г., установил наличие обстоятельств, препятствующих исполнению ею судебного постановления в предусмотренный законом срок. Оценив доводы С. и представленные в подтверждение указанных ею обстоятельств доказательства, суд первой инстанции удовлетворил заявление С. и предоставил ей рассрочку исполнения решения суда на 3 года равными платежами. Вывод суда первой инстанции был основан на непосредственно исследованных доказательствах, представленных сторонами и имеющихся в материалах дела.

Суд апелляционной инстанции, не установив каких-либо новых обстоятельств, не исследовав новых доказательств, без учета правовой позиции Конституционного Суда РФ и разъяснений Пле-

нума Верховного Суда РФ о необходимости обеспечения баланса прав и законных интересов взыскателей и должников при разрешении вопроса о предоставлении рассрочки исполнения решения суда и о сохранении для гражданина-должника (С. с ее несовершеннолетней дочерью) необходимого уровня существования сделал прямо противоположный вывод об отсутствии оснований для предоставления С. рассрочки исполнения решения суда от 25 июня 2019 г., сославшись лишь на то, что это приведет к ущемлению прав министерства здравоохранения Краснодарского края на исполнение судебного постановления.

В нарушение требований ч. 4 ст. 67, ч. 1 ст. 327, п. 5 ч. 2 ст. 329 ГПК РФ суд апелляционной инстанции не привел в апелляционном определении доказательства, на основании которых пришел к таким выводам, а также мотивы, по которым отклонил доказательства, положенные судом первой инстанции в основу вывода о наличии у С. обстоятельств, препятствующих исполнению названного решения суда в установленный срок.

Суждение суда апелляционной инстанции о наличии у С. имущества, от реализации которого у нее будет достаточно денежных средств для исполнения решения суда от 25 июня 2019 г., Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала не отвечающим требованиям п. 5 ч. 2 ст. 329 ГПК РФ. В апелляционном определении суда апелляционной инстанции не приведены доказательства, свидетельствующие о наличии у С. какого-либо имущества. Между тем в материалах дела таких доказательств не имеется, С. же в подтверждение отсутствия у нее недвижимого имущества представила в материалы дела выписку из Единого государственного реестра недвижимости, выданную ей 29 ноября 2019 г. органом кадастрового учета.

При таких обстоятельствах у суда апелляционной инстанции не имелось предусмотренных ст.ст. 333, 330 ГПК РФ оснований для отмены определения суда первой инстанции об удовлетворении заявления С. о предоставлении ей рассрочки исполнения решения суда от 25 июня 2019 г. и разрешения вопроса по существу — отказа в удовлетворении данного заявления.

Судья кассационного суда общей юрисдикции, проверяя по кассационной жалобе С. законность и обоснованность апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные им нарушения норм процессуального права не выявил и не устранил, тем самым не выполнил требования ст. 379⁶ и чч. 1—3 ст. 379⁷ ГПК РФ. Указание в определении судьи кассационного суда общей юрисдикции на приоритетность требований министерства здравоохранения Краснодарского края о возврате бюджетных средств относительно требований других кредиторов со ссылкой на положения ст. 111 Федерального закона “Об исполнительном производстве”, регулирующие очередность удовлетворения требований взыскателей, является несостоятельным.

Частью 1 ст. 111 названного Федерального закона предусмотрено, что в случае, когда взысканная с должника денежная сумма недостаточна для удовлетворения в полном объеме требований, содержащихся в исполнительных документах, указанная сумма распределяется между взыскателями, предъявившими на день распределения соответствующей денежной суммы исполнительные документы, в частности, в третью очередь удовлетворяются требования по обяза-

тельным платежам в бюджет и во внебюджетные фонды.

Однако единовременная компенсационная выплата, взысканная по решению суда от 25 июня 2019 г. с С. в пользу министерства здравоохранения Краснодарского края, к обязательным платежам, уплачиваемым в бюджет и во внебюджетные фонды, не относится, что не было принято во внимание судьей кассационного суда общей юрисдикции.

Определение № 18-КГ21-138-К4

14. Правом на обжалование решения суда, на основании которого возбуждено дело о банкротстве должника, обладают также взыскатели в исполнительном производстве, права которых на исполнение судебного акта не могут быть реализованы вследствие возбуждения арбитражным судом дела о банкротстве должника.

Б. 22 июня 2020 г. обратился в суд с апелляционной жалобой на решение суда от 3 октября 2019 г. по делу по иску К. к М. и обществу о взыскании денежных средств, ссылаясь на то, что он не участвовал в рассмотрении данного дела, однако вступившим в силу решением суда о взыскании денежных средств с общества нарушены его права как кредитора и взыскателя, поскольку на основании данного решения арбитражным судом принято заявление К. о признании общества несостоятельным (банкротом) и вынесено определение о приостановлении торгов по реализации имущества должника в исполнительном производстве.

Определением суда от 3 августа 2020 г., оставленным без изменения апелляционным определением, Б. восстановлен срок на подачу апелляционной жалобы.

В апелляционной жалобе на решение суда первой инстанции Б. ссылался на то, что стороны являются аффилированными лицами, договор займа — безденежным, а договор поручительства — подложным. По мнению Б., иск К. предъявлен в целях получения решения суда, на основании которого можно возбудить дело о банкротстве и предотвратить реализацию имущества должника в исполнительном производстве.

Определением судьи от 13 октября 2020 г. в удовлетворении ходатайства Б. о приостановлении исполнения обжалуемого решения суда отказано.

Оставляя без рассмотрения апелляционную жалобу Б., суд апелляционной инстанции указал, что права заявителя оспариваемым решением суда не нарушены, вопрос о его правах и обязанностях судом не разрешался, ни М., ни общество не признаны несостоятельными (банкротами), в отношении их не открыто конкурсное производство, требования заявителя не включены в реестр требований кредиторов. Кроме того, суд апелляционной инстанции сослался на то, что до признания должника несостоятельным (банкротом) предполагается, что его имущества достаточно для удовлетворения всех требований кредиторов в рамках всех исполнительных производств.

Кассационный суд общей юрисдикции апелляционное определение оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, дело направила на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

Согласно ч. 4 ст. 13 ГПК РФ обязательность судебных постановлений не лишает права заинтересованных лиц, не участвовавших в деле, обратиться в суд, если принятым судебным поста-

новлением нарушаются их права и законные интересы.

В соответствии с ч. 3 ст. 320 данного Кодекса апелляционную жалобу вправе подать также лица, которые не были привлечены к участию в деле и вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешен судом.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции”, в силу ч. 4 ст. 13 и ч. 3 ст. 320 ГПК РФ лица, не привлеченные к участию в деле, вне зависимости от того, указаны ли они в мотивировочной или резолютивной части судебного постановления, вправе обжаловать в апелляционном порядке решение суда первой инстанции, которым разрешен вопрос об их правах и обязанностях.

По смыслу положений Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” заявление о признании должника несостоятельным (банкротом) может быть обосновано вступившим в силу решением суда, которым установлены основание и размер требований кредитора к должнику (п. 2 ст. 39, абз. 1 п. 3 ст. 40, пп. 6, 7 и 8 ст. 42, п. 1 ст. 63).

С момента принятия заявления арбитражным судом могут быть приняты меры по обеспечению заявления, а с момента признания его обоснованным и введения наблюдения приостанавливается исполнение исполнительных документов по имущественным взысканиям.

Судебный акт о взыскании задолженности предоставляет заявителю возможность в упрощенном порядке (с точки зрения процесса доказывания) добиться возбуждения в арбитражном суде дела о банкротстве, принятия мер обеспечения заявления и введения процедур, применяемых к должнику в деле о банкротстве.

Согласно п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 “О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве” если конкурсные кредиторы полагают, что их права и законные интересы нарушены судебным актом, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование (в частности, если они считают, что оно является необоснованным по причине недостоверности доказательств либо ничтожности сделки), то на этом основании они, а также арбитражный управляющий вправе обжаловать в общем установленном процессуальным законодательством порядке указанный судебный акт, при этом в случае пропуска ими срока на его обжалование суд вправе его восстановить с учетом того, когда подавшее жалобу лицо узнало или должно было узнать о нарушении его прав и законных интересов.

В п. 21 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г., также разъяснено, что с момента принятия судом требования кредитора к рассмотрению он вправе возражать против требований других кредиторов должника (в том числе обжаловать судебный акт, на котором основано заявленное ими требование в деле о банкротстве).

Судебный акт о взыскании задолженности, с одной стороны, предоставляет возможность кредитору в упрощенном порядке (с точки зрения

процесса доказывания) добиться включения в реестр требований кредиторов должника-банкрота, а в случаях, когда истец выступает заявителем по делу о банкротстве, дает ему также право на предложение кандидатуры арбитражного управляющего. С другой стороны, этот судебный акт объективно противопоставляется имущественным правам и интересам иных кредиторов, не участвовавших в рассмотрении дела, так как включение требований в реестр уменьшает долю удовлетворения их требований.

Вместе с тем из данных разъяснений не следует, что возможность обжалования судебного акта, на котором основано заявление о признании должника несостоятельным (банкротом), предоставляется только указанным выше лицам и ограничивается только указанными случаями и что у лиц, не участвующих в деле о банкротстве, но чьи права нарушены в результате возбуждения этого дела, в сходной, по существу, ситуации отсутствует право обжаловать судебный акт, на основании которого возбуждено дело о банкротстве.

Таким образом, принятие арбитражным судом заявления К. и принятие по нему мер обеспечения, основанных на обжалуемом судебном решении, повлекли для Б. как взыскателя в исполнительном производстве невозможность исполнения судебного акта в рамках возбужденного ранее исполнительного производства.

Так, вынесенное в его пользу решение суда не исполняется в течение более полутора лет по причине принятия арбитражным судом заявления К. о банкротстве должника, а сам заявитель, не являвшийся лицом, участвующим в деле о банкротстве, был лишен возможности обжаловать акты арбитражного суда.

При этом арбитражный суд в рамках дела о банкротстве не вправе проверять и пересматривать вступившее в силу решение суда общей юрисдикции, на котором основано заявление о признании должника банкротом.

Вступление заявителя в дело о банкротстве является его правом, но не обязанностью, и влечет для него дополнительные обременения как по времени, так и по судебным расходам.

Кроме того, последующее вступление в дело о банкротстве и обжалование решения суда в этом статусе повлечет для заявителя необходимость нового обращения в суд первой инстанции с заявлением о восстановлении срока апелляционной обжалования и подачу новой апелляционной жалобы, в то время как апелляционная жалоба им уже подана, срок на ее подачу восстановлен судом первой инстанции, а судом апелляционной инстанции восстановление срока признано правильным.

Это судебными инстанциями учтено не было.

Определение № 5-КГ21-140-К2

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения гражданского законодательства

15. Требование о признании отсутствующим права собственности на объект незавершенного строительства (фундамент) не подлежит удовлетворению, если объект фактически достроен и введен в эксплуатацию.

На основании утвержденного акта о выборе земельного участка управление и общество заключили договор аренды земельного участка

сроком на 3 года в целях строительства торгового-сервисного комплекса.

Получив разрешение на строительство и возведя объекты незавершенного строительства (фундаменты, степень готовности 10%), общество зарегистрировало на них право собственности. По окончании срока действия договора аренды земельного участка управление предоставило обществу этот же участок для завершения строительства указанных объектов.

Впоследствии, установив, что на спорном участке расположено 5 бетонных площадок, и посчитав, что принадлежащие обществу на праве собственности объекты незавершенного строительства не соответствуют признакам недвижимого имущества, управление обратилось в арбитражный суд с иском о признании отсутствующим права собственности на названные объекты.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении иска отказано.

Постановлением арбитражного суда округа судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Арбитражный суд первой инстанции при новом рассмотрении в удовлетворении иска отказал исходя из того, что спорные объекты обладают признаками недвижимости, обществом выполнены работы по возведению не только фундаментов, но и торгового-сервисного комплекса.

Постановлением арбитражного апелляционного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение отменено, по делу принят новый судебный акт об удовлетворении иска. При этом суды исходили из следующего.

На дату осмотра управлением земельного участка работы на спорных объектах по завершению фундаментов не были закончены, спорные объекты не отвечали признакам объекта недвижимости. Последующее завершение работ, по мнению судов, не имело правового значения, так как предметом спора являлось оспаривание зарегистрированного права на объекты незавершенного строительства по состоянию на момент государственной регистрации права на них.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций, решение суда первой инстанции оставила в силе, указав следующее.

Согласно п. 1 ст. 130 ГК РФ и разъяснениям, содержащимся в п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, к недвижимым вещам относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, т.е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства.

По смыслу ст. 131 ГК РФ закон в целях обеспечения стабильности гражданского оборота устанавливает необходимость государственной регистрации права собственности и других вещных прав на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение. При этом по общему правилу государственная регистрация права на вещь не является обяза-

тельным условием для признания ее объектом недвижимости (п. 1 ст. 130 ГК РФ).

При разрешении вопроса о признании правомерно строящегося объекта недвижимой вещью (объектом незавершенного строительства) необходимо установить, что на нем, по крайней мере, полностью завершены работы по сооружению фундамента или аналогичные им работы (п. 1 ст. 130 ГК РФ). Замощение земельного участка, не отвечающее признакам сооружения, является его частью и не может быть признано самостоятельной недвижимой вещью (п. 1 ст. 133 ГК РФ).

При рассмотрении дела суд первой инстанции назначил как первоначальную, так и дополнительную строительно-технические экспертизы. Исследовав и оценив заключения экспертов, суд первой инстанции признал их надлежащими доказательствами и указал, что на момент регистрации права объекты незавершенного строительства являются фундаментами объектов торгового-сервисного комплекса, работы по сооружению фундамента или аналогичные им работы в соответствии с проектной документацией завершены полностью. Данный вывод суда первой инстанции суд апелляционной инстанции не опроверг.

Кроме того, на момент рассмотрения спора обществом получено разрешение на ввод торгового-сервисного комплекса в эксплуатацию (ч. 1 ст. 55 Градостроительного кодекса РФ). Разрешение на ввод объекта в эксплуатацию удостоверяет также и возведение фундамента недвижимого объекта в полном объеме в соответствии с проектной документацией (чч. 2 и 12 ст. 48 Градостроительного кодекса РФ, постановление Правительства РФ от 16 февраля 2008 г. № 87 “О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию”).

Определение № 309-ЭС21-17228

16. Клиент вправе требовать от экспедитора полного возмещения упущенной выгоды в связи с утратой, недостачей или повреждением (порчей) груза, произошедшими по вине экспедитора. Соглашение об уменьшении размера упущенной выгоды ничтожно.

Для доставки товара общество (грузоотправитель) заключило с компанией (экспедитором) договор транспортной экспедиции. В процессе перевозки груз компанией утрачен.

Общество направило компании претензию, в которой потребовало возместить стоимость утраченного груза, уплаченного вознаграждения, а также возместить упущенную выгоду.

Неисполнение компанией требования послужило основанием для обращения общества в арбитражный суд с иском.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда, иск удовлетворен частично (за исключением вознаграждения экспедитора). Содержащееся в договоре ограничение ответственности экспедитора в части возмещения упущенной выгоды не более размера уплаченного экспедитору вознаграждения признано не соответствующим ст. 11 Федерального закона от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ “О транспортно-экспедиционной деятельности” (далее — Закон о ТЭД).

Постановлением арбитражного суда округа указанные судебные акты изменены в части определения размера упущенной выгоды исходя из того, что, поскольку в п. 4 ст. 7 Закона о ТЭД не установлен какой-либо определенный размер возмещаемой упущенной выгоды, не имеется и

оснований для применения к спорным отношениям п. 2 ст. 11 Закона о ТЭД, устанавливающего ничтожность соглашения сторон об уменьшении размеров ответственности, установленной названным Законом.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение арбитражного суда первой инстанции и постановление арбитражного апелляционного суда, указав следующее.

Суды нижестоящих инстанций разошлись в оценке допустимости ограничения по соглашению сторон размера убытков (в виде упущенной выгоды), которые экспедитор, принявший груз к перевозке, обязан возместить клиенту в связи с утратой, недостачей или повреждением (порчей) груза, произошедшими по вине экспедитора.

В силу ст.ст. 15, 393 ГК РФ лицо, право которого нарушено, вправе требовать от лица, нарушившего право, полного возмещения убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

Это означает, что норма, в которой отсутствует указание на размер подлежащих возмещению убытков, должна быть истолкована как предусматривающая их полное возмещение.

Из п. 4 ст. 7 Закона о ТЭД, устанавливающего обязанность экспедитора возместить клиенту упущенную выгоду в связи с утратой, недостачей или повреждением (порчей) груза, произошедшими по вине экспедитора, следует, что упущенная выгода в этих случаях подлежит возмещению в полном объеме. При этом в п. 2 ст. 11 названного Закона содержится явно выраженный запрет сторонам договариваться об устранении имущественной ответственности экспедитора или уменьшении ее размеров, установленных этим Законом, а соответствующее соглашение признается ничтожным.

Таким образом, обязанность экспедитора возместить упущенную выгоду в полном объеме установлена императивной нормой п. 4 ст. 7 Закона о ТЭД, и в силу п. 4 ст. 421 ГК РФ стороны не вправе по своему усмотрению ограничить размер упущенной выгоды. Содержащаяся в п. 1 ст. 15 ГК РФ возможность уменьшения размера подлежащих возмещению убытков неприменима к убыткам, предусмотренным п. 4 ст. 7 Закона о ТЭД.

Толкование нормы п. 4 ст. 7 Закона о ТЭД как не устанавливающей какой-либо определенной размер подлежащей возмещению упущенной выгоды и в силу этого не подпадающей под запрет ее уменьшения, предусмотренный п. 2 ст. 11 того же Закона, является ошибочным. Следовательно, у арбитражного суда округа, согласившегося с этим толкованием, не было оснований для изменения судебных актов первой и апелляционной инстанций и взыскания с компании упущенной выгоды в сумме уплаченного обществом вознаграждения экспедитору.

Определение № 304-ЭС21-25713

17. Условие договора, предусматривающее исключительную неустойку и ограничивающее ответственность должника, само по себе не является недействительным.

Компания (поставщик) и общество (покупатель) заключили договор, по условиям которого поставщик обязался передать товар в собственность покупателя, а последний — его принять и оплатить.

По условиям договора покупатель обязался приобретать товар ежемесячно на протяжении года, в случае нарушения покупателем условия о приобретении товара в установленном гарантийном объеме поставщик вправе взыскать с покупателя штраф в размере 10% от стоимости не приобретенного покупателем объема товара в каждом квартале поставки. Сторонами согласовано, что установленный штраф является исключительной неустойкой, и сторона, которой причинены убытки в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения другой стороной обязательства по договору, не вправе требовать их возмещения.

Ссылаясь на то, что общество нарушило обязательства по договору и не приобрело в марте и апреле товар в предусмотренном объеме, в связи с чем часть предназначавшегося для общества товара была поставлена поставщиком другому покупателю по более низкой цене, компания обратилась в арбитражный суд с иском о взыскании с общества штрафа и убытков по договору поставки.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и постановлением арбитражного суда округа, первоначальные иски были удовлетворены частично: судом взысканы штраф, размер которого уменьшен, и убытки.

Признавая обоснованной предъявленную ко взысканию сумму убытков, суд указал, что условие договора об исключительной неустойке при установленных фактических обстоятельствах в системной взаимосвязи с положениями п. 4 ст. 401 ГК РФ не освобождает покупателя от ответственности в виде взыскания убытков при подтвержденном факте умышленного нарушения им своих обязательств.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Согласно п. 4 ст. 421 ГК РФ по общему правилу стороны обязательства вправе по своему усмотрению ограничить ответственность должника.

В силу п. 1 ст. 394 ГК РФ исключительная неустойка, в отличие от зачетной, штрафной и альтернативной, полностью исключает возмещение убытков, в таком случае кредитор может взыскать с должника только неустойку.

Условие договора, предусматривающее исключительную неустойку и ограничивающее ответственность должника, само по себе не является недействительным. Чтобы признать такое условие ничтожным и не подлежащим применению, судам следует прежде всего установить, не нарушает ли оно положения закона, которым запрещается ограничивать ответственность.

В соответствии с п. 4 ст. 401 ГК РФ заключенное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства ничтожно.

Как разъяснено в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”, заключенное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности не освобождает от ответственности за умышленное нарушение обязательства (п. 4 ст. 401 ГК РФ). Отсутствие

умысла доказывается лицом, нарушившим обязательство (пп. 1 и 2 ст. 401 ГК РФ). Например, в обоснование отсутствия умысла должником, ответственность которого устранена или ограничена соглашением сторон, могут быть представлены доказательства того, что им проявлена хотя бы минимальная степень заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства.

Однако суды, отклоняя доводы общества об ограничении его ответственности положениями договора, не дали оценки поведению и взаимоотношениям сторон (их переписке и намерению исполнить обязательство) в целях установления наличия или отсутствия умысла должника. Суды также не исследовали доводы общества о том, что компания, заключая замещающую сделку, действовала неразумно и недобросовестно, способствовала увеличению убытков, реализовав товар по цене ниже, чем предложило общество.

В случае квалификации судами условия договора об исключительной неустойке как формы ограничения ответственности за умышленное нарушение обязательств такое условие признается ничтожным и применению не подлежит, а по общему правилу восстанавливается право на полное возмещение убытков, которое в силу закона имеет любое лицо, право которого нарушено (п. 1 ст. 15 ГК РФ).

При этом не могут быть включены в состав убытков расходы, хотя и понесенные потерпевшим в результате правонарушения, но компенсируемые ему в полном объеме за счет иных источников. В противном случае создавались бы основания для неоднократного получения потерпевшим одних и тех же сумм возмещения и, соответственно, извлечения им имущественной выгоды, что противоречит целям гражданско-правовой ответственности.

Определение № 305-ЭС21-24306

Практика применения земельного и природоохранного законодательства

18. Если арендатор публичного земельного участка использует часть площади принадлежащего ему и расположенного на этом участке объекта недвижимости для осуществления вспомогательного вида деятельности (при условии соблюдения ограничения по площади, установленного соответствующим нормативным правовым актом), такая деятельность не свидетельствует об использовании участка не по целевому назначению и не влечет необходимости пересчета кадастровой стоимости земельного участка и арендной платы за него.

Обществу на праве собственности принадлежит здание и сооружения, составляющие комплекс по производству железобетонных изделий. Земельный участок под названными объектами находится в государственной собственности, передан обществу в аренду. Арендная плата определяется исходя из утвержденных уполномоченным органом ставок и кадастровой стоимости, удельный показатель которой зависит от вида разрешенного использования участка.

Общество рассчитывало и вносило арендную плату исходя из удельного показателя кадастровой стоимости и ставки, установленных для земельных участков, предназначенных для размещения производственных и административных зданий, строений, сооружений промышленной. Впоследствии общество передало в аренду банку одно из помещений в здании. Арендодатель (департамент), сочтя, что такая передача привела к изменению фактического использова-

ния всего земельного участка, обратился к арендатору с требованием доплатить разницу между предполагаемой арендной платой с учетом фактического использования (офисные здания делового и коммерческого назначения) и внесенной платой за спорный участок исходя из удельного показателя кадастровой стоимости, установленного для офисных зданий делового и коммерческого назначения.

Поскольку общество указанную сумму не оплатило, департамент обратился в арбитражный суд с иском о взыскании неосновательного обогащения и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и арбитражного суда округа, иск удовлетворен. Суды исходили из того, что передача обществом помещения в аренду привела к использованию части арендованного земельного участка с нарушением условий договора аренды и правового режима всего земельного участка. Кроме того, суды указали, что в силу п. 2.7 постановления Правительства Москвы от 25 апреля 2006 г. № 273-ПП "О совершенствовании порядка установления ставок арендной платы за землю в городе Москве" расчет платы за пользование участком с более чем одним видом разрешенного использования подлежит определению за весь участок на основании максимального значения кадастровой стоимости.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Системное толкование положений подп. 5 п. 1 ст. 1, п. 2 ст. 7 ЗК РФ и ст. 2, ч. 6 ст. 30, чч. 1, 4 ст. 37 Градостроительного кодекса РФ позволяет сделать вывод о том, что правовой режим земельных участков и объектов капитального строительства, составляющей которого является разрешенное использование, определяется прежде всего нормативными актами публичного законодательства (в частности, правилами землепользования и застройки, в составе которых утверждены градостроительные регламенты), и именно неисполнение указанных актов свидетельствует о нарушении правового режима использования земельного участка и объекта капитального строительства.

Собственник объекта капитального строительства, как и собственник земельного участка, не ограничен в выборе предусмотренных основных и вспомогательных видов использования принадлежащего ему объекта без дополнительных разрешений и согласований. Указание в договоре аренды публичного земельного участка, заключенном собственником здания в целях его эксплуатации, на назначение этого здания не может ограничивать собственника здания как в выборе иного основного вида использования, так и в осуществлении вспомогательного по отношению к основному в рамках утвержденных градостроительным регламентом видов. В этом случае такое использование не может рассматриваться как нарушение правового режима объекта капитального строительства и, соответственно, земельного участка, занятого этим объектом.

При этом вспомогательный вид может быть выбран только дополнительно к основному, установление вспомогательного вида вместо основного не предусмотрено (п. 3 ч. 1 ст. 37 Градостроительного кодекса РФ, п. 5 Обзора практики

рассмотрения судами дел, связанных с изменением вида разрешенного использования земельного участка, утвержденным Президиумом Верховного Суда РФ 14 ноября 2018 г.).

При решении вопроса о нарушении собственником зданий, оформившим занятый ими земельный участок на праве аренды, правового режима такого участка необходимо установить, противоречит ли осуществляемый вид деятельности и способ использования зданий их целевому назначению и видам разрешенного использования, закрепленным в нормативных актах. Арендатор, использующий участок по основному виду разрешенного использования, вправе осуществлять в принадлежащих ему объектах капитального строительства на таком участке вспомогательный вид деятельности, предусмотренный градостроительным регламентом для данной территориальной зоны. Площадь объектов, переданных для этой деятельности исходя из нормативных актов г. Москвы, должна составлять не более 25% площади всех капитальных объектов. В таком случае отсутствуют основания для вывода об использовании участка не по целевому назначению или о несоответствии фактического вида использования целям предоставления участка и необходимости перерасчета кадастровой стоимости земельного участка и арендной платы за него.

Определение № 305-ЭС21-19336

19. Письмо уполномоченного органа, направленное причинителю вреда и содержащее предложение о добровольном возмещении вреда, не может выступать предметом самостоятельного судебного оспаривания.

Лицо обратилось в суд с заявлением об оспаривании письма уполномоченного органа, в котором ему предлагалось добровольно возместить вред, причиненный окружающей среде, в размере, рассчитанном на основании утвержденной в установленном порядке методики, и в котором указывалось на последующее обращение органа в суд в случае, если вред не будет возмещен к определенному сроку.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, производство по делу прекращено по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 78 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ "Об охране окружающей среды" компенсация вреда окружающей среде, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, осуществляется добровольно либо по решению суда или арбитражного суда, принятому по результатам рассмотрения дела в порядке искового производства.

Единственным правовым последствием невыполнения лицом предложения органа о добровольном возмещении вреда, причиненного окружающей среде, в размере, исчисленном на основании соответствующей методики, является последующая реализация органом, направившим такое письмо, права на обращение в суд.

Таким образом, письмо уполномоченного органа с предложением возместить вред окружающей среде, направленное причинителю вреда для его добровольной компенсации, не является в данном случае актом, имеющим правовые последствия, так как не нарушает прав и интересов причинителя вреда, поэтому не может выступать предметом самостоятельного судебного оспаривания. Возражения относительно наличия основа-

ний для возмещения вреда и правильности определения его размера могут быть заявлены причинителем вреда при рассмотрении дела о взыскании вреда судом в случае подачи такого иска уполномоченным органом.

Практика применения законодательства о государственных закупках

20. По смыслу чч. 2 и 3 ст. 3² Федерального закона “О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц” обязанность заказчика дать разъяснения положений документации о закупке возникает только при своевременном поступлении запроса участника закупки.

Общество обратилось в антимонопольный орган с жалобой на действия предприятия, которое, по мнению общества, установило слишком короткий срок для обращения участников запроса котировок за разъяснением конкурсной документации.

Антимонопольный орган установил, что срок подачи заявок на разъяснение конкурсной документации составляет 4 полных рабочих дня (с 28 октября по 5 ноября 2020 г.), запрос общества поступил 1 ноября 2020 г.

На основании чч. 2 и 3 ст. 3² Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ “О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц” (далее — Закон № 223-ФЗ) антимонопольный орган пришел к выводу, что для изучения закупочной документации и направления запроса о разъяснении ее положений предприятие предоставило участникам закупки 2 полных рабочих дня, что противоречит п. 5 ст. 10 ГК РФ.

Антимонопольный орган в своем решении по жалобе признал, что действия предприятия, выразившиеся в отказе разъяснить запрос, нарушают ч. 3 ст. 3² Закона № 223-ФЗ, а также противоречат принципу информационной открытости, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 3 Закона № 223-ФЗ, и вынес предписание, которым возложил на предприятие обязанность вернуться на стадию подачи заявок и продлить срок подачи заявок в соответствии с Законом № 223-ФЗ.

Предприятие обратилось в арбитражный суд с требованием о признании решения и предписания антимонопольного органа незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и удовлетворила требования предприятия, указав следующее.

Законом № 223-ФЗ в чч. 2 и 3 ст. 3² предусмотрено, что любой участник конкурентной закупки вправе направить заказчику в порядке, предусмотренном законом и положением о закупке, запрос о даче разъяснений положений извещения об осуществлении закупки и (или) документации о закупке. В течение 3 рабочих дней с даты поступления запроса заказчик осуществляет разъяснение положений документации о конкурентной закупке и размещает их в единой информационной системе с указанием предмета запроса, но без указания участника такой закупки, от которого поступил запрос. При этом заказчик вправе не осуществлять разъяснение положений документации о конкурентной закупке в случае, если соответствующий запрос участника поступил позднее чем за 3 рабочих дня до даты оконча-

ния срока подачи заявок на участие в такой закупке.

Приведенное законоположение содержит условие действия нормы, при соблюдении которого участником закупки у заказчика возникает обязанность разместить в единой информационной системе соответствующие разъяснения. Напротив, если такое условие не соблюдается, у заказчика не возникает названная выше обязанность, неисполнение которой не является нарушением закона.

Запрос общества направлен заказчику 1 ноября 2020 г. (воскресенье), дата окончания срока подачи заявок на участие в закупке 5 ноября 2020 г., на период между указанными датами приходится 2 рабочих дня — 2 и 3 ноября 2020 г., так как 4 ноября 2020 г. является нерабочим праздничным днем согласно ч. 1 ст. 112 ТК РФ.

Следовательно, запрос поступил позднее чем за 3 рабочих дня до даты окончания срока подачи заявок на участие в такой закупке.

По смыслу чч. 2 и 3 ст. 3² Закона № 223-ФЗ обязанность заказчика дать соответствующие разъяснения возникает только при своевременном поступлении запроса участника закупки.

Возложение на заказчика обязанности осуществить разъяснение положений извещения о закупке и (или) документации о закупке при несоблюдении участником закупки отмеченного условия является незаконным.

При этом предусмотренное ч. 3 ст. 3² Закона № 223-ФЗ право заказчика не осуществлять разъяснение в рассматриваемом случае не может быть квалифицировано в качестве нарушения принципа информационной открытости закупки.

Антимонопольным органом и судами установлено, что извещение о проведении запроса котировок в электронной форме опубликовано заказчиком в единой информационной системе в сфере закупок 28 октября 2020 г., срок подачи заявок определен с 28 октября по 5 ноября 2020 г. и составляет 4 полных рабочих дня.

В силу п. 4 ч. 3 ст. 3⁴ Закона № 223-ФЗ заказчик при осуществлении конкурентной закупки с участием субъектов малого и среднего предпринимательства размещает в единой информационной системе извещение о проведении запроса котировок в электронной форме не менее чем за 4 рабочих дня до дня истечения срока подачи заявок на участие в таком запросе котировок.

Данные требования заказчиком также соблюдены, поэтому оснований для вывода, что срок, фактически отведенный участникам запроса котировок на получение разъяснений, является слишком коротким и недостаточным, чтобы изучить положения конкурсной документации и подготовить запрос, у антимонопольного органа и судов не имелось.

Определение № 309-ЭС21-23588

21. Судебный пристав-исполнитель вправе взыскать с исполнителя государственного оборонного заказа денежные средства в доход Российской Федерации, находящиеся на специальных (отдельных) счетах.

Минобороны России обратилось в арбитражный суд с заявлением к обществу о расторжении государственного контракта и взыскании суммы неотработанного аванса, которое было удовлетворено.

В дальнейшем в рамках исполнительного производства судебным приставом-исполнителем вынесено постановление об обращении взыскания на денежные средства общества, находя-

щиеся на расчетных счетах в банке или иной кредитной организации.

Общество, полагая, что указанное постановление противоречит положениям Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ “О государственном оборонном заказе” (далее — Закон № 275-ФЗ), поскольку взыскание обращено на денежные средства, находящиеся на специальных (отдельных) счетах, открытых в рамках исполнения государственных оборонных заказов, обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления судебного пристава-исполнителя незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, заявление общества удовлетворено.

Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ указанные судебные акты отменены, в удовлетворении заявленных требований отказано по следующим основаниям.

В силу положений пп. 2, 3, 4, 11 ст. 161 БК РФ финансовое обеспечение деятельности Минобороны России осуществляется за счет средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации и на основании бюджетной сметы, у заявителя имеются лицевые счета в органах Федерального казначейства.

Кроме того, Минобороны России согласно приложению № 3 к приказу Минфина России от 8 июня 2020 г. № 99н присвоен код главного администратора доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Соответственно, Минобороны России, являясь компетентным органом в области обороны, наделено статусом государственного заказчика государственного оборонного заказа, следовательно, при реализации соответствующих полномочий оно исполняет возложенные на него бюджетные обязательства, а именно использует направленные ему бюджетные средства для достижения целей в области обороны, установленных в соответствующем нормативном акте о бюджете.

Таким образом, взыскание Минобороны России денежных средств с исполнителя государственного оборонного заказа, который не выполнил возложенные на него соответствующим контрактом обязательства, фактически является взысканием в доход Российской Федерации, поскольку такие денежные средства имеют конкретное целевое назначение, определенное нормативным актом о федеральном бюджете и актом Правительства РФ, а также не могут быть использованы Минобороны России для обеспечения иных потребностей в сфере своей деятельности.

Законом № 275-ФЗ предусмотрены определенные механизмы для минимизации рисков, связанных с возможным неисполнением контракта, срывом работ, нецелевым использованием бюджетных средств и т.п. в такой значимой для государства и общества сфере, которой является оборона.

Один из таких механизмов — открытие специального отдельного счета для бюджетных средств государства, направляемых на реализацию государственного оборонного заказа, и установление особого правового режима такого счета.

В соответствии с п. 9 ст. 84 Закона № 275-ФЗ по отдельному счету не допускается исполнение исполнительных документов, за исключением исполнительных документов, предусматривающих: а) перечисление (выдачу) денежных средств для удовлетворения требований о возмещении

вреда, причиненного жизни и здоровью; б) перечисление (выдачу) денежных средств для расчетов по выплате выходных пособий лицам, работающим или работавшим по трудовому договору (контракту), и (или) по оплате их труда; в) взыскание денежных средств в доход Российской Федерации.

Установление указанных особенностей призвано обеспечить эффективное функционирование механизма государственного оборонного заказа, в связи с чем одним из исключений из запрета на исполнение документов по данному счету является взыскание денежных средств в доход государства. Данный механизм гарантирует возврат в доход государства неиспользованных денежных средств, выделенных изначально на реализацию государственного оборонного заказа.

Следовательно, действия судебного пристава-исполнителя, направленные на обеспечение фактического исполнения исполнительного документа и возврат денежных средств в доход государства, соответствуют подп. “в” п. 9 ст. 84 Закона № 275-ФЗ, а вывод судов, в соответствии с которым оспариваемое постановление судебного пристава-исполнителя вынесено без учета положений Закона № 275-ФЗ, является ошибочным.

Определение № 306-ЭС21-19341

Процессуальные вопросы

22. При взыскании расходов на оплату услуг представителя как убытков, понесенных лицом при незаконном привлечении к административной ответственности, суд вправе уменьшить их размер в разумных пределах.

Решением суда общей юрисдикции постановление о привлечении общества к административной ответственности по ч. 6 ст. 12.31¹ КоАП РФ отменено в связи с прекращением производства по делу об административном правонарушении ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых вынесено постановление.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском о возмещении убытков административным органом, вынесшим постановление, в связи с понесенными расходами на оплату услуг представителя в результате незаконного привлечения к административной ответственности.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила указанные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

Как следует из п. 1 ст. 15 ГК РФ, лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

Пункт 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 “О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях” содержит разъяснение, в соответствии с которым расходы на оплату труда адвоката или иного лица, участвовавшего в производстве по делу в качестве защитника, не отнесены к издержкам по делу об административном правонарушении. Поскольку в случае отказа в привлечении лица к административной ответственности либо удовлетворения его жалобы

на постановление о привлечении к административной ответственности этому лицу причиняется вред в связи с расходами на оплату труда лица, оказывавшего юридическую помощь, эти расходы на основании ст.ст. 15, 1069, 1070 ГК РФ могут быть взысканы в пользу этого лица за счет средств соответствующей казны (казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации).

Суду, разрешающему вопрос о возмещении расходов, понесенных лицом при обжаловании признанного впоследствии незаконным постановления о привлечении его к ответственности, следует исходить из правовой природы таких расходов, из правомерности требований заявителя при оспаривании постановления вне зависимости от наличия или отсутствия вины административного органа в споре и от того, каким органом (административным или судом) пересматривалось вынесенное в отношении заявителя постановление.

Поскольку вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции постановление было отменено, а общество является стороной, в пользу которой вынесено решение суда, оно имеет возможность добиваться возмещения причиненных ему убытков в самостоятельном процессе, если для этого имеются основания, предусмотренные ст. 15 ГК РФ.

Так как общество в результате незаконного привлечения к административной ответственности понесло расходы на оплату услуг представителя в рамках заключенного договора об оказании юридических услуг, оно может требовать взыскания данных расходов как убытков в суде. При этом, решая вопрос о возмещении убытков, согласно разъяснениям, данным в п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ "О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях", суд по аналогии закона (пп. 1 и 2 ст. 6 ГК РФ, чч. 1 и 2 ст. 110 АПК РФ) может определить разумные пределы для их возмещения.

Определение № 305-ЭС21-22671

23. Суд апелляционной инстанции не вправе выходить за пределы рассмотрения апелляционной жалобы, ухудшая положение лица по сравнению с тем, которого оно добилось в суде первой инстанции.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным постановления о привлечении его к административной ответственности, предусмотренной ч. 4 ст. 14.32 КоАП РФ, за заключение недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения.

Решением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены частично, штраф, назначенный антимонопольным органом, снижен.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, решение суда первой инстанции изменено, размер штрафа, назначенный судом первой инстанции, увеличен.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции в связи со следующим.

Согласно ч. 5 ст. 268 АПК РФ арбитражный суд апелляционной инстанции осуществляет проверку судебного акта в пределах, определяемых апелляционной жалобой.

Соответственно, при указанных обстоятельствах суд апелляционной инстанции должен был проверить судебный акт только в обжалуемой части и при отсутствии жалобы административного органа или потерпевшего по делу об административном правонарушении по собственной инициативе не вправе был изменять решение суда первой инстанции, ухудшая положение лица, обратившегося с апелляционной жалобой.

Между тем суд апелляционной инстанции, проверяя решение суда первой инстанции в части назначения наказания в виде административного штрафа без учетаотягчающего ответственность обстоятельства, вышел за пределы рассмотрения апелляционной жалобы общества, превысив свои полномочия, предусмотренные Арбитражным процессуальным кодексом РФ, ухудшив его положение по сравнению с тем, которого оно добилось в суде первой инстанции. При этом антимонопольный орган с апелляционной жалобой на решение суда первой инстанции не обращался.

Суд кассационной инстанции указанную ошибку не исправил, что послужило причиной отмены постановлений судов апелляционной и кассационной инстанций.

Определение № 309-ЭС21-16461

24. Требование об индексации в порядке, предусмотренном ст. 183 АПК РФ, присужденных денежных сумм и требование о выплате процентов в соответствии со ст. 395 ГК РФ представляют собой 2 возможных способа возмещения финансовых потерь.

Вступившим в законную силу решением суда с компании в пользу общества взыскана задолженность по договору хранения, а также расходы по уплате государственной пошлины.

Заявитель обратился в суд с требованием об индексации присужденных денежных сумм в порядке ст. 183 АПК РФ.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями арбитражного апелляционного суда и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления об индексации присужденных денежных сумм отказано. Суды руководствовались ч. 1 ст. 183 АПК РФ, действовавшей в редакции до внесения в нее изменений Федеральным законом от 11 июня 2022 г. № 177-ФЗ "О внесении изменения в статью 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации", в соответствии с которой арбитражный суд первой инстанции, рассмотревший дело, производит по заявлению взыскателя индексацию присужденных судом денежных сумм на день исполнения решения суда в случаях и в размерах, которые предусмотрены федеральным законом или договором.

Как указали суды, соглашение между сторонами об индексации присужденных денежных сумм или соответствующий федеральный закон в данном случае отсутствуют.

Кроме того, судами отмечено, что в случае ненадлежащего исполнения должником судебного решения, возлагающего на него обязанность по выполнению денежного обязательства, взыскатель с целью компенсации вызванных действиями должника финансовых потерь вправе использовать меры судебной защиты путем обращения с иском о взыскании с должника в соответствии со ст. 395 ГК РФ процентов за пользование чужими денежными средствами, начисленными на сумму неисполненного обязательства.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные су-

дебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 22 июля 2021 г. № 40-П “По делу о проверке конституционности статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Республики Татарстан и жалобой гражданина В.В. Сторублевцева” ч. 1 ст. 183 АПК РФ признана не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она — при отсутствии в системе действующего правового регулирования механизма индексации взысканных судом денежных сумм — не содержит критериев, в соответствии с которыми должна осуществляться предусмотренная ею индексация.

При этом Конституционным Судом РФ указано, что до внесения в действующее правовое регулирование изменений арбитражным судам в целях реализации ч. 1 ст. 183 АПК РФ, когда условия и размер индексации присужденных денежных сумм не установлены федеральным законом, признаваемым судом как основание для проведения такой индексации, или договором, надлежит использовать в качестве критерия осуществления предусмотренной ею индексации официальную статистическую информацию об индексе потребительских цен (тарифов) на товары и услуги в Российской Федерации, которая размещается в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на официальном сайте федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по формированию официальной статистической информации о социальных, экономических, демографических, экологических и других общественных процессах в Российской Федерации.

Согласно ч. 5 ст. 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ “О Конституционном Суде Российской Федерации” с момента вступления в силу постановления Конституционного Суда РФ, которым нормативный акт или отдельные его положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного акта или отдельных его положений не допускаются.

Таким образом, начиная с даты вступления в силу Постановления Конституционного Суда РФ от 22 июля 2021 г. № 40-П при разрешении вопроса об индексации присужденных денежных сумм арбитражные суды, в том числе при рассмотрении судебных актов судами апелляционной и кассационной инстанций, не вправе отказывать в индексации по основаниям, связанным с тем, что договором или федеральным законом не предусмотрен ее механизм, поскольку в указанной части ст. 183 АПК РФ вошла в противоречие с предписаниями Конституции Российской Федерации и не подлежит применению.

Как следует из материалов дела, рассмотрение судом округа кассационной жалобы заявителя по вопросу об индексации присужденных денежных сумм происходило после вступления в силу Постановления Конституционного Суда РФ от 22 июля 2021 г. № 40-П. Однако данное Постановление не было учтено арбитражным судом округа, что привело к необоснованному оставлению в силе судебных актов судов первой и апелляционной инстанций, которые отказали в удовлетворении заявления об индексации, применив неконституционные положения закона.

Нельзя согласиться с мнением судов о том, что наличие у заявителя права требовать уплаты процентов, предусмотренных ст. 395 ГК РФ, путем предъявления отдельного иска может выступать самостоятельным основанием для отказа в индексации присужденных денежных сумм.

По своей правовой природе индексация присужденных денежных сумм представляет собой упрощенный порядок возмещения взыскателю финансовых потерь, вызванных несвоевременным исполнением должником решения суда, когда взысканные суммы обесцениваются в результате экономических явлений. При этом индексация не является мерой гражданско-правовой ответственности должника за ненадлежащее исполнение денежного обязательства, а представляет собой правовой механизм, позволяющий возместить потери взыскателя от длительного неисполнения судебного решения в условиях инфляционных процессов.

При этом исходя из того, что арбитражное процессуальное законодательство не регулирует отношения по возмещению убытков одной из сторон материально-правового спора, установление в ч. 1 ст. 183 АПК РФ упрощенного порядка возмещения финансовых потерь при длительной невыплате присужденных судом денежных средств служит лишь дополнительной гарантией, направленной на обеспечение защиты прав взыскателя, и не препятствует возможности возмещения таких финансовых потерь по правилам, предусмотренным нормами материального права, в частности путем предъявления самостоятельного требования о применении способа защиты от убытков из-за инфляции в зависимости от вида спорного правоотношения на основании п. 2 ст. 317, ст.ст. 393, 394 и 395 ГК РФ.

Требования об индексации присужденных денежных сумм и о выплате процентов в соответствии со ст. 395 ГК РФ представляют собой 2 возможных способа возмещения потерь, из которых индексация присужденных денежных сумм в отличие от выплаты процентов по правилам ст. 395 ГК РФ направлена на возмещение потерь, вызванных непосредственно неисполнением судебного акта, и отказ в применении одного из указанных способов по мотивам, связанным с наличием как таковой возможности для заявителя прибегнуть к другому способу возмещения потерь, неправомерен.

Поскольку в данном случае заявитель обратился именно за индексацией присужденных денежных сумм, его требование подлежало рассмотрению по существу по правилам, установленным ст. 183 АПК РФ, т.е. в рамках ранее рассмотренного дела без необходимости предъявления иного самостоятельного иска.

Определение № 305-ЭС21-24614

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

25. Характер действий лица, который поджег квартиру, что повлекло смерть потерпевшей, свидетельствует о прямом умысле осужденного на убийство.

По приговору Кемеровского областного суда с участием присяжных заседателей от 18 августа 2020 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) Ф. осужден по пп. “д”, “е” ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “д”, “е” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Исходя из установленных обвинительным вердиктом фактических обстоятельств уголовного дела, суд квалифицировал действия Ф. как убийство М., совершенное с особой жестокостью, общественно опасным способом, покушение на убийство Е., совершенное с особой жестокостью, общественно опасным способом.

В кассационной жалобе и дополнениях к ней осужденный Ф. ставил вопрос об отмене судебных решений и о возвращении уголовного дела прокурору, указав при этом на то, что органы предварительного следствия неправильно сформулировали предъявленное ему обвинение, неверно квалифицировали его действия в том числе ввиду отсутствия прямого умысла на убийство потерпевшей М.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения, а кассационную жалобу — без удовлетворения по следующим основаниям.

Доводы осужденного Ф. о необходимости квалификации его действий, совершенных в отношении М., как покушение на убийство противоречат фактическим обстоятельствам уголовного дела. Как следует из вердикта, М. скончалась на следующий день после случившегося в ожоговом отделении МБУЗ «ГКБ № 2» г. Кемерово от термического ожога головы, туловища, верхних и нижних конечностей 3 степени площадью около 60% тела, что повлекло развитие ожогового шока.

Данные повреждения возникли в результате того, что осужденный облил пол в квартире бензином и горюче-смазочным материалом и поджег газозоодушную смесь (смесь паров бензина с воздухом), что повлекло воспламенение тела М. от открытого огня. Данные обстоятельства свидетельствуют о прямом умысле Ф. на убийство. При указанных выше обстоятельствах воспламенилось тело Е., которая находилась рядом с М. Она получила термический ожог головы, туловища, верхних и нижних конечностей 3АБ—4 степени площадью 62% тела. Смерть Е. не наступила по той причине, что она была эвакуирована из квартиры сотрудниками противопожарной службы, после чего ей своевременно была оказана медицинская помощь. Суд правильно квалифицировал действия виновного лица, совершенные в отношении Е., как покушение на убийство.

Определение № 81-УД21-23СП-А5

Процессуальные вопросы

26. При решении вопроса о взыскании процессуальных издержек с нескольких осужденных суду следует руководствоваться положениями ч. 7 ст. 132 УПК РФ. Солидарный порядок взыскания процессуальных издержек с осужденных законом не предусмотрен.

По приговору Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 1 марта 2021 г., постановленному с участием присяжных заседателей, С. и Л. осуждены (с учетом внесенных судом апелляционной инстанцией изменений) по пп. «а», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. По делу разрешены гражданские иски и постановлено взыскать процессуальные издержки.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 21 октября 2021 г. приговор и апелляционное определение в части взыскания с С. и Л. в солидарном порядке в доход федерального бюджета процессуальных издержек в размере 262 159 руб. отменила и дело в этой части направила на новое судебное разбирательство в по-

рядке, предусмотренном ст.ст. 397, 399 УПК РФ, по следующим основаниям.

Суд первой инстанции пришел к выводу, что процессуальные издержки связаны с возмещением потерпевшей А. расходов на выплату вознаграждения ее представителю, а также с оплатой расходов на явку в судебное заседание потерпевших М. и Т.

Однако при принятии решения о взыскании с осужденных процессуальных издержек в солидарном порядке не учтены положения ч. 7 ст. 132 УПК РФ, согласно которым суд, признавая виновными по уголовному делу нескольких подсудимых, определяет, в каком размере процессуальные издержки должны быть взысканы с каждого из них. При этом принимаются во внимание характер вины, степень ответственности за преступление и имущественное положение осужденного.

Исходя из изложенных обстоятельств, постановленные по делу в указанной части судебные решения не могут быть признаны законными и обоснованными.

Определение № 74-УД21-8СП-А5

27. В соответствии с положениями ч. 3 ст. 389²⁸ УПК РФ апелляционное определение (постановление) должно содержать краткое изложение доводов лица, подавшего жалобу, а также возражений других лиц, участвовавших в заседании суда апелляционной инстанции, и мотивы принятого по жалобе судебного решения.

По приговору Московского городского суда от 15 октября 2020 г. И. признан виновным и осужден по п. «ж» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 222 УК РФ за умышленное причинение смерти другому человеку группой лиц, а также за незаконные хранение и ношение огнестрельного оружия и боеприпасов.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 12 апреля 2021 г. приговор в отношении И. оставлен без изменения.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов осужденного И. выражал несогласие с обжалуемыми судебными решениями, считая их незаконными и необоснованными, постановленными с нарушениями требований уголовно-процессуального закона, повлиявшими на исход дела, а квалификацию действий осужденного И. — неправильной.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе адвоката, отменила апелляционное определение, указав следующее.

Согласно пп. 6, 7 ч. 3 ст. 389²⁸ УПК РФ в апелляционных определениях, постановлениях указываются, в частности, краткое изложение доводов лица, подавшего апелляционные жалобу или представление, а также возражений других лиц, участвовавших в заседании суда апелляционной инстанции, и мотивы принятого решения.

В апелляционной жалобе адвокат утверждал о допущенном судом в приговоре нарушении требований ст. 307 УПК РФ. В частности, он ссылаясь на неполное описание в приговоре содержания видеозаписи с камер видеонаблюдения ресторана относительно имевшегося у потерпевшего оружия, как не соответствующего исследованному в суде протоколу осмотра видеозаписи и просмотренной в судебном заседании видеозаписи, на которой видно, что потерпевший Г. во время конфликта демонстрирует огнестрельное ору-

жие, осуществляет его перезарядку; пистолет через несколько минут после убийства Г. забирает неустановленное лицо.

Как следует из приговора, свидетели, которые наблюдали за столом конфликтную ситуацию, видели в руках Г. и М. предметы, похожие на пистолеты.

Оценивая эти показания, суд пришел к выводу, что наличие в ходе этого конфликта у погибшего Г. какого-либо огнестрельного оружия ничем объективно не подтверждено, поскольку из просмотренной в ходе судебного заседания видеозаписи рассматриваемых событий (с камеры наблюдения ресторана), с учетом ее качества, однозначно сделать такой вывод не представляется возможным.

В суде апелляционной инстанции, как следует из протокола судебного заседания, жалоба защитника рассмотрена без исследования доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции.

При этом согласно апелляционному определению суд первой инстанции установил, что погибший Г. во время конфликта не использовал какое-либо огнестрельное оружие, наличие которого еще не свидетельствует о посягательстве, сопряженном с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Таким образом, суд апелляционной инстанции, вопреки позиции суда первой инстанции, пришел к выводу о наличии у потерпевшего Г. огнестрельного оружия, которое он не использовал, и тем самым без исследования доказательств, по сути, установил новые фактические обстоятельства.

Кроме того, суд апелляционной инстанции в определении не ответил на довод апелляционной жалобы о том, что суд в приговоре допустил нарушение требований ст. 307 УПК РФ, выразившееся в неполном описании в приговоре содержания видеозаписи с камер видеонаблюдения ресторана относительно имевшегося у потерпевшего оружия.

Как видно из приговора, суд в обоснование своего вывода о том, что наличие пистолета у потерпевшего объективно не подтверждено, указал на отсутствие у суда оснований полагать, что кто-то из лиц, наблюдавших конфликт, забрал что-либо у лежавшего Г., при осмотре трупа и места происшествия оружия обнаружено не было.

Согласно протоколу судебного заседания в суде был просмотрен файл только с 22 час. 11 мин. 00 сек. до 22 час. 13 мин. 30 сек.

Вместе с тем, как следует из протокола осмотра видеозаписи от 18 января 2019 г., исследованного в судебном заседании, к телу Г. подбежало неустановленное лицо и, обыскав потерпевшего, изыало у него неустановленный предмет, внешне схожий с пистолетом, а также иные неустановленные предметы.

На указанной видеозаписи видно, что в 22 час. 15 мин. 37 сек. к телу убитого Г. подбежал неустановленный человек, обыскал потерпевшего, лежавшего на полу, забрал у него предмет, внешне схожий с пистолетом, и спрятал его под куртку.

Таким образом, довод защитника о неполном и неточном описании содержания доказательства в приговоре и о несоответствии выводов суда фактическим обстоятельствам дела не был прове-

рен судом апелляционной инстанции в установленном порядке.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение в отношении И. и передала уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение.

В отношении И. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на два месяца, т.е. до 28 февраля 2022 г.

Определение № 5-УД21-138-А1

28. Пересмотр судебного решения в кассационном порядке по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, допускается лишь по тем доводам, изложенным в кассационной жалобе потерпевшей, которые указывают, в частности, на неправильную квалификацию действий осужденного, неприменение общих начал назначения наказания, повлекшие вынесение несправедливого приговора вследствие чрезмерной мягкости наказания.

По приговору Иркутского областного суда от 21 сентября 2020 г. И. осужден по пп. “а”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ к восьми годам двум месяцам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 24 декабря 2020 г. приговор изменен, обстоятельством, отягчающим наказание И., признано совершение преступления с использованием оружия и боевых припасов, из приговора исключено решение о назначении И. наказания с применением ч. 2 ст. 62 УК РФ и усилено назначенное ему по пп. “а”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ наказание до восьми лет трех месяцев лишения свободы.

В кассационной жалобе потерпевшая А. ставила вопрос об изменении приговора и о квалификации действий И. по п. “а” ч. 3 ст. 126 и пп. “а”, “в”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также об усилении наказания. Она полагала, что суд первой инстанции неправомерно признал излишней квалификацию действий И. по п. “а” ч. 3 ст. 126 УК РФ и необоснованно исключил данный эпизод обвинения, с которым был согласен осужденный.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 8 декабря 2021 г. приговор и апелляционное определение в отношении И. оставила без изменения, кассационную жалобу — без удовлетворения, указав следующее.

В соответствии со ст. 401⁶ УПК РФ поворот к худшему при пересмотре судебного решения в кассационном порядке возможен в случае, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. В то же время следует учитывать, что при пересмотре судебного решения в кассационном порядке по основаниям, ухудшающим положение осужденного, необходимо исходить из тех доводов, изложенных в кассационной жалобе потерпевшей, которые указывают, в частности, на неправильную юридическую квалификацию действий осужденного, неприменение общих начал назначения наказания, повлекшие вынесение несправедливого приговора вследствие чрезмерной мягкости наказания.

Между тем в кассационной жалобе не приводятся суждения по поводу несправедливости приговора вследствие назначения осужденному чрезмерно мягкого наказания по пп. “а”, “ж”,

“з” ч. 2 ст. 105 УК РФ. По делу нет оснований для отмены состоявшихся судебных решений с точки зрения доводов, изложенных в кассационной жалобе.

Как усматривается из протокола судебного заседания и приговора, государственный обвинитель отказался от обвинения И. по п. “а” ч. 3 ст. 126 УК РФ, указав при этом, что данная квалификация действий подсудимого является излишней, так как действия, связанные с захватом потерпевших и перемещением их к месту преступления, осуществлялись в рамках избранного способа совершения преступления, предусмотренного пп. “а”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ. В качестве правового обоснования своей позиции государственный обвинитель сослался на ч. 8 ст. 246 УПК РФ.

С подобной позицией согласился суд первой инстанции при квалификации действий И. по пп. “а”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Определение № 66-УД21-22-А5

29. Показания допрошенных в качестве свидетелей понятых, а также лиц, участвовавших в досмотре подозреваемых при задержании и при обследовании помещения транспортной компании, которые подтвердили свое участие в этих следственных действиях и обстоятельства обнаружения наркотических средств, обоснованно признаны судом допустимыми и достоверными, согласующимися с содержанием протоколов следственных действий.

По приговору Тульского областного суда от 26 марта 2020 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) К. осужден за совершение 5 преступлений, предусмотренных п. “г” ч. 4 ст. 228¹, по ч. 5 ст. 228¹, по ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ.

К. осужден за 5 незаконных пересылок наркотических средств, совершенных группой лиц по предварительному сговору в крупном размере; незаконную пересылку наркотических средств группой лиц по предварительному сговору, в особо крупном размере, а также за покушение на незаконный сбыт наркотических средств группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере.

В кассационной жалобе адвокат просил отменить состоявшиеся в отношении К. судебные решения ввиду несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, утверждая, помимо прочего, что изложенные в приговоре показания свидетелей — сотрудников торгового центра и работников транспортной компании “СДЭК” подтверждают лишь факт приобретения К. пищевых добавок и отправки посылок, но не его причастность к пересылке в данных упаковках наркотических средств.

Рассмотрев уголовное дело в отношении К., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 9 ноября 2021 г. приговор и апелляционное определение оставила без изменения, кассационную жалобу адвоката — без удовлетворения, указав следующее.

Обвинительный приговор в отношении К. соответствует требованиям ст.ст. 297, 304, 307, 308 УПК РФ.

Из приговора следует, что доказательства, подтверждающие виновность К. в совершении действий, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, тщательно исследованы в судебном заседании, каждому из них судом дана оценка с точки зрения относимости, допус-

тимости и достоверности, а в совокупности — достаточности для разрешения дела.

Нарушений уголовно-процессуального закона при производстве следственных действий, в том числе в связи с привлечением понятых, принимавших участие в досмотре К. и П. при их задержании и при обследовании помещения транспортной компании “СДЭК”, не допущено. Показания указанных лиц, подтвердивших свое участие в проводимых мероприятиях и обстоятельства обнаружения наркотических средств, судом признаны допустимыми и достоверными, согласующимися с содержанием протоколов следственных действий, в связи с чем повода для признания недопустимыми доказательствами результатов проведенных следственных действий у суда не имелось.

Определение № 38-УД21-16-А1

30. Односторонность в оценке доказательств судом апелляционной инстанции повлекла отмену постановленного им оправдательного приговора.

По приговору Октябрьского районного суда г. Томска от 3 марта 2020 г. Б. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159, ч. 1 ст. 30, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Апелляционным приговором Томского областного суда от 24 декабря 2020 г. приговор в отношении Б. отменен. По предъявленному ему обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159, ч. 1 ст. 30, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159 УК РФ, Б. оправдан на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в его действиях состава преступления; за Б. признано право на реабилитацию.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2021 г. апелляционный приговор в отношении Б. оставлен без изменения.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ просил отменить апелляционный приговор, кассационное определение и передать уголовное дело в отношении Б. на новое апелляционное рассмотрение, обращая внимание, помимо прочего, на то, что судом апелляционной инстанции нарушены требования ч. 1 ст. 88 УПК РФ, предусматривающие оценку всех доказательств в их совокупности.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело 1 декабря 2021 г., отменила апелляционный приговор и кассационное определение, мотивировав свое решение следующим.

Основания отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке предусмотрены ст. 389¹⁵ УПК РФ.

Из положений ч. 4 ст. 389²⁸ УПК РФ следует, что в случае отмены или изменения приговора либо иного судебного решения суда первой инстанции суд апелляционной инстанции в апелляционном приговоре, определении, постановлении обязан указать основания такого решения и обосновать свои выводы.

Как видно из апелляционного приговора, принимая решение об отмене обвинительного приговора и постановлении оправдательного приговора, судебная коллегия по уголовным делам Томского областного суда в качестве оснований отмены приговора указала на несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, поскольку в приговоре не указано, по каким основаниям при наличии противоречивых

доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, суд принял одни из этих доказательств и отверг другие; выводы суда, изложенные в приговоре, содержат существенные противоречия, которые повлияли или могли повлиять на решение вопроса о виновности или невиновности осужденного, на правильность применения уголовного закона или на определение меры наказания.

При этом в апелляционном определении не содержится указаний о том, какие именно из приведенных в приговоре доказательств являются противоречивыми и какие выводы суда первой инстанции, изложенные в приговоре, содержат существенные противоречия, повлиявшие или способные повлиять на решение вопроса о виновности или невиновности Б., на правильность применения в отношении его уголовного закона или на определение наказания.

Суд первой инстанции в приговоре дал оценку доказательствам в их совокупности, при этом указал основания, по которым одни доказательства им приняты, а другие отвергнуты.

Суд апелляционной инстанции, не установив конкретных нарушений требований ст.ст. 87, 88 УПК РФ, допущенных судом первой инстанции при оценке доказательств, в апелляционном приговоре дал собственную, иную оценку доказательствам, которые уже были исследованы в суде первой инстанции с отражением результатов исследования в приговоре, что в соответствии с законом не является основанием к отмене или изменению приговора.

Кроме того, как правильно отмечено в кассационном представлении, в нарушение п. 4 ч. 1 ст. 305 УПК РФ и вопреки разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, изложенным в п. 6 постановления от 29 ноября 2016 г. № 55 “О судебном приговоре”, доказательства, ранее исследованные судом первой инстанции, в частности показания обвиняемой Н., свидетелей И., В., Ж. и А., имеющие существенное значение для правильного разрешения дела и вынесения законного и обоснованного судебного решения, в апелляционном приговоре изложены не полно, а лишь в той части, в которой они могут быть расценены как свидетельствующие об отсутствии в действиях Б. состава преступлений.

В апелляционном приговоре также имеются ссылки на показания свидетелей М. и Ж. без изложения их содержания, а также без анализа и всесторонней оценки заключения экспертов, которое оценивалось судом первой инстанции как доказательство, подтверждающее виновность Б.

Определение № 88-УДП21-12-К8

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

31. Гражданин вправе знакомиться с документами и материалами, касающимися рассмотрения его обращения, и после направления ему уполномоченным органом, должностным лицом ответа на обращение, если иное не установлено законом.

Д. обратился к начальнику управления по вопросам семьи и детства с заявлением об ознакомлении с материалами рассмотрения его обращения и о снятии копий с них с помощью его цифровой фотокамеры.

Письмом, подписанным начальником управления по вопросам семьи и детства, Д. проинформирован, что Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ “О порядке рассмотрения обра-

щений граждан Российской Федерации” не предусмотрено право заявителя знакомиться с ранее направленными обращениями и ответами на них, а также снимать (в любой форме) копии с них; указано, что в п. 2 ст. 5 данного Закона закреплено право заявителя знакомиться с документами и материалами, касающимися рассмотрения обращения, непосредственно в процессе рассмотрения, если это не затрагивает права, свободы и законные интересы других лиц и если в указанных документах и материалах не содержатся сведения, составляющие государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну.

Д., считая незаконным отказ в предоставлении касающейся его информации, обратился в суд с административным иском о признании неправомерными действий начальника управления, выраженных в уклонении предоставить для ознакомления материалы рассмотренных обращений, а также возможность снять копии с них с помощью цифровой фотокамеры.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении административного иска отказано.

Отказывая в удовлетворении требований, суд ссылаясь на положение п. 2 ст. 5 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации” и не усмотрел нарушений права административного истца на получение информации, указав, что в адрес заявителя направлены копии его обращений, находящиеся на рассмотрении у административного ответчика. Кроме того, содержание обращений, ранее адресованных в управление по вопросам семьи и детства, заявителю известно, ответы на них даны.

Суд апелляционной инстанции, оставляя решение суда без изменения, довод апелляционной жалобы Д. о том, что им оспаривается уклонение административного ответчика от предоставления для ознакомления материалов проверки, а не бездействие, выразившееся в ненаправлении ответов на обращения, либо их содержание, признал несостоятельным, отметив, что судом первой инстанции верно определен предмет спорных отношений и правильно применены регулирующие их нормы действующего законодательства.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и административное исковое заявление удовлетворила по следующим основаниям.

Правоотношения, связанные с реализацией гражданином Российской Федерации права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, а также порядок рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами регулируется Федеральным законом “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации”.

В силу п. 2 ст. 5 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации” при рассмотрении обращения органом местного самоуправления или должностным лицом гражданин имеет право знакомиться с документами и материалами, касающимися рассмотрения обращения, если это не затрагивает права, свободы и законные интересы других лиц и если в указанных документах и материалах не содержатся сведения, составляющие государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, содержащейся в Определении от 7 февраля 2013 г. № 134-О по жалобе граждан Андреевой Т.А. и Юрченко Д.В. на нарушение их конституционных прав положением п. 2 ст. 5 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации”, то обстоятельство, что право гражданина ознакомиться с документами и материалами, касающимися рассмотрения его обращения, увязано законодателем с периодом рассмотрения его обращения, не исключает осуществления гражданином этого права и после направления ему уполномоченным органом, должностным лицом соответствующего ответа.

Ознакомление гражданина с названными документами и материалами после получения им официального ответа на свое обращение дает ему возможность лично проверить обоснованность такого ответа.

Из материалов дела следует, что Д. обратился в орган местного самоуправления с заявлением о предоставлении ему информации.

Под информацией федеральный законодатель в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” понимает любые сведения о ком-либо или о чем-либо, получаемые из любого источника в любой форме. Положения данного Закона в силу прямого указания в п. 1 ч. 1 ст. 1 регулируют отношения, возникающие при осуществлении права на получение информации.

Названный Федеральный закон в ст. 8 закрепляет право граждан осуществлять поиск и получать любую информацию в любых формах и из любых источников при условии соблюдения требований, установленных данным Законом и другими федеральными законами (ч. 1); право гражданина на получение от государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы (ч. 2).

Согласно п. 3 ст. 5 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации” при рассмотрении обращения органом местного самоуправления или должностным лицом граждан имеет право получать письменный ответ по существу поставленных в обращении вопросов.

Из совокупного анализа приведенных норм с учетом их толкования Конституционным Судом РФ следует, что п. 2 ст. 5 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации”, на который ссылался административный ответчик в обоснование отказа предоставить Д. возможность ознакомления с материалами ранее рассмотренных его обращений, подлежит применению в системной взаимосвязи с иными требованиями федерального законодательства, в том числе Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”.

Конституционный Суд РФ в вышеназванном Определении от 7 февраля 2013 г. № 134-О указал, что положение п. 2 ст. 5 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации” в системной взаимосвязи, в том числе с Федеральным законом “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”, предполагает, что уполномо-

ченный орган (должностное лицо) в соответствующих случаях отказывает гражданину в доступе к названным документам и материалам на том основании, что содержащаяся в них информация, затрагивающая права, свободы и законные интересы других лиц, хотя и не защищается в качестве государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны, однако отнесена к сведениям, распространение которых в Российской Федерации в установленном федеральным законом порядке ограничено или запрещено.

Такие обстоятельства административным ответчиком в отказе предоставить информацию не указаны.

С учетом изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ названные судебные акты отменила и административное исковое заявление удовлетворила.

Определение № 18-КАД22-19-К4

32. Для удостоверения доверенности на представительство интересов лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в органах государственной власти, органах местного самоуправления, судебных, административных и правоохранительных органах, в организациях и учреждениях не требуется разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело.

В период нахождения в следственном изоляторе С. неоднократно обращался к начальнику названного учреждения с заявлениями об удостоверении доверенности, выданной им своей супруге и сыну для представления интересов С. во всех органах государственной власти, органах местного самоуправления, в том числе судебных, правоохранительных, административных, в организациях и учреждениях всех форм собственности с правом вести от его имени во всех организациях, а также во всех судебных учреждениях его дела со всеми правами, которые предоставлены законом истцу, ответчику, административному истцу, третьему лицу, заинтересованному лицу, потерпевшему, подсудимому, обвиняемому, в том числе с правом подачи и подписания исковых заявлений, административных исковых заявлений, жалоб, ходатайств, окончания дела мировым соглашением, признания или отказа от исковых требований, изменения предмета или основания иска, обжалования судебных актов во всех инстанциях, подписания всех видов жалоб, с согласия суда участвовать в деле в качестве защитника с полномочиями, предусмотренными ст. 53 УПК РФ.

К названным обращениям были приложены ответы судьи Верховного суда субъекта Российской Федерации, в производстве которого находилось уголовное дело, содержащие разъяснения, согласно которым доверенность на представительство в органах государственной власти, местного самоуправления, судебных, административных, правоохранительных органах, в организациях и учреждениях не является доверенностью, выдаваемой для осуществления гражданско-правовой сделки, в связи с чем для ее удостоверения не требуется разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело.

Указанные заявления С. начальником следственного изолятора оставлены без удовлетворения в связи с отсутствием соответствующего разрешения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело. Отказ обоснован положениями п. 118 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-испол-

нительной системы, утвержденных приказом Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189 (далее — Правила), действовавшим в период возникновения спорных отношений и утратившим силу в связи с изданием приказа Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110. Согласно данному документу для осуществления гражданско-правовой сделки подозреваемый или обвиняемый с разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, выдает своему представителю доверенность, подлежащую удостоверению в соответствии с подп. 3 п. 2 ст. 185¹ ГК РФ начальником следственного изолятора либо лицом, его замещающим.

Не согласившись с таким решением начальника следственного изолятора, С. обратился в суд с административным иском заявлением.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано. При этом суды исходили из того, что права, свободы и законные интересы С. нарушены не были, а п. 118 Правил в данном случае применен обоснованно, в связи с чем оспариваемое решение начальника следственного изолятора является законным.

Кассационным судом общей юрисдикции названные судебные акты оставлены без изменения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила судебные акты судов первой, апелляционной и кассационной инстанций и приняла новое решение, которым признала незаконным отказ начальника следственного изолятора в удостоверении названной выше доверенности, выданной С., по следующим основаниям.

Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”, регулируя порядок и определяя условия содержания под стражей, гарантии прав и законных интересов лиц, которые согласно Уголовно-процессуальному кодексу РФ задержаны по подозрению в совершении преступления, а также лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых в соответствии с данным Кодексом избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (ст. 1), закрепляет, что подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений пользуются правами и свободами и несут обязанности, установленные для граждан Российской Федерации, с ограничениями, предусмотренными этим Законом и иными федеральными законами (ст. 6).

Так, ст. 17 названного Закона гарантирует права подозреваемых и обвиняемых, в том числе право участвовать в гражданско-правовых сделках, а его ст. 29 конкретизирует особенности реализации данного права: оно осуществляется подозреваемыми и обвиняемыми с разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, и в порядке, установленном Правилами, через своих представителей или непосредственно, за исключением случаев, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Согласно п. 118 Правил доверенность в соответствии с подп. 3 п. 2 ст. 185¹ ГК РФ может удостоверяться начальником следственного изолятора либо лицом, его замещающим; доверенность на осуществление гражданско-правовой сделки выдается подозреваемому или обвиняе-

мому с разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело.

Таким образом, приведенное правовое регулирование не препятствует удостоверению доверенностей на представительство по иным вопросам, в том числе на совершение действий, не связанных с отчуждением имущества по гражданско-правовым сделкам.

Из содержания доверенности, которую просил удостоверить административный истец, не следовало, что С. предоставляет своей супруге или сыну полномочия совершать от его имени гражданско-правовые сделки, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Следовательно, в данном случае разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, не требовалось, в связи с чем у начальника следственного изолятора отсутствовали правовые основания для принятия оспариваемого решения.

Определение № 42-КАД22-1-К4

33. Наличие входящего в улично-дорожную сеть населенного пункта и содержащегося в надлежащем состоянии подъездного пути к жилому дому является одним из условий соблюдения прав и законных интересов его собственника, в том числе на свободный доступ к объектам социальной инфраструктуры, а также на доступ экстренных служб.

Л., являясь собственником земельного участка и расположенного на нем жилого дома, обратилась в орган местного самоуправления с заявлением о включении дороги по улице, на которой расположены названные объекты недвижимости, в реестр муниципального имущества. Также она просила обеспечить подъезд к этой дороге, ее ремонт, уборку и очистку от снега.

Данное заявление оставлено без удовлетворения.

Л. обратилась в суд с административным иском заявлением, в котором просила признать незаконным решение органа местного самоуправления, возложить на него обязанность включить дорогу в реестр муниципального имущества и организовать ее регулярное содержание.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано. При этом суд исходил из того, что проезд к жилому дому, принадлежащему административному истцу, не подлежит включению в реестр муниципального имущества, учитывая, что обязанность по содержанию проездов в зоне индивидуальной застройки возлагается на собственников индивидуальных жилых домов. Расчистка и содержание съездов с автодороги к частным домам осуществляется за счет средств собственников жилья. Указанная дорога не приватизировалась и в муниципальную собственность не передавалась, что свидетельствует о бесхозяйности названного объекта недвижимости. Кроме того, данная дорога не является объектом капитального строительства, построенным и введенным в эксплуатацию в установленном законом порядке путем проведения процедуры технического учета и паспортизации, и не отвечает требованиям, предъявляемым к автомобильным дорогам. В связи с этим оснований для отнесения ее к автомобильным дорогам общего пользования местного значения и включения в реестр муниципального имущества не имеется.

Кассационным судом общей юрисдикции указанные судебные акты оставлены без изменения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций и направила административное дело на новое апелляционное рассмотрение, указав следующее.

Правилами благоустройства территории муниципального образования, в котором проживает Л., предусмотрено, что ответственность за организацию и производство уборочных работ по улично-дорожной сети и тротуарам, за уборку и содержание проезжей части, улиц и проездов городской дорожной сети возлагается на балансодержателей и подрядные организации, отвечающие за уборку и содержание проезжей части.

Обращаясь в суд с административным иском, Л. обосновывала незаконность оспариваемого ею решения, которое привело, по ее мнению, к нарушению ее прав, в том числе тем, что административный ответчик фактически исключил обслуживание являющегося элементом улично-дорожной сети проезда к принадлежащему ей жилому дому, несмотря на то, что данный проезд расположен на землях населенного пункта общего пользования.

Данные доводы административного истца правовой оценки судов первой, апелляционной и кассационной инстанций не получили.

Кроме того, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ указала на незаконность вывода суда апелляционной инстанции о том, что названная дорога фактически является бесхозяйным имуществом.

В п. 2 ст. 214 ГК РФ, п. 1 ст. 16 ЗК РФ закреплена презумпция государственной собственности на землю: земля и другие природные ресурсы, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц либо муниципальных образований, являются государственной собственностью.

Конституционный Суд РФ в Определении от 11 февраля 2021 г. № 186-О обратил внимание, что в условиях действующей презумпции государственной собственности на землю и наличия на территории Российской Федерации значительного количества нераспределенной земли сама по себе несформированность земельного участка и отсутствие государственной регистрации права собственности публичного образования на него не означает, что соответствующее публичное образование фактически отказалось от своего права собственности или проявляет безразличие к правовой судьбе этого земельного участка. Само по себе отсутствие такого учета не свидетельствует о том, что участок является бесхозяйным.

Пунктом 10 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ “О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации” (действовавшим до вступления в силу с 1 марта 2015 г. Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ) устанавливалось, что до разграничения государственной собственности на землю распоряжение указанными землями осуществлялось органами местного самоуправления в пределах их полномочий, если законодательством не было предусмотрено иное.

Суды не дали правовой оценки тому обстоятельству, что орган местного самоуправления не исполнил обязанность по включению проезда к дому административного истца в документы тер-

риториального планирования муниципального образования, не определил балансодержателя или подрядчика по содержанию проезда, что повлекло нарушение права Л. на свободный доступ к объектам социальной инфраструктуры, а также на доступ к дому Л. экстренных служб.

При таком положении Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ признала ошибочными выводы судов об отсутствии правовых оснований для удовлетворения административного искового заявления.

Определение № 64-КАД22-1-К9

34. Акты, не опубликованные в предусмотренном порядке, а равно имеющие иные нарушения порядка принятия и введения в действие, свидетельствующие об отсутствии у них юридической силы, не влекут правовых последствий и не могут регулировать соответствующие правоотношения независимо от выявления указанных нарушений в судебном порядке.

Ч. обратился в суд с административным иском заявлением о признании недействующим постановления об утверждении лесохозяйственного регламента для лесных массивов городских лесов городского округа.

Окружной администрацией города (далее — администрация) издано постановление, п. 1 которого утвержден лесохозяйственный регламент для лесных массивов городских лесов городского округа (далее — лесохозяйственный регламент, регламент).

Согласно содержанию лесохозяйственного регламента он состоит из введения и трех глав, имеет приложение в виде трех карт: схематическая карта субъекта Российской Федерации с выделением территории лесничества; карта-схема территории лесничества с распределением территории по лесорастительным зонам и лесным районам; карта-схема подразделения лесов лесничества по целевому назначению с указанием местоположения существующих и проектируемых особо охраняемых природных территорий и объектов.

Во введении регламента указано, что он является основой осуществления использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, расположенных в границах городского округа, обязателен для исполнения гражданами, юридическими лицами, осуществляющими использование, охрану, защиту, воспроизводство лесов, срок его действия составляет 10 лет; приведен перечень законодательных, нормативных правовых, нормативно-технических, методических документов, на основе которых он разработан.

Собственник расположенного на территории города земельного участка Ч., которому было отказано в согласовании строительства индивидуального жилого дома на этом земельном участке со ссылкой на указанное постановление администрации, обратился в суд с названным административным иском. Он полагал, что лесохозяйственный регламент не может применяться в отношении неопределенного круга лиц, поскольку предусмотренная его п. 1.1.4 карта субъекта Российской Федерации с выделением территории лесных массивов городских лесов городского округа не опубликована, упомянута в постановлении, однако в виде приложения отсутствует, не размещена на официальном сайте окружной администрации и на сайте министерства экологии, природопользования и лесного хозяйства республики. При этом в имеющихся в виде приложения к данному регламенту картах-схемах не указано разграничение лесных зон на территории

города, отсутствуют ссылки на карту-схему лесного хозяйства городского поселения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Кассационным судом общей юрисдикции указанные судебные акты оставлены без изменения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и приняла новое решение об удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

В силу подп. “г” п. 2 ч. 8 ст. 213 КАС РФ при рассмотрении административного дела об оспаривании нормативного правового акта суд выясняет, соблюдены ли требования нормативных правовых актов, устанавливающих правила введения нормативных правовых актов в действие, в том числе порядок опубликования.

Статья 87 ЛК РФ в редакции, действовавшей на момент принятия лесохозяйственного регламента, определяла лесохозяйственный регламент как основу осуществления использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных в границах лесничества, лесопарка (ч. 1); предусматривала, что состав лесохозяйственных регламентов, порядок их разработки, сроки их действия и порядок внесения в них изменений устанавливаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (ч. 7).

На момент разработки и принятия лесохозяйственного регламента действовал приказ Рослесхоза от 4 апреля 2012 г. № 126, раздел III которого предусматривал, что лесохозяйственные регламенты разрабатываются для лесничеств (лесопарков) (п. 8); основой для их разработки являются материалы лесоустройства лесничества (лесопарка), материалы специальных изысканий и исследований, документы территориального планирования (п. 10); информация приводится в виде текстовых, табличных и графических материалов (в том числе картографических) (п. 11); органы местного самоуправления организуют ознакомление заинтересованных лиц с проектом лесохозяйственного регламента, в том числе размещают его на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на срок не менее 30 дней с момента разработки, и по истечении указанного срока с учетом поступивших предложений и замечаний заказчик в течение 30 дней организует доработку проекта лесохозяйственного регламента и его утверждение (п. 12).

Имеющаяся в материалах административного дела и представленная административным истцом копия регламента и 3 приложения к нему: карта-схема, названная в оглавлении регламента схематической картой субъекта Российской Федерации, с выделением территории лесничества; карта-схема деления лесов лесничества по лесорастительным зонам и лесным районам; карта-схема подразделения лесов лесничества по целевому назначению — не имеют расшифровки содержащихся на них цифровых обозначений. Две последние карты, в отличие от первого приложения, представлены в усеченном виде, в них отсутствует расположение города, входящего в состав городского округа, не отражено городское лесничество данного городского округа.

Какие-либо другие копии лесохозяйственного регламента с приложением к нему названных

карт-схем, содержащих сведения об указанном выше лесничестве, в материалах административного дела отсутствуют; нет иных доказательств, подтверждающих вывод судов об опубликовании оспариваемого нормативного правового акта с упомянутым приложением в полном объеме.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 40 постановления от 25 декабря 2018 г. № 50 “О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами” разъяснил, что акты, не опубликованные в предусмотренном порядке, а равно имеющие иные нарушения порядка принятия и введения в действие, свидетельствующие об отсутствии у них юридической силы, не влекут правовых последствий и не могут регулировать соответствующие правоотношения независимо от выявления указанных нарушений в судебном порядке.

С учетом изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ признала неправомерными выводы судов о соблюдении порядка опубликования лесохозяйственного регламента в полном объеме.

Проанализировав содержание лесохозяйственного регламента, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ также пришла к выводу о том, что он противоречит нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу.

В связи с изложенным обжалуемые судебные акты были отменены, а постановление администрации признано недействующим.

Определение № 74-КАД22-2-К9

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

35. Действия лица по управлению транспортным средством в состоянии опьянения подлежат квалификации по ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ, а не по ч. 1 указанной статьи, в том случае, если это лицо считается подвергнутым административному наказанию в соответствии с положениями ст. 4.6 КоАП РФ, в том числе после истечения срока ранее назначенного ему лишения права управления транспортными средствами, и оно не выполнило условия, необходимые для возврата сданного водительского удостоверения (ч. 4¹ ст. 32.6 КоАП РФ).

Постановлением мирового судьи Б. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного ареста.

Постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции постановление мирового судьи отменено, производство по делу об административном правонарушении прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ в связи с отсутствием в действиях Б. состава административного правонарушения.

В жалобе, поданной в Верховный Суд РФ, должностное лицо МВД России просило об отмене постановления судьи кассационного суда общей юрисдикции, считая его незаконным. Возражения Б. на поданную жалобу в установленный срок не представлены.

Изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы, судья Верховного Суда РФ пришел к следующим выводам.

В соответствии с ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ (нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения Б. к административной ответственности) управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния, влечет наложение административного наказания.

В силу ч. 3 ст. 12.8 названного Кодекса административная ответственность наступает за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения и не имеющим права управления транспортными средствами либо лишенным права управления транспортными средствами, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

3 июня 2021 г. Б. в нарушение требований пп. 2.1.1, 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (далее — Правила дорожного движения), не имея права управления транспортными средствами, управлял мопедом, находясь в состоянии опьянения, что послужило основанием для привлечения его мировым судьей к административной ответственности, предусмотренной ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ.

С такими выводами мирового судьи не согласился судья кассационного суда общей юрисдикции, который отменил постановление мирового судьи и прекратил производство по делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ в связи с отсутствием в действиях Б. состава административного правонарушения.

Между тем судья кассационного суда, отменяя постановление мирового судьи и прекращая производство по делу, не учел следующее.

В ходе производства по делу было установлено, что Б. имеет водительское удостоверение со сроком действия с января 2016 г. по январь 2026 г.

Постановлением мирового судьи от 4 июня 2018 г. Б. был привлечен к административной ответственности по ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ с назначением наказания в виде административного штрафа и лишения права управления транспортными средствами сроком на полтора года.

Постановлением мирового судьи также от 4 июня 2018 г. Б. был привлечен к административной ответственности по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ с назначением наказания в виде лишения права управления транспортными средствами сроком на один год.

Указанные постановления вступили в законную силу 26 июня 2018 г.

Водительское удостоверение на право управления транспортными средствами было изъято у Б. 5 июля 2018 г.

После отбытия административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами с учетом требований ч. 3 ст. 32.7 КоАП РФ Б. не выполнил условия, предусмотренные положениями ч. 4¹ ст. 32.6 данного Кодекса и необходимые для возврата ранее сданного водительского удостоверения.

С учетом положений п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 “О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях” на мо-

мент совершения административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ, — 3 июня 2021 г., Б. не являлся лицом, лишенным права управления транспортными средствами, однако считался подвергнутым наказанию в соответствии с положениями ст. 4.6 данного Кодекса и не имел права управления транспортными средствами в связи с невыполнением требований ч. 4¹ ст. 32.6 КоАП РФ.

Таким образом, действия Б. подлежали квалификации по ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ.

При указанных обстоятельствах судьей Верховного Суда РФ постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции изменено путем исключения из него выводов о том, что действия Б., управлявшего 3 июня 2021 г. транспортным средством в состоянии опьянения, подлежали квалификации по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, а также о прекращении производства по делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 24.5 данного Кодекса.

Исходя из того, что на момент рассмотрения дела в Верховном Суде РФ срок давности привлечения Б. к административной ответственности истек, производство по делу об административном правонарушении прекращено на основании п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ (в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности).

Постановление № 86-АД22-2-К2

36. При решении вопроса о признании административного правонарушения, выразившегося в неуплате административного штрафа в установленный срок, малозначительным необходимо учитывать все обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, в том числе тот факт, что лицо, его совершившее, ранее неоднократно допускало аналогичные правонарушения.

Постановлением мирового судьи С. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде обязательных работ.

Постановлением заместителя председателя кассационного суда общей юрисдикции постановление мирового судьи отменено, производство по делу об административном правонарушении прекращено на основании ст. 2.9 КоАП РФ в связи с малозначительностью совершенного административного правонарушения.

В жалобе, поданной в Верховный Суд РФ, должностное лицо ГУ МВД РФ по области просило об отмене постановления заместителя председателя кассационного суда общей юрисдикции, считая его незаконным. Возражения С. на поданную жалобу в установленный срок не представлены.

Изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы, судья Верховного Суда РФ пришел к следующим выводам.

В соответствии с ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ (нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения С. к административной ответственности) неуплата административного штрафа в срок, предусмотренный данным Кодексом, влечет административное наказание.

В силу ч. 1 ст. 32.2 КоАП РФ административный штраф должен быть уплачен в полном размере лицом, привлеченным к административной ответственности, не позднее 60 дней со дня вступления постановления о наложении администра-

тивного штрафа в законную силу, за исключением случаев, предусмотренных чч. 11, 13, 13⁻¹ и 14 названной статьи, либо со дня истечения срока отсрочки или срока рассрочки, предусмотренных ст. 31.5 указанного Кодекса.

Согласно материалам дела постановлением должностного лица ГУ МВД РФ по области от 9 ноября 2020 г. С. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.9 КоАП РФ, с назначением ему административного наказания в виде административного штрафа в размере 500 руб.

Указанное постановление вступило в законную силу 24 ноября 2020 г.

Отсрочка (рассрочка) исполнения постановления о назначении административного наказания не предоставлялась.

В срок, предусмотренный ч. 1 ст. 32.2 КоАП РФ, административный штраф не уплачен.

Данные обстоятельства послужили основанием для привлечения С. мировым судьей к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.25 названного Кодекса.

Заместитель председателя кассационного суда общей юрисдикции с выводами мирового судьи не согласился, постановление мирового судьи отменил и производство по делу на основании ст. 2.9 КоАП РФ прекратил в связи с малозначительностью совершенного административного правонарушения.

Между тем заместитель председателя кассационного суда, отменяя постановление мирового судьи и прекращая производство по делу, не учел следующее.

Рассматривая дело об административном правонарушении и привлекая С. к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, мировой судья исходил из того, что в установленный срок административный штраф, назначенный названным выше постановлением должностного лица, С. уплачен не был.

В соответствии со ст. 2.9 КоАП РФ при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием.

Согласно разъяснениям, данным в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 “О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях”, если при рассмотрении дела будет установлена малозначительность совершенного административного правонарушения, судья на основании ст. 2.9 названного Кодекса вправе освободить виновное лицо от административной ответственности и ограничиться устным замечанием, на что должно быть указано в постановлении о прекращении производства по делу. Если малозначительность административного правонарушения будет установлена при рассмотрении жалобы на постановление по делу о таком правонарушении, то на основании п. 3 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ выносится решение об отмене постановления и о прекращении производства по делу.

Малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения

и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений.

На момент составления протокола об административном правонарушении административный штраф, назначенный постановлением должностного лица ГУ МВД РФ по области от 9 ноября 2020 г., С. был оплачен.

Вместе с тем материалы дела свидетельствовали о том, что совершенное С. деяние с учетом его характера, роли правонарушителя несмотря на отсутствие каких-либо тяжких последствий представляет собой существенное нарушение охраняемых общественных правоотношений, поскольку С. были совершены более 100 административных правонарушений.

Таким образом, основания для признания административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, малозначительным отсутствовали.

В связи с этим требования ст.ст. 24.1, 26.1 КоАП РФ о всестороннем, полном, объективном и своевременном выяснении всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, разрешении его в соответствии с законом заместителем председателя кассационного суда не соблюдены.

При таких обстоятельствах постановление заместителя председателя кассационного суда общей юрисдикции судьей Верховного Суда РФ изменено путем исключения выводов о том, что имеются основания для признания административного правонарушения малозначительным, а также о прекращении производства по делу на основании ст. 2.9 КоАП РФ.

С учетом того, что срок давности привлечения С. к административной ответственности на момент рассмотрения дела в Верховном Суде РФ истек, производство по делу прекращено на основании п. 6 ч. 1 ст. 24.5 названного Кодекса в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности.

Постановление № 9-АД22-52-К1

37. Выбросы вредных веществ в атмосферный воздух без специальных разрешений, имевшие место на различных объектах, подлежат квалификации в качестве самостоятельных административных правонарушений, каждое из которых влечет ответственность по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ.

Постановлением, вынесенным старшим государственным инспектором в области охраны окружающей среды, общество признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ.

Решением судьи районного суда, оставленным без изменения решением судьи областного суда, постановление должностного лица отменено, производство по делу об административном правонарушении в отношении общества прекращено.

Постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции решение судьи районного суда и решение судьи областного суда отменены. Дело направлено на новое рассмотрение в районный суд.

Судья Верховного Суда РФ при рассмотрении жалобы защитника общества на постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции установил следующее.

Частью 1 ст. 8.21 КоАП РФ (приведенные нормы даны в редакции, действовавшей на мо-

мент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения общества к административной ответственности) предусмотрено, что выброс вредных веществ в атмосферный воздух или вредное физическое воздействие на него без специального разрешения влекут наложение административного наказания.

В соответствии с п. 8 ст. 15 Федерального закона от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ “Об охране атмосферного воздуха” действия, направленные на изменение состояния атмосферного воздуха и атмосферных явлений, могут осуществляться только при отсутствии вредных последствий для жизни и здоровья человека и для окружающей среды на основании разрешений, выданных федеральным органом исполнительной власти в области охраны окружающей среды.

Постановлением должностного лица общества привлечено к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ за выброс вредных веществ в атмосферный воздух на объекте негативного воздействия на окружающую среду (пункт сепарации и налива нефти в пос. К.) без специального разрешения, выявленный 19 февраля 2021 г. при проверке сведений об охране атмосферного воздуха за 2020 год.

Судья районного суда, с выводами которого согласился судья областного суда, постановление должностного лица отменил с прекращением производства по делу об административном правонарушении по основанию, предусмотренному п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ.

Согласно указанной норме производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению при наличии по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления о назначении административного наказания, либо постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном той же статьей или той же частью статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях или закона субъекта Российской Федерации, либо постановления о возбуждении уголовного дела.

При этом судья районного суда исходил из того, что вступившим в законную силу постановлением, вынесенным старшим государственным инспектором в области охраны окружающей среды, общество было привлечено к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ с назначением ему административного наказания по факту осуществления выбросов вредных веществ в атмосферный воздух без специального разрешения на объекте негативного воздействия на окружающую среду (центральный пункт сбора нефти, база капитального и текущего ремонта скважин, база бригады, расположенные в пос. Р.).

Приняв во внимание указанное постановление должностного лица по другому делу, судья районного суда счел, что осуществление обществом выбросов вредных веществ в атмосферный воздух из всех источников в отсутствие соответствующего разрешения образует одно административное правонарушение и свидетельствует о наличии по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, по-

становления о назначении административного наказания.

Решением судьи областного суда решение судьи районного суда оставлено без изменения.

Судья кассационного суда общей юрисдикции признал выводы нижестоящих судов необоснованными, отменив принятые ими решения.

Отметив, что выброс вредных веществ в атмосферный воздух без специального разрешения в приведенных выше случаях осуществлялся на различных объектах, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, расположенных по разным адресам, судья кассационного суда общей юрисдикции сделал вывод об отсутствии оснований полагать, что в отношении общества имелось вынесенное постановление о назначении административного наказания по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия).

В связи с тем, что обстоятельств, которые в силу пп. 2—4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ могли бы повлечь изменение или отмену обжалуемого защитником общества постановления судьи кассационного суда общей юрисдикции, не установлено, судья Верховного Суда РФ оставил его без изменения.

Постановление № 71-АД22-3-КЗ

38. Признание недействительным послужившего поводом к возбуждению дела об административном правонарушении решения комиссии антимонопольного органа, которым установлен факт нарушения антимонопольного законодательства Российской Федерации, является основанием для прекращения производства по делу об административном правонарушении.

Постановлением заместителя руководителя УФАС России по области, оставленным без изменения решением судьи районного суда, решением судьи областного суда и постановлением заместителя председателя кассационного суда общей юрисдикции, директор общества Г. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ.

В жалобе, поданной в Верховный Суд РФ, защитник Г. — М. просил отменить акты, вынесенные в отношении Г. по делу об административном правонарушении, считая их незаконными.

Рассмотрев поданную жалобу, судья Верховного Суда РФ пришел к следующим выводам.

Частью 1 ст. 14.32 КоАП РФ (приведенные нормы изложены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения Г. к административной ответственности) предусмотрена административная ответственность за заключение хозяйствующим субъектом соглашения, признаваемого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации картелем, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 данной статьи, либо участие в нем.

Как следует из материалов дела, в УФАС России по области поступили заявления управления транспорта администрации города и граждан по поводу действий организаций, оказывающих услуги регулярных перевозок пассажиров на территории города, в которых указывалось на повышение платы за проезд на регулярных маршрутах города.

Осуществив проверку, комиссия УФАС России по области от 28 ноября 2018 г. приняла решение по признакам нарушения организациями, оказывающими услуги регулярных перевозок на

территории города, п. 1 ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции” (далее также — Закон о защите конкуренции), выразившегося в заключении и реализации соглашения, которое привело к установлению цены на маршрутах города в размере 25 руб. и повышению стоимости проезда на одну и ту же величину (с 23 до 25 руб.) в период с ноября 2017 г. по январь 2018 г.

В соответствии с п. 1 данного решения действия группы лиц по заключению и реализации названного соглашения признаны нарушением п. 1 ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции.

Согласно п. 3 указанного решения материалы дела передали должностному лицу УФАС России по области для решения вопроса о привлечении виновных лиц к административной ответственности.

Данные обстоятельства послужили основанием для вынесения заместителем руководителя УФАС России по области постановления о привлечении директора общества Г. к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ.

Судебные инстанции с мотивами, изложенными в обжалуемом постановлении должностного лица, вынесенном в отношении Г., согласились.

Между тем выводы, содержащиеся в постановлении должностного лица и обжалуемых судебных актах, сделаны без учета следующего.

В ходе производства по делу факт совершения директором общества Г. административного правонарушения последовательно им отрицался, в том числе указывалось, что вступившим в законную силу решением арбитражного суда области решение комиссии УФАС России по области от 28 ноября 2018 г. признано недействительным в части пп. 1, 3.

В постановлении арбитражного суда округа также указано на недоказанность УФАС России по области нарушения обществом, директором которого является Г., Закона о защите конкуренции. При этом арбитражный суд округа отметил, что позиция антимонопольного органа, согласно которой на наличие антиконкурентного соглашения указывают синхронные, единообразные и не обусловленные объективными экономическими факторами действия хозяйствующих субъектов, не нашла своего подтверждения, однако при этом представлены доказательства, подтверждающие необходимость и экономическую обоснованность повышения в период с ноября 2017 г. по январь 2018 г. стоимости проезда на маршрутах по нерегулируемым тарифам.

Таким образом, арбитражным судом признано недействительным как не соответствующее Закону о защите конкуренции и отменено решение УФАС России по области, содержащее выводы о нарушении обществом антимонопольного законодательства Российской Федерации, послужившее основанием для вынесения заместителем руководителя УФАС России по области постановления о привлечении директора общества Г. к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ.

Согласно ч. 1² ст. 28.1 КоАП РФ поводом к возбуждению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 14.9, 14.31, 14.32, 14.33, 14.40 указанного Кодекса, является принятие комиссией антимонопольного органа решения, которым установлен факт нарушения

антимонопольного законодательства Российской Федерации.

Частью 6 ст. 4.5 КоАП РФ определено, что срок давности привлечения к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные ст.ст. 14.9, 14.9¹, 14.31, 14.32, 14.33, 14.40 данного Кодекса, начинается исчисляться со дня вступления в силу решения комиссии антимонопольного органа, установившего факт нарушения законодательства Российской Федерации.

Приведенные нормы закона позволяют прийти к выводу о том, что в отсутствие решения комиссии антимонопольного органа, установившего факт нарушения обществом антимонопольного законодательства Российской Федерации, привлечение к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ директора этого общества не является правомерным.

При таких обстоятельствах судья Верховного Суда РФ удовлетворил жалобу защитника Г. — М. Постановление заместителя руководителя УФАС России по области, решение судьи районного суда, решение судьи областного суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, состоявшиеся в отношении директора общества Г. по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ, отменены, производство по делу об административном правонарушении прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24.5 названного Кодекса в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

Постановление № 48-АД22-3-К7

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

39. Принятие командиром воинской части решения о досрочном увольнении военнослужащего в связи с невыполнением им условий контракта по прежней воинской должности должно основываться в том числе на обстоятельствах, позволяющих уволить такого военнослужащего по данному основанию с занимаемой им должности, и при соблюдении установленной процедуры.

Решением Хабаровского гарнизонного военного суда от 22 января 2021 г. Б. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил в том числе признать незаконными действия командира воинской части, связанные с представлением административного истца к досрочному увольнению в связи с невыполнением условий контракта; приказ командующего войсками Восточного военного округа от 20 июля 2020 г. о досрочном увольнении с военной службы в связи с невыполнением условий контракта, обязав командующего войсками Восточного военного округа уволить его с военной службы по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Апелляционным определением 1-го Восточного окружного военного суда от 8 апреля 2021 г. решение суда первой инстанции частично отменено.

Суд апелляционной инстанции признал незаконным бездействие командира воинской части, выразившееся в непредставлении Б. к досрочному увольнению по состоянию здоровья, и обязал командира воинской части направить необходимые материалы для принятия решения об

изменении основания увольнения административного истца, а командующего войсками Восточного военного округа — рассмотреть вопрос об изменении основания увольнения.

Кассационным определением кассационного военного суда от 24 августа 2021 г. решение суда апелляционной инстанции отменено и оставлено в силе решение суда первой инстанции.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе Б., Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ кассационное определение отменила в связи с существенным нарушением норм материального права и оставила в силе апелляционное определение окружного военного суда, указав в обоснование следующее.

Из материалов дела следует, что Б. проходил военную службу по призыву, а затем по контракту с августа 2002 г. по март 2006 г. и с июня 2008 г. по 28 августа 2020 г. на различных воинских должностях в различных регионах Российской Федерации.

В июне 2018 г. с административным истцом заключен контракт о прохождении военной службы на срок 3 года, а в январе 2019 г. он назначен по служебной необходимости на должность заместителя командира понтонной роты в воинскую часть.

Как следует из служебных характеристик административного истца и других исследованных в судебном заседании материалов, по предыдущим местам военной службы Б. характеризовался положительно и поощрялся, в том числе командующим войсками Восточного военного округа, а по последнему месту военной службы непосредственный командир Б. не смог дать оценку его служебной деятельности, поскольку из 7 месяцев службы Б. в течение 6 месяцев находился на лечении в военном госпитале либо был освобожден от исполнения служебных обязанностей по болезни. В связи с этим командир полагал необходимым рекомендовать уволить Б. по состоянию здоровья.

Длительное неисполнение административным истцом в феврале — августе 2019 г. служебных обязанностей по болезни подтверждено медицинскими документами.

Заключением аттестационной комиссии воинской части от 28 августа 2019 г. принято решение ходатайствовать о досрочном увольнении Б. с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта. Основаниями для такого решения явились ненадлежащее исполнение административным истцом служебных обязанностей по последней должности и наличие дисциплинарных взысканий (выговор и строгий выговор от 29 октября 2018 г., выговор от 3 декабря 2018 г., предупреждение о неполном служебном соответствии от 17 июля 2019 г.).

Приказом воинского должностного лица от 28 августа 2019 г., с учетом внесенных в этот приказ изменений 17 октября 2019 г., Б. назначен в связи с организационно-штатными мероприятиями на равную воинскую должность в ту же воинскую часть.

Заключением военно-врачебной комиссии от 23 октября 2019 г. административный истец признан ограниченно годным к военной службе, после чего он дважды, 22 ноября 2019 г. и 20 апреля 2020 г., обращался к командиру воинской части с рапортами об увольнении по состоянию здоровья.

2 июня 2020 г. командир воинской части представил Б. к досрочному увольнению в связи с

невыполнением им условий контракта, указав на рассмотрение материалов в отношении военнослужащего на заседании аттестационной комиссии воинской части 28 августа 2019 г.

Приказом командующего войсками Восточного военного округа от 20 июля 2020 г. административный истец досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением условий контракта, и приказом командира воинской части от 27 июля 2020 г. исключен из списков личного состава воинской части.

Отменяя решение суда первой инстанции в части признания законным бездействия командира воинской части, выразившегося в непредставлении Б. к увольнению по состоянию здоровья, суд апелляционной инстанции исходил из того, что назначением административного истца 28 августа 2019 г. на другую воинскую должность командованием была прекращена процедура его увольнения. Поэтому командир воинской части обязан был направить рапорты Б. и необходимые документы полномочному воинскому должностному лицу для принятия им решения по вопросу увольнения Б. по состоянию здоровья.

Кроме того, суд апелляционной инстанции указал, что аттестация Б. по новой воинской должности не проводилась, тогда как это является обязательным условием для увольнения по данному основанию.

Не согласившись с выводами суда апелляционной инстанции, кассационный военный суд посчитал, что материалы дела не содержат сведений о прекращении командованием процедуры увольнения Б. с военной службы в связи с невыполнением условий контракта, а непроведение аттестации по новой должности при наличии неснятых дисциплинарных взысканий не может препятствовать увольнению.

Данные выводы суда кассационной инстанции основаны на неправильном истолковании норм материального права и сделаны без учета имеющих существенное значение для дела обстоятельств.

Как следует из нормы п. 1 ст. 43 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», назначение на воинские должности категорий военнослужащих, к которым относится заявитель, производится в порядке, установленном Положением о порядке прохождения военной службы, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 (далее — Положение о порядке прохождения военной службы).

В соответствии с п. 5 ст. 11 Положения о порядке прохождения военной службы назначение военнослужащего на воинскую должность производится в случае, если он отвечает требованиям, предъявляемым к данной воинской должности; при этом учитываются уровень профессиональной подготовки военнослужащего, его психологические качества, состояние здоровья и иные обстоятельства, предусмотренные названным Положением.

В суде установлено, что приказами уполномоченного воинского должностного лица от 28 января 2019 г. и от 28 августа 2019 г. (с учетом изменений от 17 октября 2019 г.) Б. назначен по служебной необходимости заместителем командира роты воинской части, а затем в связи с организационно-штатными мероприятиями — на равную воинскую должность в ту же воинскую часть.

Из изложенного следует, что командир воинской части, будучи осведомленным о служебной деятельности административного истца, посчитал его соответствующим установленным требованиям для прохождения военной службы по контракту на равных воинских должностях как в январе, так и в августе 2019 г. При этом в октябре 2019 г. такое решение им было подтверждено в приказе от 17 октября 2019 г., которым были внесены изменения в ранее изданный приказ от 28 августа 2019 г. в части, касающейся Б.

Соответственно, решение командира воинской части в июне 2020 г., принятое спустя значительное время после назначения Б. на другую воинскую должность, о его досрочном увольнении в связи с невыполнением условий контракта должно было основываться в том числе на иных обстоятельствах, позволяющих уволить административного истца по данному основанию с занимаемой им должности, и приниматься при соблюдении установленной процедуры.

В соответствии с подп. “в” п. 2 и п. 22 ст. 51 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” военнослужащий может быть уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта только по заключению аттестационной комиссии, вынесенному по результатам аттестации военнослужащего, за исключением случаев, когда увольнение по указанному основанию осуществляется в порядке исполнения дисциплинарного взыскания. При этом если военнослужащий имеет неснятые дисциплинарные взыскания, то такой военнослужащий может быть уволен с военной службы по указанному основанию только до истечения срока, в течение которого военнослужащий считается имеющим дисциплинарное взыскание.

Проведение аттестации, как это установлено ст.ст. 26 и 27 Положения о порядке прохождения военной службы, в свою очередь, предполагает предоставление командованием военнослужащему возможности заблаговременно ознакомиться с оценкой своей служебной деятельности, заявить о своем несогласии с такой оценкой, сообщить дополнительные сведения, лично участвовать в заседании аттестационной комиссии, обжаловать ее заключение и порядок проведения аттестации как вышестоящему командиру, так и в суд.

Однако ничего этого командованием сделано не было. В результате без оценки остались не только служебная деятельность Б. за период с 28 августа 2019 г. по 2 июня 2020 г., но и произошедшие изменения в состоянии его здоровья, отраженные в заключении военно-врачебной комиссии от 23 октября 2019 г. о признании его ограниченно годным к военной службе.

Аттестация административного истца 28 августа 2019 г. с учетом изложенного, а также длительности времени исполнения им служебных обязанностей в новой воинской должности и изменения состояния его здоровья не могла быть положена в основу представления Б. к досрочному увольнению в связи с невыполнением им условий контракта.

Согласно подп. “б” п. 3 ст. 51 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, имеет право на досрочное увольнение с военной службы по состоянию здоровья — в связи с признанием военно-врачебной комиссией ограниченно годным к военной службе. Реализуя указанное право, Б. 22 ноября 2019 г. и 20 апреля 2020 г. обратился к командиру воин-

ской части с рапортами об увольнении с военной службы по состоянию здоровья.

При таких данных суд апелляционной инстанции пришел к правильному выводу о необходимости рассмотрения командиром воинской части указанных рапортов административного истца и направления документов полномочному воинскому должностному лицу для принятия решения об изменении основания увольнения Б.

Определение № 225-КА22-1-К10

40. Место жительства лица может быть установлено судом на основе различных юридических фактов, не обязательно связанных с его регистрацией компетентными органами.

Решением Читинского гарнизонного военного суда от 23 ноября 2020 г. признано незаконным решение жилищной комиссии Пограничного управления ФСБ России по Забайкальскому краю (далее — Управление) от 28 августа 2020 г. об отказе Р. в признании нуждающимся в жилом помещении в г. Чите.

Апелляционным определением 2-го Восточного окружного военного суда от 11 марта 2021 г., оставленным без изменения кассационным определением кассационного военного суда от 1 июня 2021 г., решение отменено, по делу принято новое решение об отказе административному истцу в удовлетворении заявленных требований.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций отменила, оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что Р. с момента рождения был вселен в качестве члена семьи в жилой дом общей площадью жилого помещения 103,3 кв.м, принадлежащий на праве собственности его отцу и находящийся в с. Чиликар Хивского района Республики Дагестан. В августе 1998 г. он был зарегистрирован в этом жилом помещении по месту жительства.

В мае 1999 г. Р. призван на военную службу в воинскую часть, дислоцированную в с. Мангут Читинской области, а в июне 2001 г. поступил на военную службу по контракту, которую проходил в воинских частях, дислоцированных в пгт Забайкальск и с. Соловьевск Забайкальского края. С марта 2019 г. он проходит военную службу в воинском звании прапорщика в воинской части, дислоцированной в пгт Забайкальск Забайкальского края, где зарегистрирован по месту пребывания.

В соответствии с абз. 4 и 7 п. 1 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” административный истец как поступивший на военную службу по контракту после 1 января 1998 г. подлежит обеспечению на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями.

Согласно абз. 12 п. 1 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” военнослужащим, обеспечиваемым на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями и признанным нуждающимися в жилых помещениях, по достижении общей продолжительности военной службы 20 лет и более федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, предоставляются субсидия для приобретения или строительства жилого помещения (далее — жи-

лищная субсидия) или жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности.

По достижении общей продолжительности военной службы более 20 лет Р. в июле 2020 г. обратился в Пограничное управление ФСБ России по Забайкальскому краю и жилищную комиссию Управления с заявлением о признании его нуждающимся в жилом помещении в г. Чите в форме предоставления жилищной субсидии.

Решением жилищной комиссии Управления от 28 августа 2020 г., утвержденным начальником Управления 1 сентября 2020 г., Р. в удовлетворении заявления отказано ввиду регистрации по месту жительства в доме, принадлежащем на праве собственности его отцу, общая площадь жилого помещения которого, приходящаяся на каждого члена семьи, составляет более учетной нормы, установленной в г. Чите.

Признавая решение жилищной комиссии незаконным, суд первой инстанции исходил из того, что с момента выезда Р. из жилого помещения при призыве в мае 1999 г. на военную службу он перестал являться членом семьи своего отца — собственника дома, в связи с чем площадь этого помещения не подлежит учету при решении вопроса о постановке административного истца на жилищный учет.

Отменяя решение суда первой инстанции, окружной военный суд указал, что Р. вселен в жилое помещение в качестве члена семьи его собственника и не утратил право проживания в нем до настоящего времени ввиду сохранения постоянной регистрации в этом помещении.

Соглашаясь с выводами суда апелляционной инстанции, кассационный военный суд дополнительно указал, что временная регистрация административного истца по месту военной службы не свидетельствует об изменении им места жительства в доме своего отца.

Такие выводы судов апелляционной и кассационной инстанций основаны на неправильном истолковании закона.

Право военнослужащих на жилище установлено п. 1 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих”, в соответствии с которым государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в порядке и на условиях, установленных названным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета.

Согласно абз. 13 п. 1 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” военнослужащие признаются федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, нуждающимися в жилых помещениях по основаниям, предусмотренным ст. 51 ЖК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 51 ЖК РФ нуждающимися в жилых помещениях признаются в том числе граждане, являющиеся собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения и обеспеченные общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы.

Из изложенного следует, что установление принадлежности административного истца к членам семьи собственников жилого помещения имеет существенное значение для дела.

Вместе с тем, признавая Р. членом семьи собственника жилого помещения — своего отца только исходя из факта сохранения регистрации по месту жительства в этом помещении, суды

апелляционной и кассационной инстанций оставили без внимания, что административный истец после призыва в мае 1999 г. на военную службу выехал из этого помещения и больше туда не вселялся в связи с прохождением военной службы в другом субъекте Российской Федерации.

Это обстоятельство является юридически значимым.

В соответствии с абз. 11 п. 1 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих” за военнослужащими, обеспечиваемыми служебными жилыми помещениями, на первые 5 лет военной службы по контракту (не считая времени обучения в военных профессиональных образовательных организациях или военных образовательных организациях высшего образования) сохраняется право на жилые помещения, занимаемые ими до поступления на военную службу.

Содержание названной нормы Закона указывает на то, что за такими военнослужащими сохраняются жилые помещения, в которых они проживали до поступления на военную службу, лишь на первые 5 лет военной службы.

О сохранении за ними права на жилые помещения, занимаемые до поступления на военную службу, на более длительный срок законодательство о воинской обязанности и военной службе указаний не содержит, а по общему правилу в силу ч. 1 ст. 31 ЖК РФ обязательным условием отнесения детей и родителей собственника жилого помещения к членам семьи собственника жилого помещения является их совместное проживание.

Поскольку по истечении пятилетнего срока после поступления на военную службу по контракту Р. в жилой дом, принадлежащий на праве собственности его отцу, обратно не вселился, а продолжил проходить военную службу в другом субъекте Российской Федерации, законных оснований для продолжения отнесения административного истца к членам семьи собственников жилого помещения не имелось.

Сохранение Р. в период военной службы регистрации в жилом доме, принадлежащем на праве собственности его отцу, — с учетом фактического выселения из этого дома в 1999 году, отсутствия ведения с этого времени общего хозяйства с ним и выбора после окончания военной службы местом постоянного жительства г. Читы — не может свидетельствовать о продолжении отнесения его к членам семьи собственника жилого помещения.

К тому же, как пояснил в судебном заседании административный истец, и это пояснение не опровергнуто, единственным препятствием для снятия его с регистрационного учета по месту жительства до призыва на военную службу являлась необходимость хранения принадлежащего ему оружия.

Согласно ст. 3 Закона РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 “О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации” регистрация или отсутствие таковой не может служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конституциями (уставами) и законами субъектов Российской Федерации.

При таких данных и с учетом п. 1 ст. 20 ГК РФ, согласно которому местом жительства признается место, где гражданин постоянно или пре-

имущественно проживает, суд первой инстанции на основании установленных в судебном заседании доказательств пришел к правильному выводу о том, что местом жительства Р. является место его военной службы в пгт Забайкальск Забайкальского края вне зависимости от сохранения регистрации по адресу его проживания до призыва на военную службу.

При этом суд правильно исходил из того, что место жительства лица может быть установлено судом на основе различных юридических фактов, не обязательно связанных с его регистрацией компетентными органами, на что неоднократно обращалось внимание Конституционного Суда РФ в Постановлениях от 24 ноября 1995 г. № 14-П, от 4 апреля 1996 г. № 9-П, от 15 января 1998 г. № 2-П, от 2 февраля 1998 г. № 4-П, а также Определения от 5 октября 2000 г. № 199-О, от 4 марта 2004 г. № 146-О.

Таким образом, отказ жилищной комиссии в признании Р. нуждающимся в жилом помещении ввиду сохранения регистрации по месту жительства в доме, принадлежащем на праве собственности его отцу, нарушает его право на жилище в порядке и на условиях, установленных Федеральным законом «О статусе военнослужащих».

С учетом изложенного суд первой инстанции пришел к правильному выводу о том, что оспариваемое решение жилищной комиссии Управления от 28 августа 2020 г. не основано на законе, в связи с чем обязал жилищную комиссию отменить это решение и повторно рассмотреть вопрос о принятии Р. на учет военнослужащих, нуждающихся в жилых помещениях.

Определение № 226-КАД22-1-К10

41. Представленные военнослужащим в жилищную комиссию объяснения в обоснование сохранения оснований для нахождения на жилищном учете подлежат проверке жилищным органом.

Решением 35 гарнизонного военного суда от 30 июля 2021 г., оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского военного суда от 27 октября 2021 г. и кассационным определением кассационного военного суда от 24 февраля 2022 г., М. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконным решение жилищной комиссии Пограничного управления ФСБ России по восточному арктическому району (далее — Пограничное управление) от 8 апреля 2021 г. о снятии его в составе семьи из 2 человек (он и дочь) с учета нуждающихся в жилых помещениях по избранному месту жительства в г. Магадане (с обеспечением жилым помещением в форме предоставления субсидии для приобретения или строительства жилого помещения (далее — жилищная субсидия)).

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ обжалуемые судебные акты отменила, направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что М., проходивший военную службу по контракту с сентября 1994 г., в том числе службу в г. Магадане Пограничного управления с августа 2015 г., приказом ФСБ России от 21 декабря 2018 г. уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и с 18 января 2019 г. исключен из списков личного состава управления.

В период военной службы М., обеспеченный по месту ее прохождения служебным жильем, на

основании решений жилищной комиссии Пограничного управления от 18 августа и 20 сентября 2016 г. признан нуждающимся в жилом помещении в г. Магадане в составе семьи из 3 человек (он, супруга и дочь) в форме жилищной субсидии.

Решением жилищной комиссии Пограничного управления от 16 августа 2017 г. супруга административного истца — С. снята с жилищного учета в составе его семьи как состоящая в реестре участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих.

16 апреля 2018 г. С. приобрела за счет средств накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих жилое помещение в г. Каменске-Шахтинском Ростовской области общей площадью 200 кв.м.

Решением жилищной комиссии Пограничного управления от 8 апреля 2021 г. административный истец вместе с дочерью сняты с жилищного учета как обеспеченные жилым помещением по установленным нормам в качестве членов семьи С.

Вступившим в законную силу решением Магаданского городского суда от 25 мая 2021 г., куда М. обратился с иском о расторжении брака и разделе имущества 29 марта 2021 г., брак между административным истцом и С. расторгнут, в удовлетворении остальных требований отказано ввиду того, что истец и ответчик с января 2018 г. проживают раздельно и с этого времени прекратили семейные отношения и ведение общего хозяйства. По этой причине суд признал отсутствующим режим совместной собственности в отношении жилого помещения, приобретенного С. на праве собственности в апреле 2018 г.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении административного искового заявления, суд первой инстанции исходил из того, что на день вынесения оспариваемого решения жилищная комиссия не располагала сведениями относительно семейных обстоятельств административного истца и его намерения расторгнуть брак, а решение Магаданского городского суда не было вынесено.

Оставляя решение без изменения, суд апелляционной инстанции дополнительно указал, что установленные Магаданским городским судом факты прекращения административным истцом и его бывшей супругой семейных отношений и ведения общего хозяйства с января 2018 г. не свидетельствуют об ошибочности решения жилищной комиссии Пограничного управления. В силу нормативных предписаний М. обязан был сообщить в жилищную комиссию в течение 5 дней об изменении ранее представленных сведений, чего им сделано не было.

Суд кассационной инстанции, согласившись с выводами судов первой и апелляционной инстанций, также указал, что утверждение административного истца о том, что он сообщил жилищной комиссии о подаче им иска о расторжении брака и разделе имущества, ничем не подтверждено и, по сути, не имеет юридического значения, так как жилищная комиссия на момент принятия решения обладала лишь данными об обеспеченности М. и его дочери жильем.

При этом судами оставлены без внимания иные имеющие существенное значение обстоятельства, что повлекло неправильное применение норм материального права.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ граждане снимаются с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях в случае утраты ими оснований,

дающих им право на получение жилого помещения по договору социального найма.

Аналогичные положения содержатся в Правилах организации в органах федеральной службы безопасности работы по обеспечению жилыми помещениями, утвержденных приказом ФСБ России от 24 октября 2011 г. № 590 (далее — Правила), согласно п. 35 которых решение о снятии с учета принимается жилищной комиссией в случае выявления обстоятельств, являющихся основанием принятия такого решения.

Одним из таких обстоятельств в силу подп. “б” п. 29 названных Правил является утрата военнослужащим оснований, дающих право на получение жилого помещения по договору социального найма.

В качестве основания для снятия административного истца с жилищного учета жилищная комиссия указала на его обеспеченность жилым помещением в составе семьи его супруги, что подтверждено выпиской из государственного реестра недвижимости.

В судебном заседании представитель административных ответчиков пояснил, что каких-либо пояснений от М. истребовано не было ввиду отсутствия к этому оснований.

Между тем из материалов дела следует, что административный истец в заседании жилищной комиссии 8 апреля 2021 г., где решался вопрос о снятии его с учета нуждающихся в жилых помещениях, участия не принимал. В этот день он находился в Ростовской области.

О заседании жилищной комиссии М. был извещен 6 апреля 2021 г., что согласуется с доводами, изложенными представителем Пограничного управления в апелляционной жалобе на решение Магаданского городского суда от 25 мая 2021 г.

Согласно этим доводам 6 апреля 2021 г. секретарь жилищной комиссии А. в ходе телефонного разговора проинформировала административного истца о возможном снятии его с учета нуждающихся в жилом помещении на заседании комиссии 8 апреля 2021 г.

Представитель административного истца показал в судебном заседании, что именно в ходе этого телефонного разговора М. сообщил о поданном им в суд заявлении о разводе. Как следует из копии конверта, письмо, адресованное в Магаданский городской суд, принято от М. почтовым отделением 29 марта 2021 г.

При этом представитель административного истца пояснил суду, что жилищная комиссия на момент заседания обладала информацией о раздельном проживании М. и его супруги, что следует, по его мнению, из имевшихся в распоряжении комиссии данных об их регистрации по разным адресам.

При таких данных представленные административным истцом объяснения в обоснование сохранения оснований для нахождения на жилищном учете, а именно ссылки на его раздельное проживание с супругой с января 2018 г. и отсутствие ведения общего хозяйства, подлежали проверке с последующей их оценкой.

Согласно п. 4 ст. 38 СК РФ суд может признать имущество, нажитое каждым из супругов в период их раздельного проживания при прекращении семейных отношений, собственностью каждого из них.

При этом, как следует из разъяснений, содержащихся в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 “О применении судами законодательства при рассмотре-

нии дел о расторжении брака”, если после фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства супруги совместно имущество не приобретали, суд в соответствии с п. 4 ст. 38 СК РФ может произвести раздел лишь того имущества, которое являлось их общей совместной собственностью ко времени прекращения ведения общего хозяйства.

Однако суд первой инстанции не исследовал имеющие значение для правильного разрешения дела обстоятельства, в том числе не проверил наличие у жилищной комиссии данных о регистрации административного истца и его супруги по разным адресам, не допросил в качестве свидетеля секретаря жилищной комиссии А., которой согласно пояснениям представителя административного истца М. сообщил о поданном им в суд заявлении о разводе.

Оставлены судом без внимания и предписания подп. “в” п. 3.1 Правил, согласно которым военнослужащие и члены их семей вправе по собственной инициативе представлять в жилищную комиссию документы, по мнению военнослужащих и членов их семей, подтверждающие их право состоять на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях.

С учетом извещения административного истца о рассмотрении жилищной комиссией вопроса о снятии его с жилищного учета лишь за 2 дня до ее заседания суду также надлежало выяснить объективную возможность представления М., находившимся в ином субъекте Российской Федерации, документов при их наличии, в том числе об обращении в суд с заявлением о разводе.

При таких данных приведенные административным истцом обстоятельства, указывающие на сохранение оснований для нахождения его на жилищном учете на 8 апреля 2021 г., имели существенное значение для дела и подлежали проверке в судебном заседании суда первой инстанции с последующей оценкой наряду с иными доказательствами.

Исходя из изложенного, выводы судебных инстанций об утрате правовых оснований для оставления М. на учете нуждающихся в жилых помещениях в порядке, предусмотренном Федеральным законом “О статусе военнослужащих”, являются преждевременными, не основанными на законе и существенных для данного дела обстоятельствах.

Определение № 228-КАД22-4-К10

По гражданским делам

42. Невручение военнослужащему судебного постановления командованием воинской части, на адрес которой судом направлена его копия, может указывать на уважительность пропуска срока обжалования указанного постановления.

Определением судьи кассационного военного суда от 8 октября 2021 г., оставленным без изменения определением кассационного военного суда от 26 ноября 2021 г., А. отказано в восстановлении пропущенного процессуального срока подачи кассационной жалобы на определение судьи кассационного военного суда от 1 сентября 2020 г. об оставлении без движения и определение судьи кассационного военного суда от 30 сентября 2020 г. о возвращении без рассмотрения по существу кассационной жалобы на решение Махачкалинского гарнизонного военного суда от 30 апреля 2020 г. и апелляционное определение Южного окружного военного суда от 8 июля 2020 г. по гра-

жданскому делу по иску ФКУ “Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации” к А. о взыскании излишне выплаченных денежных средств.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе А. на определение судьи кассационного военного суда от 8 октября 2021 г. и определение кассационного военного суда от 26 ноября 2021 г., Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ названные судебные постановления отменила и восстановила ответчику процессуальный срок подачи кассационной жалобы на определение судьи кассационного военного суда от 1 сентября 2020 г. и определение судьи кассационного военного суда от 30 сентября 2020 г. по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что решением Махачкалинского гарнизонного военного суда от 30 апреля 2020 г., оставленным без изменения апелляционным определением Южного окружного военного суда от 8 июля 2020 г., удовлетворен иск ФКУ “Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации” к А. о взыскании излишне выплаченных денежных сумм.

Не согласившись с принятыми судебными постановлениями, А. 17 августа 2020 г. через гарнизонный военный суд обратился с кассационной жалобой, которая поступила в кассационный военный суд 31 августа 2020 г.

Определением судьи кассационного военного суда от 1 сентября 2020 г. кассационная жалоба оставлена без движения, А. предложено до 28 сентября 2020 г. устранить недостатки жалобы.

Определением судьи кассационного военного суда от 30 сентября 2020 г. кассационная жалоба А. возвращена без рассмотрения по существу.

Копии этого определения 7 октября и 2 ноября 2020 г. организацией почтовой связи направлялись А. по указанному им в кассационной жалобе адресу воинской части, в которой ответчик проходит военную службу по контракту.

27 сентября 2021 г. А. вновь обратился с кассационной жалобой в кассационный военный суд, указав, что об оставлении его кассационной жалобы без движения и о ее возвращении без рассмотрения по существу ему не было известно, соответствующих копий определений от 1 и 30 сентября 2020 г. он не получал. Копии указанных определений он получил только 7 сентября 2021 г. при обращении в Махачкалинский гарнизонный военный суд. В связи с этим он просил признать уважительной причину пропуска им процессуального срока подачи кассационной жалобы.

Определением судьи кассационного военного суда от 8 октября 2021 г. А. отказано в восстановлении пропущенного процессуального срока, его кассационная жалоба возвращена без рассмотрения по существу.

В соответствии с ч. 1 ст. 112 ГПК РФ лицам, пропустившим установленный федеральным законом процессуальный срок по причинам, признанным судом уважительными, пропущенный срок может быть восстановлен.

Согласно ч. 6 ст. 112 ГПК РФ заявление о восстановлении пропущенного процессуального срока подачи кассационных или надзорных жалобы, представления рассматривается в порядке, предусмотренном чч. 2 и 3 ст. 376¹, чч. 2 и 3 ст. 390³, ч. 2 ст. 391² и ч. 2 ст. 391¹¹ данного Кодекса.

Пропущенные процессуальные сроки подачи кассационных или надзорных жалоб, представлений могут быть восстановлены только в исключительных случаях, если суд признает уважитель-

ными причины их пропуска по обстоятельствам, объективно исключающим возможность подачи кассационной или надзорной жалобы в установленный срок (тяжелая болезнь лица, подающего жалобу, его беспомощное состояние и другое), и эти обстоятельства имели место в период не позднее 1 года со дня вступления обжалуемого судебного постановления в законную силу.

Положения ст. 112 ГПК РФ направлены на расширение гарантий судебной защиты прав и законных интересов участников гражданского судопроизводства, предусматривают возможность восстановления судом пропущенного по уважительным причинам процессуального срока, носят общий характер и относятся ко всем установленным законом срокам.

Из приведенных норм процессуального права следует, что в случае пропуска лицом срока подачи кассационной жалобы он может быть восстановлен судом при наличии уважительных причин, перечень которых, содержащийся в ч. 6 ст. 112 ГПК РФ, не является исчерпывающим. Уважительными причинами могут быть признаны не только обстоятельства, относящиеся к личности заявителя, такие как тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и другое, но и обстоятельства, объективно препятствовавшие лицу, добросовестно пользующемуся своими процессуальными правами, реализовать право на обжалование судебного постановления в установленный законом срок.

Вопрос о возможности восстановления заявителю пропущенного процессуального срока решается судом в каждом конкретном случае на основе установления и исследования фактических обстоятельств дела и оценки представленных доказательств по правилам, установленным ст.ст. 67, 71 ГПК РФ. При этом суд обязан оценивать все приведенные заявителем в обоснование уважительности причин пропуска срока доводы и исчерпывающим образом мотивировать свои выводы по данному вопросу в определении суда.

Таким образом, суд, действуя в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения с учетом необходимости обеспечения баланса прав и законных интересов участников гражданского судопроизводства, соблюдения их гарантированных прав и требований справедливости, оценивая, является ли то или иное обстоятельство достаточным для принятия решения о восстановлении пропущенного процессуального срока для обжалования судебных актов, не должен действовать произвольно, а обязан проверять и учитывать всю совокупность обстоятельств конкретного дела, не позволивших лицу своевременно обратиться в суд с кассационной жалобой.

Между тем суд кассационной инстанции не учел, что копии обжалуемых определений А. получил только 7 сентября 2021 г. при обращении в Махачкалинский гарнизонный военный суд, и в материалах дела отсутствуют какие-либо данные, свидетельствующие о получении им указанных копий ранее этой даты.

Из отчетов об отслеживании отправлений с почтовым идентификатором усматривается, что копии определений, направлявшиеся А. по адресу дислокации воинской части, в которой он проходит военную службу, поступили туда 18 сентября 2020 г. и 9 октября 2020 г., однако они вручены ему не были и возвращены обратно отправителю.

При этом А. указывал, что в эти дни он находился при исполнении обязанностей военной

службы на территории воинской части и информация о поступлении корреспонденции из кассационного военного суда и необходимости ее получения до него как воинскими должностными лицами, так и организацией почтовой связи не доводилась. Эти объяснения не опровергнуты.

Данные обстоятельства свидетельствуют о наличии у А. уважительных причин, объективно препятствовавших ему своевременно обратиться с кассационной жалобой на указанные определения в кассационный военный суд.

Определение № 224-КГ22-5-К10

По уголовным делам

43. Участие лица в деятельности экстремистской организации и его участие в незаконном вооруженном формировании, имеющие разный объект преступного посягательства, влекут самостоятельную уголовную ответственность.

Приговор изменен в части осуждения лица за незаконные приобретение, ношение и перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

По приговору 2-го Западного окружного военного суда от 3 августа 2020 г., оставленному без изменения апелляционным определением апелляционного военного суда от 30 августа 2021 г., Д. осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 208 и ч. 2 ст. 282² УК РФ, за участие на территории Украины в октябре — декабре 2017 г. в деятельности организации, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу решение о ее запрете в связи с осуществлением экстремистской деятельности, и за участие в тот же период на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

Кроме того, Д. осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ за незаконные приобретение, хранение, ношение и перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов, совершенные на территории Тульской области и г. Москвы в 2013—2018 гг.

По мнению стороны защиты, в результате неправомерной квалификации органами предварительного следствия одних и тех же действий Д. по ч. 2 ст. 282² и ч. 2 ст. 208 УК РФ Д. понес уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по кассационным жалобам осужденного и его защитника, приговор и апелляционное определение в указанной части оставила без изменения.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности”, под участием в деятельности экстремистской организации понимается совершение лицом умышленных действий, непосредственно относящихся к продолжению или возобновлению деятельности данной организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т.п.).

В свою очередь, как следует из разъяснений, указанных в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 “О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической на-

правленности”, под участием в незаконном вооруженном формировании надлежит понимать вхождение в состав такого формирования (например, принятие присяги, дача подписки или устного согласия, получение формы, оружия), выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого формирования (обучение его участников; строительство временного жилья, различных сооружений и заграждений; приготовление пищи; ведение подсобного хозяйства в местах расположения незаконного вооруженного формирования и т.п.).

В связи с изложенным преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 282² и ч. 2 ст. 208 УК РФ, посягают на различные объекты: по ст. 208 УК РФ — на общественную безопасность и безопасность институтов общества и государства, а по ст. 282² УК РФ — на основы конституционного строя, конституционные права граждан, их честь и достоинство.

Судом установлено, что Д., реализуя ранее сформированный умысел, прибыл 6 октября 2017 г. на территорию Украины и примкнул к экстремистской организации “Правый сектор”, чем совершил умышленные действия, направленные на продолжение ее деятельности. Затем он вступил в “Украинскую добровольческую армию”, созданную в 2015 году на базе боевых подразделений данной экстремистской организации, при отсутствии в украинском законодательстве нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность и статус “Украинской добровольческой армии” и входящих в нее вооруженных формирований, а также регламентирующих ношение и применение боевого огнестрельного оружия их участниками.

Участвуя в незаконном вооруженном формировании, Д. имел на руках оружие и боеприпасы, нес внутреннюю и караульную службу, возводил фортификационные сооружения, обеспечивал доставку продуктов и организацию питания бойцов, а также выполнял иные поручения руководства.

Таким образом, Д. совершил как действия, направленные на продолжение деятельности экстремистской организации, подлежащие квалификации по ч. 2 ст. 282² УК РФ, так и иные действия, выразившиеся в участии в незаконном вооруженном формировании, правомерно квалифицированные судом по ч. 2 ст. 208 УК РФ.

Вместе с тем Судебная коллегия приговор и апелляционное определение изменила, исключила указание на осуждение Д. по ч. 1 ст. 222 УК РФ за незаконные приобретение, ношение и перевозку огнестрельного оружия и боеприпасов, прекратив уголовное дело в отношении его в этой части, и смягчила наказание как по ч. 1 ст. 222 УК РФ, так и по совокупности преступлений.

Как установлено в судебном заседании, незаконное приобретение огнестрельного оружия и боеприпасов было совершено Д. в конце августа 2017 г., а его ношение и незаконная перевозка — летом 2015 г. Доказательств незаконного ношения Д. огнестрельного оружия и боеприпасов в дальнейшем не установлено.

На момент совершения данных действий санкция ч. 1 ст. 222 УК РФ предусматривала в качестве наиболее строгого вида наказания лишение свободы на срок до четырех лет.

Таким образом, в соответствии с положениями ч. 3 ст. 15 УК РФ названное преступление признавалось преступлением средней тяжести.

В соответствии с п. “б” ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления средней тяжести истекли шесть лет.

Оснований для приостановления в соответствии с ч. 3 ст. 78 УК РФ течения срока давности не усматривается.

Следовательно, сроки давности привлечения Д. к уголовной ответственности за незаконное приобретение огнестрельного оружия и боеприпасов истекли до конца августа 2019 г., а за их незаконные ношение и перевозку — в течение лета 2021 года.

Учитывая, что точная дата ношения и перевозки Д. огнестрельного оружия и боеприпасов в течение лета 2015 года не установлена, а приговор в отношении его вступил в законную силу 30 августа 2021 г., руководствуясь ч. 3 ст. 14 УПК РФ, согласно которой все неустранимые сомнения в виновности обвиняемого толкуются в его пользу, Судебная коллегия пришла к выводу о необходимости исчисления срока давности привлечения осужденного к уголовной ответственности за совершение указанных действий до 30 августа 2021 г.

Определение № 222-УД22-12-А6

44. Обман как способ совершения хищения, подлежащего квалификации по ст. 159 УК РФ, может состоять в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение.

По приговору 224 гарнизонного военного суда от 11 мая 2021 г., оставленному без изменения апелляционным определением 1-го Западного окружного военного суда от 29 июня 2021 г., С. осужден по ч. 1 ст. 159 и ч. 3 ст. 291 УК РФ к штрафу за мошенничество и дачу взятки должностному лицу через посредника за совершение заведомо незаконных действий. Судом удовлетворен гражданский иск потерпевшего — ФГКУ “Военный учебно-научный центр Военно-Морского Флота “Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова” (далее — ВУНЦ) о взыскании с осужденного 95 786 руб.

Определением кассационного военного суда от 19 ноября 2021 г. приговор и апелляционное определение изменены, исключено указание об осуждении С. по ч. 1 ст. 159 УК РФ и о назначении ему окончательного наказания по совокупности преступлений, гражданский иск оставлен без рассмотрения.

Рассмотрев дело в том числе по кассационному представлению Главного военного прокурора, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ кассационное определение в отношении осужденного С. отменила, уголовное дело передала на новое кассационное рассмотрение в кассационный военный суд по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что С. в один из дней в период с октября по ноябрь 2019 г. в общежитии ВУНЦ с целью получения ежемесячной надбавки за особые достижения в службе (далее — надбавка) передал через посредника Л. должностному лицу — преподавателю кафедры физической подготовки М. взятку в виде денег в размере 35 000 руб. за выставление ему фиктивных результатов сдачи нормативов по физической подготовке, соответствующих высшему квалификационному уровню. Эти действия С. суд квалифицировал по ч. 3 ст. 291 УК РФ.

Кроме того, суд первой инстанции признал С. виновным в мошенничестве, выразившемся в

том, что он путем обмана начальника ВУНЦ, не осведомленного об отсутствии у осужденного права на получение надбавки и издавшего приказ об установлении ему таковой с 1 января 2020 г., в период с 28 февраля по 8 мая 2020 г. незаконно получил денежные средства в виде надбавки в размере 70% оклада по воинской должности за высший квалификационный уровень физической подготовленности в размере 95 786 руб., причинив ВУНЦ ущерб в указанном размере. Данные действия осужденного судом квалифицированы по ч. 1 ст. 159 УК РФ.

Исключая из приговора и апелляционного определения указание на осуждение С. по ч. 1 ст. 159 УК РФ, кассационный военный суд привел следующее обоснование.

Материалы уголовного дела не содержат сведений о том, что непосредственно сам С. представлял должностным лицам воинской части ведомости с недостоверными сведениями о наличии у него высшего квалификационного уровня физической подготовки, напротив, установлено, что эти действия, которые и обусловили незаконное получение осужденным надбавки, осуществлялись самим взяткополучателем М. Судом не установлено, что осужденный сообщил должностным лицам воинской части сведения, не соответствующие действительности, повлекшие выплату ему надбавки в большем размере, чем ему полагалось.

Сам по себе факт дачи С. взятки за заведомо незаконные действия, а именно за внесение в ведомости недостоверных сведений, одновременно не образует объективной стороны мошенничества, поскольку недостоверные сведения о наличии у осужденного высшего квалификационного уровня физической подготовки были представлены другим лицом.

Однако такой вывод суда кассационной инстанции является ошибочным.

Под хищением, в том числе мошенничеством, согласно п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Объектом преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ (мошенничество), являются общественные отношения в сфере собственности, предметом хищения — имущество.

По смыслу ст. 159 УК РФ и согласно разъяснениям, данным в пп. 1, 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 “О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате”, способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество при мошенничестве, ответственность за которое наступает, в частности, в соответствии со ст. 159 УК РФ, являются обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом. Обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение.

Судом установлено, что С. незаконно завладел денежными средствами в виде надбавки в размере 70% оклада по воинской должности за высший квалификационный уровень физической подготовки в результате незаконных действий М., которого он с целью хищения государственных денежных средств склонил путем дачи взятки через посредника Л. к внесению в ведомости недостоверных сведений о результатах контрольных проверок по физической подготовке.

Таким образом, в результате этих действий потерпевший был введен в заблуждение относительно наличия у С. высшего квалификационного уровня физической подготовки, что привело к незаконному изъятию денежных средств, права на которые он не имел.

Произведенный судами первой и апелляционной инстанций анализ исследованных доказательств и установленные обстоятельства свидетельствуют о том, что незаконное обращение С. в свою пользу указанным выше способом государственных денежных средств непосредственно посягало на объект преступления, предусмотренный главой 21 УК РФ.

В связи с изложенным выводы суда кассационной инстанции об излишнем вменении С. в вину ч. 1 ст. 159 УК РФ и отсутствии оснований для рассмотрения гражданского иска потерпевшего являются ошибочными.

Определение № 221-УДП22-1-К10

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

45. Совершение судьей во внеслужебное время проступка, умаляющего авторитет судебной власти и достоинство судьи, является основанием для досрочного прекращения его полномочий.

Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ отказала в удовлетворении жалобы Я. на решение квалификационной коллегии судей Волгоградской области о досрочном прекращении полномочий судьи за совершение дисциплинарного проступка, указав в решении следующее.

Из материалов дела следует, что судья Я. во внеслужебное время находилась в общественном месте в состоянии опьянения, оскорбительном для человеческого достоинства и общественной нравственности, вследствие чего была доставлена в отдел полиции, где были установлены ее личность и занимаемая должность судьи. Обстоятельства нахождения Я. в общественном месте с признаками опьянения и доставления в отдел полиции стали известны сотрудникам полиции, что нанесло ущерб репутации судьи, к служебной деятельности которой в числе иных относится рассмотрение дел об административных правонарушениях, и, как следствие, привело к умалению авторитета судебной власти.

Оценив содеянное Я., квалификационная коллегия судей пришла к правильному выводу о том, что поведение Я. представляет собой дисциплинарный проступок, несовместимый со статусом судьи, поскольку она своими виновными действиями во внеслужебной деятельности существенно, грубо нарушила положения Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 “О статусе судей в Российской Федерации” и Кодекса судейской этики, что не только причинило ущерб ее репутации как судьи, но и в целом дискредитировало судебную власть.

Дисциплинарная коллегия признала данный вывод обоснованным, а действия Я. — несовместимыми с высоким званием судьи.

При наложении на Я. дисциплинарного взыскания квалификационной коллегией судей приняты все заслуживающие внимания обстоятельства, в том числе наличие у нее на момент совершения проступка непогашенного дисциплинарного взыскания в виде замечания, а также факты несдачи с 2019 года в отдел делопроизводства 226 дел и неустановления места нахождения 5 рассмотренных гражданских дел, невыполнения процессуальных действий по направлению дел в апелляционную инстанцию по 29 жалобам, нарушения сроков обращения к исполнению судебных актов, большого количества обоснованных жалоб на ее действия, связанных с несвоевременным изготовлением решений, выдачей копий решений и исполнительных документов, направлением их сторонам.

Решение № ДК22-7

46. Несоблюдение квалификационной коллегией судей процедуры голосования при принятии решения о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности послужило основанием для его отмены.

Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ удовлетворила жалобу Г. и отменила решение квалификационной коллегии судей Рязанской области о досрочном прекращении его полномочий судьи районного суда за совершение дисциплинарного проступка в связи с нарушением процедуры голосования при его принятии.

В судебном заседании Дисциплинарная коллегия установила, что при рассмотрении заключения комиссии по рассмотрению жалоб и обращений, касающихся совершения судьей Г. дисциплинарного проступка, присутствовали 10 членов квалификационной коллегии судей Рязанской области. В данном случае решение о досрочном прекращении полномочий судьи могло быть принято при условии, если бы за такое решение проголосовало не менее 7 членов квалификационной коллегии судей, принимавших участие в заседании.

Как усматривается из решения квалификационной коллегии судей и протокола результатов тайного голосования, за прекращение отставки судьи Г. проголосовали 6 членов квалификационной коллегии судей, что составляет менее двух третей от числа членов коллегии, принимавших участие в заседании.

При этом доказательств того, что решение принято предусмотренным законом квалифицированным большинством голосов, заинтересованным лицом не представлено, тогда как обязанность доказывания в силу ч. 1 ст. 235 КАС РФ лежит на квалификационной коллегии судей.

Решение № ДК22-8

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Вопрос. Допускается ли после 25 марта 2022 г. взыскание с застройщика в пользу гражданина, заключившего договор участия в долевом строительстве исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, суммы компенсации морального вреда, предусмотренной ст. 15 Закона РФ “О защите прав потребителей”, в случае нарушения застройщиком сроков передачи объекта долевого строительства или несоответствия переданного объекта долевого строительства требованиям, установленным к качеству такого объекта?

Ответ. Частью 1 ст. 18 Федерального закона от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ “О внесении изменений в от-

дельные законодательные акты Российской Федерации” Правительству РФ в 2022 году предоставлено право принимать решения, предусматривающие особенности применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве (п. 4), и особенности передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства (п. 6).

Во исполнение п. 6 ч. 1 ст. 18 этого Закона Правительством РФ принято постановление от 23 марта 2022 г. № 442 “Об установлении особенностей передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства” (далее — постановление № 442), которое вступило в силу 25 марта 2022 г.

Пунктом 2 постановления № 442 установлено, что к отношениям, связанным с передачей объекта долевого строительства участнику долевого строительства по договору, заключенному гражданином — участником долевого строительства исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, применяются исключительно положения Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” с учетом особенностей, установленных данным постановлением.

Таким образом, названное постановление не содержит положений, которые прямо исключают возможность применения Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 “О защите прав потребителей” к отношениям по передаче объекта долевого строительства участнику долевого строительства.

При этом п. 2 постановления № 442 устанавливает, что к данным правоотношениям применяются положения Федерального закона “Об участии в долевом

строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации”.

В соответствии с ч. 9 ст. 4 названного Закона к отношениям, вытекающим из договора, заключенного гражданином — участником долевого строительства исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, применяется законодательство Российской Федерации о защите прав потребителей в части, не урегулированной данным Законом.

Кроме того, в силу ст. 9 Федерального закона от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ “О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации” в случаях, когда одной из сторон в обязательстве является гражданин, использующий, приобретающий, заказывающий либо имеющий намерение приобрести или заказать товары (работы, услуги) для личных бытовых нужд, такой гражданин пользуется правами стороны в обязательстве в соответствии с Гражданским кодексом РФ, а также правами, предоставленными потребителю Законом РФ “О защите прав потребителей” и изданными в соответствии с ним иными правовыми актами.

Поскольку Федеральным законом “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” вопрос о взыскании суммы компенсации морального вреда не урегулирован, к отношениям, связанным с передачей объекта долевого строительства гражданину, заключившему договор участия в долевом строительстве исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, применяются положения ст. 15 Закона РФ “О защите прав потребителей”, в том числе и после 25 марта 2022 г.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
12 октября 2022 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), Астахов С.В., Борисова Е.Е., Глазов Ю.В.,
Давыдов В.А., Дзыбан А.А., Журавлева Е.М., Момотов В.В., Нефедов О.Н.,
Петрова Т.А., Подносова И.Л., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В.,
Хаменков В.Б., Хомчик В.В., Шилохвост О.Ю.

Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Подписано в печать 31.10.2022. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 10,76. Тираж 7765 экз. Заказ 108-2022.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru
